

И именно там нам навстречу выскочил единорог. Один.

... Он выскочил на лужайку, сверкая, как кипящее серебро — на последнем луче уходящего спять Солнца повис, казалось, отделившийся от его лба витой рог. Он был прекрасен. Я не видел драконов, но думаю, что и они, и единороги — как и некоторые другие, как Ланон Ши — это то, что человек всегда сопровождает словами: «Я онемел».

А я нет. Кипящее серебро его боков, сине-зеленый ремень вздыбленной по хребту шерсти, сапфирово-светящийся рог ошеломили меня и я негромко выдохнул: «На таком пахать впору». Это был просто набор букв, поймите меня. Я не умел тогда просто промолчать. Просто разрыдаться от великолепия картины мне не дано... Как быстро можно сжиться с маской, если она не твоя, но хоть частично верна... «На таком пахать впору», — сказал я.

— На единорогах не пашут — тяжело вздохнул Шингхо, давая понять, что мне снова удалось сделать невозможное — удивить его.

— А?

— Это поговорка. Такая поговорка. «На единорогах не пашут».

... И невозможно, невообразимо величественный единорог ушел в чащу, не шевельнув ни один листок на тесно росших деревьях.

И всё это правда. На единорогах в романе действительно не пашут. Впрочем, в поедании радуги и дефекации её впоследствии в виде бабочек, единороги в романе тоже не замечены. Они в нём, вообще, больше не встречаются. Ни персонажам, ни читателю.

А что же вместо этого? А вместо этого наблюдается «нормальный уровень средневекового зверства», как называли это Стругацкие. Впрочем, их в романе тоже нет. А что же есть? А есть фэнтези, которая, конечно, сказка, но, всё же, сказка для взрослых...

Александр Валентинович Ледащѐв
НА ЕДИНОРОГАХ НЕ ПАШУТ

Моему отцу посвящаю

Луна грустно, но решительно замоталась в рваное полотно черной, грозовой тучи, и стало совсем темно. Молния, еще далекая, черкнула по небокраю и на миг высветила: на гребне крепостной стены, мокро блистающей чешуею гранитных глыб замка, стояли двое — невысокий, худощавый человек в длинном, до земли, балахоне и огромная сова, головой вровень с плечом одетого в балахон. Вдали, в черноте, дышащей влажным ртом, вспыхнул огонек — по правую руку человека. Чуть погода — такой же огонек, маленький, но яркий, полыхнул по левую руку.

— Тебя обложили, как лиса в норе, — равнодушно сказала сова.

— Да, похоже. Они идут с двух сторон. Или хотят, чтобы мы так думали. А основной удар запросто может прийти откуда угодно, — глухим, неокрашенным голосом сказал человек. Он говорил быстро, откусывая слова и сплевывая их на ветер.

Словно соглашаясь с говорившим, кто-то вдали чиркнул кресалом, и третья рдяная точка повисла во тьме, казалось, сама по себе — прямо перед странной парой, стоявшей на краю стены. Еще, еще и еще — со всех сторон вспыхивали и не гасли огоньки.

— Гм... — негромко сказал человек. — Как-то странно вдруг осознать, что у меня довольно-таки большой майорат. Причем осознать это, глядя, сколько деревень запалили вокруг моего замка. Моих деревень.

— Что ты будешь делать? — сердито спросила сова, явно досадуя на человека за неуместные рассуждения.

— Что я могу сделать, Шингхо? — спросил в свою очередь человек.

Помолчали. Тьма, придавленная сверху чудовищной по размерам тучей, изнемогала от удушья, а ливень медлил. Медлила гроза. Медлил с настоящим ответом человек в балахоне.

... Он провел пальцами по складке балахона и посмотрел на Шингхо.

— Что ты будешь делать, герцог? — на этот раз вопрос не предусматривал никаких экивоков. В голосе Шингхо не слышалось уже давно ставшей привычной издевки. В вопросе же дрожал, как марево горящих деревень, ответ.

Герцог. Сочное, властное слово. Гер-цог. Стук кованых копыт по брусчатке замкового двора.

— Что я могу сделать? — повторил ты. — Что мог бы сделать простой пришелец из-за Кромки, каким я был не так давно? Уйти? Сдаться? Спасти людей, зависящих от него? Да, он — он — мог это сделать. Но что могу сделать я, повелитель майората Вейа, герцог Дорога? Мы будем драться, — ненужно подытожил ты, тем самым обрекая на смерть сотни людей.

... Впрочем, другого ответа они бы мне никогда не простили.

... Если верно, что сон разума порождает чудовищ, то тишина способна запросто породить кошмар и неразбериху. Просто вдруг, прямо в лицо, выкинуть шум, крик и неистовство.

... Мужчина, в мокро отсвечивающей одежде черного цвета, с большими подкладками под плечи и высоким, тяжелым воротом, в котором тонула его шея и нижняя часть подбородка, с матово поблескивающей цепью на груди, немного нарочито вскинул брови вверх и, чему-то одновременно усмехнувшись на левую сторону рта, бесцветным голосом сказал: «Смешно. Я герцог. Х-ха.»

... Он сидел на балконе башни — донжона своего родового замка и смотрел на вечеряющие поля и леса. Полей было сравнительно немного. По сравнению с темным и днем кругом многовекового леса, населенного правильными жителями и деревнями в его чреве — кажется, навек проглоченными огромными деревьями и густейшим подлеском. Как умудрялся неутомимо расти подлесок в тени и жадности гигантов — неизвестно. Но так было надо, правильно — и он рос.

Проглоченными? Скорее, бор был опасно беременен человеческим жильем — поселениями данников и захребетников его, герцога рода Вейа по прозвищу «Дорога». Бор тяжело болел людьми. Пуповины от каждого отвратительного зародыша пожаров, палов и просек, раковых метастазов Бора — селений — тянулись сквозь тело леса и сходились у замка, стоявшего на скале под неожиданным названием «Дом».

Это то самое место, которое герцог Дорога впервые сумел принять, как свой дом — сразу при первой встрече и навеки. Такое же родное, как сам Бор Поворота, в котором живут истинные жители леса и люди, которые сотни лет стараются научиться с ними соседствовать.

Бор огромен. Чудовищно стар — в его делях попадают и развалины замков, о которых мало кто слышал уже и которые населены или нежитью, или совами, что, собственно, не очень сильно и рознится. А уж сколько в Бору мест, где, как видно, кануло в безмолвие поселение — не перечесть. Бор строго спрашивает с людей за ошибки в выборе места или поведения. Собственно, поселения пропадают и до сих пор. Это пугающе, но не неожиданно. Но тсс...

На запад от замка, в нескольких часах пути, начинается скальный массив — гигантские змеи каменных хребтов, обрывы, ущелья, начинающиеся и кончающиеся нередко ничем, тропы и тропинки, протоптанные по большей части людьми и, наконец, сами горы, темно-серые и практически голые — лишь кое-где появится на вершинах скал рискнувшая поспорить с горами рошица или лесок. На север Бор Поворота идет по холмистой равнине и там он, с балкона, еще сильнее похож на Океан — опускаясь и поднимаясь на холмах и долинах, он видится как мощные, сильные, тяжкие волны — массы, монолиты зеленой, вечной воды. Понемногу холмы становятся все меньше, потом земля выравнивается окончательно, и Бор идет ровным потоком, пока не доходит до границы с Чашей — местом непоседливым, напряженным, как струна, тревожным — то вольно захватывающем земли и высящем столетние ели, то опускающемся до скромных перелесков и по всему своему пространству опутанным ручьями и топями. Еще дальше на север Чаша исчезает, и топи тянутся уже, кажется, бесконечно, обрета свое имя — «Северные Топи». Просто и незамысловато, как называются некоторые места — чтобы просто дать имя и постараться забыть о них и не вспоминать подольше, если удастся. Земли Вейа на границе с Чашей врезаются клином в земли герцогства Хелла, идущие с востока к северу.

Бор окружает скалу «Дом» с замком на вершине, и поля, возделанные вокруг нее, тянется во все стороны, сходя на нет на востоке и юге. Собственно, весь майорат Вейа — Бор, и скалы, и отвоеванные у Бора пустоши, и места под пашни и поселения.

... Он сидел на балконе башни-донжона и смотрел на вечеряющий Бор. На запад.

Внизу, во дворе замка, перед главными воротами, возникла и никак не желала смолкнуть какая-то омерзительная по своей горластости и многоречию неразбериха. Донеслось до него и его имя. Оставалось только с некоторой покорностью ждать пока кто-то, кого сочтут самым достойным этого поручения, припрется к нему и окончательно вырвет

из тишины и закатного покоя. Как отвратен стук в дверь на закате! Вечер и ночь — это то время, которое тебе особенно не хочется делить с другими людьми, — но от этого не уберезет ни цепь герцога, ни хижина отшельника. Еще несколько минут назад ты пил горячую траву Ча, закинув ноги на перила балкона и думал, что скоро совсем стемнеет и тогда, возможно, придет Шингхо — твой единственный друг. Он будет высмеивать твою глупость, вытаскивая ее и обличая, если она будет прятаться, он будет говорить с тобой в том тоне, в котором никто здесь не позволит себе говорить с герцогом Дорогой, — сухом и язвительном, он будет монотонно-скушающе открывать тебе совершенно неожиданные стороны жизни здесь, на этих землях, а самое же интересное нарочито пробегать в дробной скороговорке — дескать, из песни слова не выкинешь, так и быть...

Крики снизу все больше и больше перерастали из беспокойного гула в некое подобие скандала, пропитанного, как ты чуял, большой и скверной тревогой. Не желая увидеть в своем укрытии чью-нибудь морду, герцог Вейа снял, одну за другой, ноги с перил и встал, думая, не предпочтительнее ли увидеть сразу много морд, на фоне которых каждая отдельно взятая не будет слишком сильно резать раздраженный прорывом чужаков в его Закат, взгляд.

На стену, прямо перед государем, бесшумно опустилась огромная сова.

— Шингхо! — обрадовался Дорога.

— На твоём месте я бы спустился вниз. Время поджигает, а твои бараны будут еще часа два канителиться, пока решат, кто из них достоин того, чтобы переться на самый верх лестницы пешком (в этом слове ясно ощутилась неприязнь Шингхо к такому способу передвижения), дабы поведать тебе причины паники. — Не дожидаясь ответа, он легко взлетел и камнем упал вниз, во двор. Дорога спустился вниз по лестнице.

... Гонец не прискакал на умирающем, запаленном, как и водится, коне, он прибежал сам, бегом, где-то за час до закрытия ворот на ночь. Челядь не знала этого человека, и восторга его прибытие не вызвало, — чувствовалась какая-то неумолимая тяжесть, летящая за гонцом, — и казалось, что, если его не пускать как можно дольше, или не услышать его слов, можно будет или развеять ее, или совсем ее не узнать. Но гонец крикнул осипшим, перехваченным голосом: «Война. Оповестите герцога» — и тем самым на корню загубил надежду не узнать того страшного, что гналось за ним с северо-востока, откуда он и появился. Теперь на него смотрели просто-таки с отвращением и почти что — с ненавистью.

... Еще несколько минут назад ты сидел на балконе своего дома и пил отвар Ча (чабрец, чабрец обычный, но звучит лучше...), в который раз удивляясь своему фарту и столь невысокой плате за него — всего лишь ужас первых дней, когда каждая ночь казалась последней, и долгий путь сюда, к этому дому, ставшему твоим.

Всего несколько сотен секунд назад. Теперь они кажутся тебе веками, да, Дорога? Подожди, самое интересное впереди. Вот тут-то и посмотришь на свой фарт и нынешние расценки на счастье. А теперь он стоит на коленях перед тобой, этот гонец, равно как и склонившаяся в поклонах челядь, и ждут от тебя приговора — и ты уже настолько пообтерся тут, что понимаешь — да, ты это понимаешь! — что слово «приговор», скорее всего, отнюдь не просто образ, закрепленный за твоими словами — словами герцога майората Вейа. Х-ха, ясно, чего тебе хочется сильнее всего — со всего маха ударить тяжелым сапогом в зубы стоящего перед тобой гонца и ничего не услышать. С этим ты опоздал — едва увидев тебя, эта скотина рухнула в пыль и тут же возопила: «Война, государь!», и теперь осталось только одно — если уж и бить, то попросту вымещая злобу за тот страх, который с собой приволок этот верный тебе по гроб жизни несчастный. О том, что он верный, ты узнаешь мигом позже

— после того, как твой голос — бесцветный и резкий, — каркнет: «Говори».

— Государь! С северо-востока сюда идут войска герцога Хелла. Я живу на краю твоих земель, государь, — поселение Вирда. Оно первым попало под удар Хелла. Думаю, его больше нет. Меня отправили к тебе наши старшие, я менял коней по всем твоим деревням и поселениям, чтобы как можно быстрее принести тебе страшную весть, только сегодня я не сменил коня и бежал сам...

— Страшную? — голос твой не изменился, но сказать это было надо. Ты — герцог. Они ждут от тебя речи герцога. Ты можешь как угодно изменять правила их игр, но некоторые вещи нельзя переступать, ты это прекрасно знаешь, да и не стремишься к этому — тебе нравится здесь, нравится то, как они живут и как все есть и должно быть. Но... — В уме ли ты, холоп? Страшное тебе страшно, должно полагать, и мне, герцогу Дороге? Это так велели тебе передать ее, весть, твои старшие? — не надо добавлять угрозы в голос — и так ясно, что висит он, гонец, на волоске и что жив он пока не выговорится и, если повезет, отвлечет твоё внимание от этой оплошности.

— Государь! Что ты! Я просто не слезал с седла трое суток, а потом бежал целый день, я помню что мне надлежит сказать, но не помню как — я очень испугался, государь! — он никогда не скажет «устал» и вполне готов к тому, что ты еще куда-нибудь его отправишь. Его усталость — даже смертная — не тема для обнародования ее перед герцогом Вейа.

— Скачка, видимо, повредила твои мозги, холоп. Но я слушаю, — закончил ты интерлюдю. Стоявшие во дворе рассмеялись, а Шингхо с крыши сарая издевательски выкрикнул: «Так, так его!», сразу сведя для тебя на нет все впечатление от сценки: «Герцог и глупый слуга: назидания для ищущих знаний по этикету в майорате Вейа».

— Государь, Хелла поклялся присоединить твой майорат к своему. Он идет почти без обоза, надеясь на добычу с твоих земель, со своей гвардией — тяжелой пехотой, числом около двух тысяч человек, легкой конницей восточных стрелков, около пятисот человек, легкой пехотой около трех тысяч человек, ополченцами, свыше семи тысяч человек (Шингхо на крыше важно расхаживал по краю, кивая головой и издевательски ухнул при упоминании об ополченцах и ты, Дорога, тоже сардонически вскинул бровь) и... Государь. Хелла поклялся присоединить к своему майорату твои земли. Но видимо, только их. С ним идет полторы тысячи воинов Северных Топей. (Шингхо резко остановился и наклонился вперед, словно всматриваясь в сказавшего что-то невероятное, гонца).

И в твоей голове лихой конницей проскакало: «Пок-клял-ся при-со-е-ди-нить тво-и зем-ли, с ним ид-дут сев-вер-ря-не, и что с того? Почему два раза про клятву и про северян в таком ключе? Что-то гложет, а? Что? А, зем-ли. Поклялся присоединить только земли и с ним северяне», — ты вертел мысль и так, и сяк, но яснее она не становилась.

— Намного ты обогнал их?

— Государь, они будут тут с наступлением темноты, может, чуть позже. Последний день мне не удалось сменить коня, мой предыдущий пал, я скверно знаю эти земли, государь и они почти догнали меня.

«Плати!» — крикнуло что-то в вышине, так четко и громко, что ты невольно возвел глаза к небу.

— Грут! — ты почти не поднял голоса, Грут там, где и должен быть — в тени, но рядом.

— Государь? — каркающий голос Одноносого Грута раздался слева от тебя.

— Мечи?

— К ночи здесь стянется около семисот мечей, государь.

Все. Разговор окончен, выяснено, что в замке и от ближайших земель к ночи будут готовы к бою около семисот человек под твоим знаменем. Шингхо слетел с крыши и сел позади тебя: «Надо поговорить, Дорога. Распорядись уж как-нибудь и отойдем,».

А теперь негромко, но четко. И:

— Всем разойтись по своим местам. Ворота останутся открытыми до темноты. Никому не жрать. Ослушника я выкину за ворота, — ... Так надо. Даже сквозь отчаяние, висевшее в небе, даже сквозь небывалую серьезность Шингхо, сквозь накатившую тоску, при мысли, что кто-то снова хочет лишить тебя дома — так надо. Ты должен дать людям понять, что веришь в победу. А потому — никому не жрать. При ране в живот лучше, когда там пусто. А теперь разворачивайся и уходи в донжон. Они сами знают, кто и где стоит и куда распределить подходящих — ты еще не видишь их, но знаешь, что так и есть — воинов с окрестных селений. А если не знают они, то знает Грут. Ты осмотришь все посты и сам замок чуть позже.

— Варвары? — разговор начал ты, как только вы с Шингхо оказались в небольшой комнате внутри донжона. — Он сказал воины с Северных Топей — он имел в виду варваров? «Варвары?» — спросил ты, лишь бы спросить и чтобы проредилась хоть чуть мгла, сотканная в воздухе замка после слов гонца, что с герцогом Хилла, взалкавшим объединить два майората, идут воины с топей Севера.

«Нет, государь, — ответил Шингхо издевательским тоном. — Варваром по сравнению с ними можно скорее, назвать тебя. А они вполне развитые. И их история на века старше истории людского племени. По крайней мере, они вырезают под метелку всех, кто попал под их внимание и поимел несчастье с ними что-то не поделить. Яркий признак развитости. Какие же это варвары? Это оборотни, волки с Северных Топей, государь», — последние слова Шингхо произносит скороговоркой, из песни слова не выкинешь.

Именно за этой новостью он тебя и отозвал.

— Не запирать ворота до темноты. Может, кто-то еще придет с деревень, — сказал ты.

— Вряд ли, кто полезет в крысоловку, хех. Знаючи, что сюда идут северяне? Забиться в замок? Не думаю. Люди будут верны тебе, но это ненужное самоубийство и без твоего приказа они на это не пойдут. Так у них есть шанс разбежаться по лесам. Придут только воины. И то немногие. Так заведено. Хелла идет с той стороны, откуда почти никогда не ходит враг и оттуда, где почти нет поселений — люди еще не все знают, что творится.

— Такого приказа я не отдам. Но ворота будут открыты до темноты.

— Твое дело, — скучно сказал Шингхо. — Но думаю, что Грут прав — у тебя будет не более, чем семьсот мечей. Против четырнадцати тысяч мечей Хелла. Из которых полторы тысячи — оборотни с севера. Так что можешь смело умножить эти полторы тысячи на десять — для краткости и простоты. Думаю, это самое малое из верных чисел.

Ты промолчал. Что тут сказать? Что вообще можно сказать в такой момент? Что говорили герцоги Вейа до тебя, а, Дорога? Может, Шингхо знает? Так спроси, хех.

— И что ты ждешь от меня, Шингхо? Что я могу сказать?

— Ты? Лучше молчи, — грустно сказал Шингхо. — Ты уже все сказал. Почти.

Почти... Скорее всего, во дворе ты что-то упустил. Что? Небольшая проверка Шингхо, не изменившегося даже теперь. Кажется, ты понял. Хлопни в ладоши.

— Гонца ко мне, — приказал ты негромко, когда в дверях возник слуга, тут же исчезнувший. Чуть позже в дверях возник гонец.

— Ты уходишь сейчас же. Поедешь к Замку Совы, на северо-запад. Всех, кого встретишь по пути — отправляй туда же, отправляй моим именем, пусть идут сами и сообщат об этом всем, кого могут оповестить. Возьми в конюшне двух лошадей. Иди.

Гонец поклонился тебе в пояс и исчез. Шингхо одобрительно угукнул. Ты все сделал правильно. Человек сделал тяжелую работу и заслуживал шанса.

— И что они там будут делать, если нас всех перережут здесь? — негромко спросил ты, скорее, сам у себя.

— М-да, вопрос, — усмехнулся Шингхо. — Ясно, что — ждать, когда у Хелла дойдут руки и до них.

— А тогда... — начал ты.

— Это лучше, чем они будут ждать этого по своим деревням, ничего не делая, или

умирать, не узнав.

— Но почему обязательно умирать? — не сдержался ты.

— Ты же слышал — негромко сказал Шингхо, — слышал и почему. Допускаю, что не понял. Объясняю. Твоих земель Хелла алкают традиционно — из рода в род. Время от времени они пытались это сделать и раньше. Но никогда Хелла не искали помощи у северян. Что нашло на этого дурака — понятия не имею. Дело в том, что он действительно получит только земли, тем самым усложнив для себя их последующую оборону от соседей. Северные оборотни, оборотни топей, не щадят людей ни у себя дома, ни в войнах, где они принимают участие на чьей-то стороне. Им все равно, на чьей. Противников Хелла — в данном случае, они будут уничтожать под корень. Всех. До единого. И будут гоняться за каждым, кто останется на землях майората Вейа. Спасутся лишь бесчестные, кто уйдет за границу майората Вейа.

— Надеюсь, их будет очень много, Шингхо. Непривычно много. А если оставшиеся примут владычество Хелла?

— Неважно. Совершенно неважно. Ты когда-нибудь поймешь, что ты сплошь и рядом попадаешь тут впросак, думая, как ты привык — по-людски? Хелла, даже захоти он этого, не сможет приказать оборотням щадить побежденных — тот, кто принимает их помощь, принимают это условие изначально. А оборотням Севера, чем меньше людей вообще, тем лучше. Кажется, я понимаю, что хочет Хелла, очистив твой майорат — не исключено, что он отдаст оборотням часть своего майората, примыкающего к их землям и часть твоего. Жажда власти... Хе-хе, х-ха, как она жестоко расправляется с людским слабым рассудком! Он даже не понимает, кого он сделает своими соседями! Оборотни под боком? Твои предки были умнее.

— Мои?!

— Твои. Ты Вейа? Вейа. Герцог Дорога. Твои. Хелла спятил — он закрывает глаза на то, что союз с оборотнями распадется, как только будет вырезан твой майорат и они окажутся у него под самым боком.

— А что мешало им самим начать войны, Шингхо? Со мной, с Хелла?

— Закон, — сухо ответил Шингхо. — Не все так просто. Но учинив эту войну, Хелла может поколебать чашу весов — он сделал недопустимое. Твой майорат может выйти ему боком.

— А можно ли сделать хоть что-то, Шингхо? Самое трусливое, самое подлое, самое неожиданное — чтобы спасти майорат от резни? — ты спрашиваешь, если честно признаться, просто так. Для полноты картины.

— Да — спокойно ответил Шингхо, прикрыв глаза. — Можно. Сделать то, чего ты никогда не сделаешь — и чего никто не делал до тебя. Отдать цепь герцогов Вейа Хелла. Еще можно. — Он не искушает тебя. Он просто выкладывает все карты на стол.

— И?

— И герцогство Вейа навсегда исчезнет с лица земли.

— Да, невозполнимая потеря... Для кого?!

— Для тех, кто зовет себя «майорат Вейа». Ты представляешь, что будет с душами людей, у которых отнимут смысл даже не жизни — смысл смысла, если так можно сказать, надеясь на твое понимание? Ты просто-напросто навсегда — на поколения вперед и без надежды, оставив им при этом память, учти это, лишишь их возможности не то, что быть — но даже когда-нибудь стать самим собой.

... Тебе осталось сказать только одно. И ты сказал.

— Человек не побежден, пока его не победят.

— Человек? — сам себе сказал Шингхо и хрипло рассмеялся. Но почти тут же оборвал смех, как всегда, не опускаясь до разъяснений, что его рассмешило в этот раз.

— Прежде, чем ты пойдешь проверять своих людей, встретиться с теми, кто живет и хозяйничает в Замке по ночам, — непривычно серьезно сказал Шингхо, — с теми, кто закидывает обратно в печку выпавший уголек, не давая случиться пожару, с теми, кто толкнет тебя в бок среди сна сказав негромко «беда», с теми, кто стонет в башнях, оплакивая ушедших родовичей Вейа и страдает, предвидя смерть следующего Вейа, с теми, кто оберегает двор, овины, бани, погреба, снедь и вино в них, твою живность, кто убирает в кухне, если слуги не забудут положить в миску творогу, даже с теми, кто ночью иногда душил тебя. Они имеют на тебя ничуть не меньше прав, чем те, кого ты по привычке называешь людьми.

Спорить с Шингхо не приходилось. Ты последовал за ним — он важно шел по лестницам и переходам, открывая двери с привычностью давнего обитателя этого замка — что удивительного! Герб Вейа — разъяренная атакующая Сова с закрытыми глазами. Этой достоверной деталью атаки сов мы обязаны, само собою, совам. Потом он внезапно встал, провел крылом по стене и негромко сказал: «Вада ту рам!» — и плита отошла, открывая, само собою, могильно-черный проход. Не совсем понимаешь, где в стенах замка находится этот зал, еще меньше понимаешь, как он там вообще поместился. Но важно то, что он есть, и ты, уже по привыкнув к тому, что не все можно так сходу, объяснить, но тем не менее, этим чем-то можно пользоваться, ныряешь вслед за совой. Темно. Сухо, чисто и темно.

— Дайте свет, — негромко требует Шингхо.

... Соседи зачастую склонны к шуткам, жестоким розыгрышам, мистификациям — можно ждать, что и сейчас что-то такое произойдет, ты ожидаешь этого, точнее, жаждешь — но свет зажигается мгновенно и вот теперь ты понимаешь, что в самом деле, шансов у тебя и всех твоих, нет.

... Они стоят перед тобой, герцог Вейа по прозвищу «Дорога», стоят молча, ожидая чего-то. Быть может, твоих слов, а быть может, готовясь заговорить. А ты, Дорога, стоишь перед ними, положив руки на тяжелый пояс и перекачиваясь с пятки на носок — как уже привык стоять перед теми, кто зависит от тебя. И тут ты понимаешь, чего они ждали — они давали тебе время привыкнуть к ним, а оно тебе даже не понадобилось. Ты привык. По хорошему привык к этой земле. И дело тут не в том, что страх перед предстоящей бойней заставил тебя забыть о том, с кем ты разговариваешь.

Х-ха! Еще несколько месяцев назад, в своем старом городе, ты мог лишь мечтать о такой встрече — с глазу на глаз, уверенно зная, что перед тобою — нежити, незнати, те, кто заставляет тебя проснуться и потом долго прислушиваться спросонок — помстилось? Было? Кто-то кашлянул? Усмехнулся, провел мягкой лапкой по волосам? Расхохотался в ночном лесу по сентябрю? Было? Помстилось? Будет?... Чья тень мелькнула перед тобой на стене двора? Что она хотела и хотела ли вообще чего-то? И была ли? Крохи, подачки, вымысел, сны, книги, чутье — вот и все, что было тебе дано изначально. А теперь они стоят перед тобой, герцог Вейа, по прозвищу Дорога. Прозвище дали тебе совы, а они не ошибаются, так их и разэтак! С тебя хватило дорог — впервые войдя под сень герцогского замка, ты просто-таки почувал — тяжесть и темнота, клубившиеся под сводами черепа последние годы, ушла... Замок герцогства Вейа оказался тем домом, что ты искал и никак не мог найти там, в другой

жизни. Теперь стало понятно, что там ты бы его и не нашел. А теперь снова потянуло путем-дорожкой, да дальнею, да длинною, да мать ее! Снова отнимает у тебя твой единственный Дом кто-то, тот, кому ты обязан всем! Ярость, красным сполохом окатившая тебя — для того, кто умеет видеть — а тут умели все! — заставила нежитей отступить на шаг. И тут же, не дав вздохнуть, ярость исчезла, сменившись неистовым ликованием, упоением, утоляемым ненасытным голодом — тебя признали! Да, да, да — ты давно уже признан, цепь Вейа висит на твоей шее, твои дома, замки, родовое гнездо, поселения, воины, холопы, закупы и прочее, подтверждающее твой статус, — но это! Это самое важное, наиболее возможное для человека признание! Отступившие на шаг нежити куда более важны для тебя, чем все оборотни Северных Топей и рехнувшийся герцог Хелла. Ты резко выдыхаешь и негромко произносишь:

— Здравствуйте, Соседи. Что вы хотели сказать мне?

... Домовой. Два Клуракана, совершенно трезвые, дворовый, банник, овинники, пастень, суровый, как и должен быть, кутиха, блазень, скромно сливающийся со слабоосвещенной стеной... Это нежити.

За ними пропадают в сумерках, которые не может — или не должен, разогнать светец, стоит еще кто-то, неразличимый — понимание снова окатывает тебя — это незнати.

Несколько призраков, скорбных и нелюдимых, их темные провалы на лицах, заменяющие глаза, смотрят (ты чувствуешь это) прямо тебе в глаза.

Ты видел их всех раньше. В мечтах. Во снах. В рассказах. В книгах — серьезных и нет. В деловитых описаниях примечаний в других книгах, где они просто мелькнули в строках — просто и безлико описывающих их — нежитей, незнатей, сидов, соседей — так безлико, что можно лишь понять, как они выглядели бы, но тебе они давали возможность увидеть их, как они есть...

— Где баньши? — зачем-то спрашиваешь ты. Потом понимаешь, что ты спросил то, что должен был спросить — она должна жить в замке, но тут ее нет.

Вперед выходит невысокий нежить, строгий и мохнатый. Он на кого-то похож — чем-то. На кого-то чем-то, но на кого и чем? Чуть позже до тебя доходит — на тебя. Нежить чем-то неуловимо похож на тебя. Несмотря на большую разницу в росте, одежде и лохматости.

— Говорить буду я, герцог. Я Гёрте, Большак этого замка, — негромко говорит нежить. — Баньши здесь, просто тебе пока, судя по всему, еще не пришла пора ее видеть. Ты же знаешь, кому она показывается?

Ты киваешь. Медленно и спокойно. Ты знаешь, кому и когда показывается баньши.

— Хорошо. Мы попросили Шингхо привести тебя сюда, чтобы узнать от тебя, — он нажимает на эти слова «от тебя», — что ты намерен делать. А уже из твоих слов, мы, нежити и незнати, будем решать, что делать нам.

— Мы будем драться, Гёрте. Герцог Вейа по прозвищу «Дорога» примет бой на стенах своего дома. Это решено.

— Ясно, — коротко говорит Гёрте. — Теперь каждый говорит сам за себя. Я, Гёрте, хозяин замка, остаюсь тут, невзирая на предстоящий исход. Что скажете вы? — теперь он обращается к остальным и тем, кто позволил бликам светца показать мне их черты, и тем, кто стоит на краю освещаемого пространства комнаты.

Негромкое... Шушуканье? Шепоток? Говорок? Рябь на слуху? Просто поток негромких образов на грани скорее осязания, чем слуха, окатывает тебя. И Гёрте кивает ему, прекрасно поняв, что он значит.

— Герцог, все остаются тут. До единого. Чем бы это ни кончилось. Наши семьи слишком давно живут бок о бок, чтобы мы, их потомки, когда-нибудь решились покинуть этот замок. Слишком давно мы считаем его своим и слишком громко в каждом из нас говорит его честь, не допускающая и мысли о столь мерзком предательстве и последующей отвратной жизни — по лесам и полям, преследуемые оборотнями. Мы не желаем видеть себя ловцами на мелкую дичь и промышляющих воровством, опускающимися, дичающими, тоскующими по самим себе! Гадко и гнусно оставить дом, но еще более гадко сделать это из страха. Мы остаемся.

— Гёрте, ты знаешь, что будет, когда на стены ворвутся оборотни севера, — негромко говорит Шингхо мне. Ты понимаешь, что это «совет из-за плеча», необходимый к воплощению именно тобою, герцогом, в разговоре с обрекающими себя нежитями.

— Гёрте, ты знаешь, что будет, когда на стены ворвутся оборотни севера, — негромко повторяешь ты. — Если кого-то из вас может остановить мое мнение, то знайте — оно не ухудшится в любом случае. Если кого-то может подтолкнуть к смене решения мой совет — то мой совет вам — сохраните свою жизнь. Но в любом случае, вы поступите так и только так, как сами сочтете нужным. Я далек от мысли переубеждать вас или пытаться уговорить. Вы такие же жильцы и хозяева Замка, как и я.

— Герцог Вейа сказал то, что должен был сказать, — настойчиво говорит Гёрте. Остальные пытливно всматриваются тебе в душу своими такими разными, но такими говорящими глазами! — Но что скажет герцог сам? Что скажет нам герцог Дорога?

... Четырнадцать тысяч мечей, из которых полторы тысячи оборотней, скромно умноженные Шингхо на десять. Только на десять. И твои семьсот мечей под твоим командованием. На тебе виснут сотни жизней — воинов, их семей, слуг, их детей — этих ты выгонишь из замка, приказав идти в Замок Совы, как немного ранее приказал гонцу из Вирда. Судя по словам Шингхо, нежитям тоже не миновать общей участи, уготованной оборотнями вам. Что ты скажешь, Дорога?

— Дорога повторит тоже самое. Вы вольны в своем решении. А я в своем. Я не оставлю этот замок без боя.

— Государь майората Вейа, герцог Дорога подтверждает свои слова? — еще настойчивее спрашивает Гёрте.

Они молчат. Они уже все решили, они лишь честно трижды испытывают тебя, Вейа-Дорога. Они все — мохнатенькие голбечники помладше, застенчиво стоящие за старшими, старички Клураканы, Гёрте, величественный большак замка майората Вейа, даже, возможно, нелюдимые суровые призраки, блазень, дворовые, банник, склочный и вредный, овинник и пастень, и давшая тебе понять, что в этой битве твой срок еще не выйдет, баньши, погибнут здесь, под развалинами родового замка Вейа. Все до одного, или почти все. Они говорят: «Честь». Ты понимаешь это слово. Почти. На уровне: «Да, так должно быть — сохраняя честь, можно умереть» Ты не уверен, что верно понимаешь истинность этого слова и этих слов, но понимаешь примерный смысл. Из-за этого смысла ты сам готов рисковать своей головой на стенах Замка. Баньши могла не показаться только лишь потому, что людям и нежитям в замке не нужен хозяин, сломленный мыслью о смерти, или же ненужно лезущий в самое пекло — уверившись, что терять все одно нечего. Так что ты, душа естественную радость, говоришь себе: «Шанс в битве есть у всех. На все».

— Государь майората Вейа, герцог Дорога, повторяет свои слова — я не оставлю этот дом без боя. Это мой дом и моя земля.

Гёрте отвешивает неглубокий поклон, ты отвечаешь тем же, скрип двери — темнота и вы с Шингхо стоите в небольшом зале, освещенного закатным Солнцем.

— Вот теперь ты и впрямь все сказал — негромко и как-то равнодушно говорит Шингхо. Теперь перережут всех. Нет выхода, — и в его голосе нет укора.

— Что я могу сделать? — повторил ты во второй раз. — Что мог бы сделать простой пришелец из-за Кромки, каким я был не так давно? Уйти? Сдаться? Спасти людей, нежителей и незнатей, зависящих от него? Да, он — он — мог это сделать. Но что могу сделать я, повелитель майората Вейа, герцог Дорога? Мы будем драться, — ненужно подытожил ты, тем самым обрекая на смерть сотни людей и нелюдей.

Впрочем, другого ответа они бы мне никогда не простили.

... В оружейной меня снаряжал Одноносый Грут. Никому другому он бы этого не доверил, да кроме того, именно Одноносый Грут был здесь моим пестуном в деле владения мечом, луком, верховой езде... Да, странноватое прозвище, спору нет. И воины мои отнюдь не могли похвалиться множеством носов. Просто когда-то, в юности, в лицо Грута влетел шар моргенштерна, шипом сорвал кожу ровно от середины переносицы и оторвал одну ноздрю, проломил лицевые кости и, собственно, сделал сам нос в два раза тоньше — так туго натянулась, затягивая рану, от места где была оторвана, к щеке, кожа. В результате нос Грута был совершенно обыкновенным прямым носом справа, и лишь синеватая пленка, почти под прямым углом натянутая от середины носа к щеке, была у него слева. «Синеносый» стоил кому-то выбитых яблоком на рукояти меча зубов, и прижилось «Одноносый». Молчаливый, невысокий, худой, малозаметный и очень проворный, Грут — предмет зависти многих местных князей и баронов. Знаток всех здешних видов ведения боя, недурной стратег, ревностный служака и виртуоз во владении множеством видов холодного оружия. Остальными он владел просто мастерски. О его верности говорить не приходится — в майорате Вейа не было неверных, тем более, придворных такой степени доверия, тем более, уже очень далеко не в первом поколении, тем более, что так оно и должно было быть, так и никак иначе, и так оно и было.

Он появился возле меня, когда мы с Шингхо только вышли с собрания нежителей и тихо сказал: «Собираться, государь». И мы — все трое — пошли снаряжаться, точнее, снаряжать меня. Шингхо снаряжаться было не надо, а что до Грута — он был уже готов. Тяжелая темная дверь оружейной бесшумно открылась, и свет факела, который нес Одноносый, сплясал на поверхности кольчуг, брони, шлемов и прочего холодного, благородного металла, кружащего голову как своим видом и блеском, так и запахом. На боковых стенах висело оружие, которым сражались герцоги Вейа, а на фронтальной стене висел одинокий родовой меч, не замечающий своего одиночества, как и любой Вейа. Как и я. Другие мечи, ничуть, возможно, не менее славные, секиры, наводившие на мысль о рассеченных до паха супротивниках, боевые бичи, говорящие свистяще и надменно, круглые, шипастые, самовлюбленные колючие яблоки моргенштернов, похожие на последнюю точку в послании от короля, стройные древки копий, и изогнутые чуть ли не в обратную сторону луки без тетивы, наводившие на мысль о своей неотвратимости, арбалеты, ненавязчиво демонстрирующие сокрытую в них ужасающую мощь, кинжалы, смирившиеся лишь внешне со своими вторыми ролями, стилеты, гордо молчащие, словно закутанные в глухие плащи убийцы благородной крови, засапожники — последняя опора в драке, отчаянные, лихие клевцы и чеканы, гордые и молчаливые булавы все же создавали мысль о единстве своих рядов, о некой, связующей их общности. А Меч майората Вейа нет. Он был сам по себе. Ни

высокомерием — хотя и им, не горделивостью — хотя и ей, не самоуверенностью — хотя и ей тоже! — в первую очередь веяло от этого клинка по имени «Крыло полуночи». Нет. А ледящей любого не-Вейа мыслью о самодостаточности, одиночестве, давно осознавшем самое себя и принявшем самое себя, гордым соратничеством с равными, надменностью многовекового рода Вейа, неистовой жестокостью, безжалостностью совершенной. Чары чарами, а мысль взять «Крыло полуночи» в руки ясно говорила о безумии того, кому пришла и причем ему же первому. Если он не был Вейа. А я Вейа. На моей шее сухо поблескивала тяжелая цепь государя из рода Вейа, повелителя по прозвищу «Дорога». Полуторник, «меч левой руки», по длине и по форме рукояти — классический меч западных воинов. Чинкуэда по форме клинка — у своей изогнутой полумесяцем, уже взятой у чинкуэды, крестовины шириною чуть больше половины пяди, сужающегося дальше по длине своего тела и сходящего на иглу у кончика клинка — если только бывают чинкуэды такой длины, в чем я лично сомневаюсь — им можно и колоть и рубить. Рукоять, оплетенная шероховатой кожей, — узкими, толстыми ремешками сложнейшей вязки, крестовина украшена гербом рода Вейа, тускло поблескивающее, заточенное до бритвенной остроты, лезвие — вот он, меч моего рода — «Крыло полуночи». Учился я с его точным — почти — подобием. Кто бы из Грутов позволил бы кому-то из Вейа учиться с «Крылом» и кого бы, кроме — своего каждый — Грута, они послушались! Я часто заходил в свою оружейную комнату, но со стены снимал «Крыло полуночи» очень редко. Сейчас я присмотрелся к лезвию — излишне придиричиво — и заметил по всей длине клинка, даже на режущей кромке, несколько более темных, чем тускло блистающий меч, пятнышек, словно бы вкраплений. Провел внешней стороной указательного пальца по лезвию в одном из таких мест — ничего... Покосился на Грута и перевел взгляд на меч. «Что это?» — немой вопрос, не ставший укором, так как мысль о небрежении Грута, которая привела бы клинки оружейной к порче, пришла бы мне в последнюю очередь.

— Это, государь, серебро. Самородное серебро. «Крыло полуночи», государь, не выкованный, а взятый меч, — объяснил, ничего не скажешь. Должно быть понятно все, а непонятно ничего. Откуда в металле клинка серебро?! Зачем? У кого «взят» меч?

— Можешь заменить «взятый» на «явленный», или «данный» меч, Дорога — сказал Шингхо, заметив мое недоумение. Заметил его и Грут, но, само собою, промолчал. — То есть, его не ковали мастера в известном тебе понимании этого слова. Его сделали, создали, явили этому миру, взяли для этого мира, другие мастера. Колдуны, — закончил Шингхо. — А серебро там ничуть не ухудшает меч. Вкупе же с наложенными на меч чарами оно способно убить даже старшего оборотня — режущая кромка не становится тупее от нескольких крупиц серебра и позволяет клинку войти в плоть нежитя.

«Крыло полуночи» бесшумно лег в ножны, чуть слышно щелкнув у устья окованных ножен.

— Броня, государь, — тихо произнес Грут Одноносый, поведя рукой в сторону сундуков и делая к ним шаг. Формальная вежливость — на крышке одного из сундуков уже лежала броня, очищенная Грутом от масла, у сундука же стояли окованные по носкам и каблукам и покрытые полосами железа по всей длине голенища боевые сапоги, а на краю сундука стоял шлем. Было ясно, что мне предстоит одеть, но Грут ни на миг не позволил бы себе никакого — видимого — подавления моей герцогской воли. Если он переживет меня, то на похоронах, я уверен, негромко скажет — ссутулившийся, седой, с начавшей трястись головой, но все еще гордый своей службой Вейа и своей незаменимостью: «Гроб,

государь», — если таковой у меня вообще будет. «Броня, государь!» — и на меня был надет поддоспешный кожух, толстый и очень плотный, на голову — толстый, войлочный, обшитый кожей подшлемник и лишь затем сама броня — убаюкивающе — приятно тяжелая, темно-фиолетовая, почти черная кольчуга, с вытравленной на груди красным золотом разъяренной совою. Длиной она пришлась аккурат на палец выше коленей, почти накрывая уже надетые Грутом боевые сапоги. К рукавам кольчуги — от концов рукава до подмышек — притачаны кожаные ремешки, бахромой свисающие вниз. У манжет кольчуги они короче, к бокам — длиннее. Бахрома? Скорее, перья — сами звенья кольчуги сделаны в виде набегающих друг на друга совиных перьев, разница в том, что здесь они все одинаковые по длине, в отличие от перьев ночного хищника, и выглядят заметно толще того, как выглядят живые перья на сове. Форма же каждого «пера» почти идеальна и на каждом вытравлены мельчайшие рубчики, срисовывающие узор совиного пера. На груди, животе, на боках и спине звенья кольчуги ощутимо толще остальных. На плечах напротив — тоньше. Туда ляжет кольчужная брамица и, кроме того с плеч спускается некой пелериной темно-фиолетового же окраса кожаный плащ, в развернутом виде достигающий до пят, а в том, в каком он сейчас — до лопаток. Так что звенья на плечах кольчуги облегчены неспроста — на них ляжет сложенная втрое кожа и уже упомянутая брамица. К чему делать кольчугу для узких плеч Вейа еще тяжелее?

— Знаешь, Грут, — вдруг говорю я, — герцог изволить развеяться! — я так и не умею точить свой же меч! Ты что-то пропустил в моем обучении, пестун! — лишь бы что сказать...

— Все верно, государь — невозмутимо отвечает Грут, надевая на меня тяжелый пояс, шириной в две ладони, толщиной почти в длину фаланги моего указательного пальца, окованный по краям железными полукружьями, а по середине — бляшками в виде несколько располневшей совы — почти круглой. — Все верно, государь. Ни один Вейа — ни вы, ни старый герцог, ни его батюшка, как говорил мне мой отец, ни дедушка старого герцога, вообще ни один Вейа не умел наточить своего меча. Теперь это уже так принято, — объясняет он.

— Блестяще. Ответил. Но хоть владеть-то они им умели? — герцог изволит шутить, но шутка не удалась. Пенять на это герцогу Грут не вышел рожей, но деликатное одергивание меня ждет. Ну?

— Вне всякого сомнения, государь, — что я говорил?! — Цепь, государь! — низкий поклон в сторону герцогской Цепи, которую я снял и повесил на специальный колышек перед облачением в броню. Взять Цепь в руки может только Вейа, причем только мужчина. Это правило почти не имеет исключений.

— Цепь, Цепь... — звякнув, Цепь укладывается поверх золотой совы на моей груди. — А отчего мне все это впору, кстати?

— Государь, это фамильная броня герцогов Вейа, — невозмутимо отвечает мой Грут.

— Ты хочешь сказать, что все Вейа — мы все — одинаково сложены?! И одинаковый размах плеч и размер сапог и головы?!

— Именно, государь, — еще более невозмутимо отвечает Грут.

— Что — «именно»?! Все на одно лицо?

— Нет, государь. Хотя сходство очень сильное, государь, как вы сами знаете, — ага, знаю, как же... — но нет, не на одно лицо. Но телосложение рода Вейа почти одинаковое у мужчин из поколения в поколение — неширококостное, средний рост.

— Заморыши.

— Мужчины рода Вейа, государь, не блистая внешней мощью, отличаются большой силой, выносливостью, живучестью и хорошей скоростью в бою, — да, это Грут. Не «чудовищной», а «большой», не «молниеносной», а «хорошей». Это Грут, да. «Цепь, государь!»

— Шлем, государь! — шлем — стилизованная голова совы с закрытым клювом и прикрытыми веками — личина.

— Гроб, государь! — не выдерживаю я, Шингхо весело смеется, а Грут подает голос:

— Государь?

— Вне всякого сомнения, да! — шлем садится на кольчужный капюшон брони и негромко звякает брамицей по плечам.

... А по поводу же укрепленных за плечами палок для эскрима, взятых еще в оружейной Больших Сов, Шингхо уже осведомился: «Все еще таскаешься с лишними вещами? На что тебе, эти палочки, когда противостоят тебе будут латники?! Тебе мало меча?» На что я ответил, что меча не мало, спору нет, но палочки эти легко разбивают неприкрытые броней головы и конечности и, если придется прорываться не сквозь личную гвардию Хелла, а через ополченцев, я предпочту оружие, которое не завязнет в костях.

Тяжелое, плотное, мелкослоистое дерево этих палок легло в руку так знакомо еще в той оружейной, что стало ясно — это я возьму. Даже если мне тут вообще больше ничего не дадут. Темно-коричневое, почти черное дерево неизвестной породы, палки длиной в полтора локтя, опять же мягко и ненавязчиво поблескивают травленные вкрапления серебра — я уже узнаю его сам, без Грута. «Бастон» или, если желаете, «мутон».

... Если встать напротив стены и широко раскинуть руки, то на ней, буде кто подсветит, встанет тень совы — разве что с немного более узкой головой, чем у настоящей птицы по отношению к плечам. Узким плечам рода Вейа.

... Род герцогов Вейа — род Совы.

... Вот он я, герцог Вейа, по прозвищу «Дорога». На стене своего родового замка облаченный в броню и в наброшенный поверх нее темный бесформенный балахон. А рядом со мной стоит мой язвительный друг — мой единственный друг, возможный для герцога в этом мире — лучшем из миров. И то — среди нежитей искать друзей хочется, но трудно, да и они все как-то больше делят людей на господ и слуг. Их господ и слуг, само собою. То же и незнати. Соседи. Сиды. В дружбе, как говорил один умный человек, один всегда раб другого, поэтому он был «к дружбе не способен». Я, судя по всему, тоже. Искать среди людей? После тридцати лет? Уверен и на том стою, что поздновато. Если не запасся на долгую зиму жизни дровами друзей, то собирать их уже некогда — морозы уже пришли. Вот загнул, а? «Зиму жизни», хех. А кто сказал, что я собираюсь прожить «зиму жизни»? Может, Осень? В конце концов, от моего мнения тоже что-то здесь зависит. И уж всяко не к месту собирать дрова тому, кого прозвали «Дорога». Да и всегда у меня лучше выходило собирать дрова для других. Дрова друзей, а? Забавно... А получившимися угольками в большинстве случаев остается лишь начертать: «Дорога, ты дурак», — и жирно раздавить уголь на стене. В назидание самому себе.

Так поищем себя. Также, кстати, очень непростое занятие. Вопрос о его нужности поднимать, я думаю, не стоит. Тем более, что по времени этот процесс бесконечен. «Себя». Х-ха. Да, возможно — в каком-то виде и иногда в каком-то месте удастся совместить себя с окружающим тебя миром и почувствовать свою принадлежность к нему. Заранее

поджимаясь в ожидании ведра холодной воды, которую припас для тебя этот Мир. У него очень много воды, и на нее он не скупится. На источник всего живого. Что ж, так оно и есть — «в движенье мельник жизнь ведет». Вода — особенно ледяная — заставит тебя двигаться и суетиться, на какой-то миг выбив из головы всю имеющуюся там блажь о поисках и, тем более, находках. Дорога же сама по себе символ движения. Ну, натурально, и Жизни. Движение падающего по осени листа, к примеру, хех...

... Вот он я, герцог Вейа, по прозвищу «Дорога». На стене своего родового замка, облаченный в броню и в наброшенный поверх нее темный бесформенный балахон. А рядом со мной стоит мой язвительный друг — мой единственный друг, возможный для герцога в этом мире — лучшем из миров. Я уточню — возможный для меня в этом мире. Да и не только в этом. И, видимо, последний.

А о любви? Дорога, ты забыл сказать о Любви! Позор, позор...

— Знаешь, Шингхо, — послышался на стене бесцветный, холодный голос Дороги, — я, как мне кажется, никогда и никого в этой Жизни не любил... Мне нередко так казалось, меня любили — я уверен в этом, я даже писал о любви, даже говорил, Шингхо. Все, что положено делать человеку (Шингхо молча скосился на меня и отвернулся, как отворачиваются совы — на пол-оборота), да, да. Я жертвовал ради Любви, страдал ради Любви, отказывался и даже, кажется, терпел что-то во имя ее — но, памятуя, что терпели, чем жертвовали и рисковали во имя любви ко мне, Шингхо, мне думается, что о моей Любви говорить несколько... гм... самонадеянно. В лучшем случае.

— Не кажется тебе, что сейчас несколько неуместно кидаться на ее поиски, если уж так решительно ты собрался познать любовь? — осведомился Шингхо.

Это мой друг. Единственный в этом лучшем из миров, который может быть у меня, герцога Вейа, по прозвищу «Дорога». Мы только что обменялись своими мнениями о любви. Стоя на краю гибели. Во всяком случае, моей. Так как я понятия не имею, что решил делать Шингхо.

— Кстати, Шингхо, ты на краю гибели? Как мой друг и вообще?

— Чьей? — спросил Шингхо настолько искренне, что я умолк.

Поднимающийся ветер торопил тучу с родами, самовлюбленный, быстрый и жестокий, как отец ненужного ребенка. А туче было тяжело. Ветер тащил и подгонял ее к повитухам — скалам и лесу на обрывах — готовых принять ее дитя в свои ласковые руки, но она, словно сомневаясь, как пришитая, висела над замком. Видимо, молодая мать никак не могла решиться где ей лучше осчастливить мир своим потомством — крупным, тяжелым, горластым громом и ясноглазым молниями, младенцем.

— Будет дождь, Шингхо, — зачем-то сказал я.

— Не рассчитывай на него, Дорога, — закончил и озвучил мою мысль Шингхо. — Он не помешает пожару, который зажгут оборотни. И не помешает огню, который будут метать огнеприметные снаряды Хелла. От этих огней вода не поможет. А деревьям и жителям большинства из них в этом мире помощь уже не нужна.

Жалко ли мне тех, о ком сказал Шингхо? Корю ли я себя в том, что не скакали денно и ночью дозорные по границам быстрых на неожиданности земель? Я никогда их не видел. Или видел мельком, кусками моей жизни герцогом Вейа. Данниками, челобитчиками, землепашцами, хозяевами, принимавшими у себя их господина. Нет, не жалко. Мне странно это — по всем канонам, я должен их жалеть! Может, потом, когда все кончится и если я уцелею? Может.

... Не думаю.

В небе над головой дико и страшно разодрало на куски небосвод — поперек и вдоль швов. Молния, с севера на юг, прочертила брюхо страдающей тучи, и в свете ее — неожиданно долгом — я воздел вверх руки и, разведя их, сбросил балахон на стену. На краю леса, с юго-востока, двигалась, вкрадчивая расстоянием, темная кайма, вдруг резко вздыбившая щетину огоньков.

— Дорога, — сказал Шингхо. — Не принимай вызов на поединок, — скучающе сказал Шингхо. — Ты не победишь. Тебе не дадут победить, — сказал мой друг. — От арбалетного болта в затылок не спасет никто. И тогда все погибнут плохо.

— А так?

— И так, — согласился Шингхо. — Но как бы ты предпочел умереть — сдохнуть, до последнего выдоха вцепившись в жизнь, в надежде ее вырвать, ее, свою, единственную, и победить, или избиваемой скотиной, ожидающей, когда дойдет очередь?

Ответа он не ждал, поэтому спокойно снялся и улетел. На миг его силуэт осветило второй молнией, и свист ветра в его перьях задохнулся в раскате грома.

— А вот теперь мы все умрем хорошо, надо полагать, — пробормотал я и взвыл над двором:

— Приготовиться! Они идут с полудня! — ибо кайма, взъерошенная искрами, сменила направление и теперь шла прямо на главные ворота.

— Грут! — крикнул я, силясь переорать порывы радующегося новым игрушкам ветра. — Грут!

— Здесь, государь, — негромко раздалось сзади-справа.

— Где же тебе еще быть, — пробормотал я почти неслышно, а вслух сказал:

— Что теперь скажешь, пестун? С чего они начнут? С вызова?

— Нет, государь. Они пришли ночью, поправ законы Истинной Осады. Тем самым развязав руки нам, что очень ладно, государь. Очень ладно.

Сказано было с таким нажимом, что я просто должен был слету понять своего пестуна. Или уж, хотя бы, сделать вид. Сделал.

— Ладно, так ладно, — сказал я с понимающим видом, — но что ты посоветуешь своему герцогу, воевода?

— Пока ждать, государь. На месте Хелла я бы не стал штурмовать главные ворота. Помимо всего прочего, что могло бы меня там ждать, — Нет, а? «Могло бы меня там ждать!» — они прикрыты поднятым мостом.

— Думаешь, он постарается проломить стену?

— Вряд ли, государь. Ров. Он постарается поджечь замок сначала. Потом на приступ пойдут, думаю, со всех четырех сторон. Стрелки не дадут нам толком оборонять стены.

— И? — думаю, голос мой стал неприятен. Надеюсь.

— Мы можем только ждать, государь. Вода и свинец уже булькают в котлах, воины ждут у бойниц, челядь в замке вооружена и надеюсь, что если никому не хочется быть распятым на воротах, уже закрыли крыши Замка, дворов и амбаров мокрым войлоком. Огни будут жечь они, нам остается лишь бить на выбор и отбивать атаки. Если ты пожелаешь, государь, мы могли бы предпринять вылазку, но тогда мы вернемся в Замок с оборотнями на плечах — мы не удержим их в поле. Ладно же то, государь, что ты теперь можешь не обратить внимания на прямой вызов — если пожелаешь, государь! — думаю, что после совета, данного сначала Шингхо, а потом Грутом, желания во что бы то ни стало настоять на

своём не возникло бы ни у кого. Да, но...

— Ты хочешь сказать, что герцог Вейа должен испугаться и оглохнуть, воевода?

— Нет. Он, если пожелает, может не обратить своего внимания на вызов самоуверенного выскочки Хелла, презревшего древние законы, государь!

Сколько раз страх сбивал тебя с ног, Вейа? Сколько раз он таился в самом незначительном слове, сказанном тебе в спину ночью? В случайном стуке в дверь? В обещании дураков и трусов поквитаться с тобой, а? Сколько масок он перемерил? Сколько раз царапина на твоей шкуре обещала тебе, подстегнутая им, страхом, воспаление, загнивание и смерть, а? Сколько побед одержал он над тобой, Вейа? Помнишь? Помню. Говорю сам с собой и помню. Страх сильно покалечил твою жизнь, дорогой герцог...

Этот мир встретил тебя страхом, который прикидывался то страхом смерти, то безумием, то разочарованием — но здесь он не смог тебя повалить. А теперь, Вейа? Что с тобой? Почему ты не дрожишь, человек? Что со мной, а? Почему я не дрожу? Даже возбуждение обходит меня! Я чувствую себя обделенным, х-ха! Слепой баран на бойне? Страх упадет сверху, как ловчая сеть на тупую птицу?

Сколько шансов быть убитым сразу, Вейа? Просто и грязно — стрела, свинцовый плевок пращника в лицо, камень катапульти? Хруст и тьма, откуда нет возврата, тебе, твоей памяти, твоим дням в этом Замке, а? Вейа? Сколько шансов тяжелой раны и дикой боли, которая заставит тебя выть, как побитую шавку, твоя слабость тебе известна, не правда ли, Вейа? А теперь представь, как ты будешь ползти — как неубитая косуля с перебитым хребтом — от какого-нибудь оборотня с севера, которому наплевать на то, что ты — не ранен, нет, на это плевать не только оборотням — на то, что ты — государь майората Вейа? Ползешь, ползешь по двору, на локтях, живот сводит от слепого ужаса, с губ текут слюны и изрыгаемая желудком желчь, слезы будут капать в грязь, Вейа, отчаяние выжмет слезы и не из таких сухих глаз, как твои, х-ха, веришь? И спокойный, слышимый тобой даже в царящем аду, шаг твоего палача?

А плен, Вейа? А остаться одному, а, Дорога? Одному в Замке — когда останется только ждать, ждать без надежды, герцог?

Плевать. Я стоял на изнывающем от своей тяжести граните и сам, как сосна на мертвом, кажется, камне, крепко пустил в него корни.

Так вот. Страх из него вверх по ногам не поднимался. Замок отказывался бояться. Наотрез. Мой дом — моя крепость — отказывался бояться разрушения и, соответственно, смерти.

Я вдруг ловлю себя на том, что перекатываюсь с носка на пятку — стоя над пустотой, которая через несколько минут заполнится латниками, чуть поодаль засвищет жестокая в своей стрельбе на любое движение, конница Хелла, загорятся костры, заскрипят блоки стенобитных машин, послышится хруст вязанок хвороста, сыплющихся в ров, заулюлюкают ополченцы, охочие до жранья и питья за чужой счет, мечтающие хоть на миг пережить своего соседа по цепи — толпа, мразь, смерды, которых, как скот, погонят на стены, легкая пехота... С носка на пятку. Гвардия, конница, легкая пехота. С пятки на носок. Оборотни Севера. С носка на пятку. Так я перекатывался всегда — всегда? — когда встречался с неровней, с холопами — вынужденный принадлежать им на миг, в ответ на то, что они принадлежали мне постоянно.

— Арбалет, Грут.

На стене, вокруг меня, несколько легких на ногу и расторопных ребятишек. Ближе к

бойницам стоят ветераны — способные сквозь шум и расчетливое безумие боя, услышать посвист последней для кого-то стрелы и прикрыть его щитом. В случае с государем они успеют прикрыть его собой, чтобы не думалось. Кто-то кинулся вниз по лестнице, и вот уже Грут спокойно произносит: «Арбалет, государь».

— Факелы.

— Факелы! — кричит Грут, и факелы на гребне стены гаснут, враз накрытые одним, кажется, колпаком.

Темнота внизу давно прижата к краю рва вокруг замка. Прижата светом факелов, горящих над воинами Хелла. Отступившая перед щитами тяжелой пехоты. Перед нестройными толпами ополченцев, мечтающих как можно скорее кинуться вперед, чтобы унять свой свинорылый ужас. Уступая дорогу копытам коней конницы. Оттесненная чудовищным тараном, раздавившим темноту своими колесами. Сбитая с толку бесконечными перестраиваниями легкой пехоты. И ужаснувшаяся перед стоящей чуть поодаль колонне Оборотней Севера.

— Грут. Ветер.

Грут садится на колени передо мной, спиной ко мне и ловит щекой ветер, откинув кольчужный капюшон:

— Цель, государь?

— Высокий воин в серебряном шлеме, первый ряд тяжелой пехоты. Слева от знамени второй.

— На палец левее от него, государь. На полфаланги над шлемом.

Металлическая дуга арбалета выпрямилась. Слышимый, кажется, до гор на западе — так тихо вдруг стало вокруг меня — щелчок и басовитое, затихающее гудение тетивы. Арбалетный болт с воем проколол ночь и замолк, с железным чавканьем вгрызаясь в забрало высокого воина в серебряном шлеме.

— Вейа-а-а-а-а-а! — страшно взревели стены замка.

Две молнии одновременно полыхнули, крест-накрест пересекшись в небе над башней-донжоном, страшный грохот слился с воплем моих воинов и хлынул ливень.

А глаза вдруг режет и это — не ветер, веселящийся над надвигающимся безумием смертных. По щеке что-то медленно ползет, ты стираешь это кольчужной перчаткой и криво улыбаешься на левую сторону рта, поняв, что просто провел рукой по личине шлема — по выделанному из стали перьям совиной головы.

Недавно... Да, недавно, ночью — ты спал той ночью, Дорога, тебе снился ребенок. Дочь. Твоя. Которой у тебя никогда не было и чему ты искренне рад, кстати. Ты не любишь детей. И не прозрел в том сне, герцог Дорога.

Несколько часов назад ты пил Ча и спокойно радовался, что в этом мире есть место и привычным вещам. В конце концов, даже опытный канатоходец над пропастями начинает с низкой скамейки и поддерживаемый возможностью спрыгнуть на близкий пол!

Несколько дней назад ты смеялся вечером — в зале с камином, под гербом рода Вейа — ты, никто, ты, государь этого майората — герцог, прозванный Большими Совами «Дорогой» — ты смеялся не над. Ты смеялся тому, что ты рад своему дому, Дорога. Дому, где ты шкурой, днем, ночью, просыпаясь, а самое главное, засыпая — чувствовал надежно закрытые ворота и задернутые пологи — даже когда ворота Замка были распахнуты настежь, а ты сидел на террасе донжона, открытый Солнцу, ветрам и неистово-живому, древнему, нескончаемому Миру.

Что, спрашивается, еще может хотеть человек? Хотеть до ранней седины, до морщин на лбу и в углах глаз? До холодных, молчаливых, обещающих — нет, сулящих — глаз? Хотеть до предательства, как способа, хотеть до крика — настоящего крика в ночном лесу, вдруг запахнувшем воротами этого дома?! Хотеть до победы над страхом, ленью, до диких телодвижений, телометаний — как бы ты не плевал на чужое мнение, оно иногда догоняло и тебя, Дорога!

А еще не так давно ты стоял на крыше, задрал в небо голову, зажмурился и стиснув до хруста в покалеченных когда-то костяшках, кулаки и впервые спокойно думал о движущемся с полей вечере, который не просто станет ночью, а потом утром...

Ты, давно умеющий усмехнуться вдруг так холодно и рано для твоих лет при словах, сказанных нежным женским голосом: «Но так не должно быть, Дорога! Люди так не живут! Так... Так... Так нель-льзя... Любимый мой, я остановлю тебя на своем пороге, мой, мой, мой...» И слезы, слезы, слезы!.. И вечное потаенное прислушивание к леденеющей с каждой осенью все больше душе — не отзовется ли в ней хоть... Хоть что-то, что ли, а? Так уж... Ты, давно умеющий парой слов поднять любую юбку и распахнуть любой корсаж, ты, равно умелый с ключами и отмычками, ты, тот, кого могла спросить мать: «Ты человек ли вообще, сынок?!» Именно, «сынок» — самое верное слово в этом вопросе, х-ха.

И это тоже ты — научившийся сначала окорачивать себя в том, что опасно, а потом — в том, что вредно, х-ха, уже просто вредно, а? Доро-о-ога-а-а? Слышишь меня?

Ты, давно привыкший вначале к тому, что легко уезжаешь, уходишь, бросаешь любую крышу, а потом к тому, что каждая крыша, скорее всего, уже последняя — да и какая разница? Она просто стоит на стенах.

«Дома», а? Поиграем? Нет, уже не играл ты, Дорога, говоря: «Сделаю дома», «решу дома», «приму их... вас... его... дома»... Катал ли ты на языке что-то более дорогое и ценное, чем слово «дом», когда называешь вещь своим именем?

И вот тебя хотят выкинуть из дома, герцог Вейа, государь Дорога. Расколоть твой единственный на свете потолок, растащить стены, выбить окна и украсть двери с замками и поسدирать занавеси?

Неумеющие насыщаться у миски твари! Да вы можете себе представить, как может хотеть домой такой человек, а?!

И пустой колчан падает тебе под ноги.

На полдень от ворот замка

Сказать, что он просто велик и силен — промолчать. Он невероятно велик. Настоящая башня, закованная в сине-белые доспехи. Говаривают, что в его жилах бежит неиссякаемым потоком не только человеческая кровь. Герцог Хелла — опасный безумец или невероятно расчетливый полководец, решивший применить недозволенное оружие и знающий, как с ним управляться? Или просто спесивый дурак, пожелавший что-то получить и наплевавший на последствия? Свет костров скачет по его доспехам, по лицу — шлема на нем еще нет. Поставив перед собой шипастую палицу, он положил на рукоять руки в перчатках и превратился в изваяние. Светло-синие глаза его отражают темный Замок на скале. Ненавистный Замок — символ майората Вейа, уже которое поколение сидящий в печенках рода Хелла. Когда умер старый герцог, вопрос о присоединении майората стал куда проще решаем — но откуда-то вынесло этого Дорогу.

Хелла полнокровен — пожалуй, излишне полнокровен — чувствуется даже в его неподвижности бешеный поток по его веревкам-жилам. В нем даже не дремлет, а с трудом окорочена бешеная ярость и нетерпение. Усилия, понадобившиеся для этого, известны только ему, да может, еще тому, кто стоит слева от него — некто в плаще с глухим огромным капюшоном, скрывающем лицо совершенно. Этот некто невысок, невероятно узок в кости и говорит тихим, шелестящим, морозящим голосом. Он опирается на короткий посох — или длинную трость с набалдашником из желтоватой, полупрозрачной кости. Свет костра слабо пробегает по тончайшей резьбе набалдашника и убегает — ему не нравится ни узор, ни испещрившие рукоять руны. Этот некто, кажется, тоже не в ладу со светом — и, должно полагать, не только со светом костров. Солнечный свет и он чураются друг друга...

Это правая рука Хелла — своего рода Грут, разве что не мастер военного дела, а скорее, мастер других войн — не столь громких, может быть, не столь ярких и славных, но ничуть не менее ужасных, а порой и куда более жестоких и уж точно не менее кровопролитных. Династия Хелла веками соседствует с родом колдунов, откуда и выходят Советующие Хелла. Облакопрогонники и обаянники, а то и обмени в одном лице зачастую, что крайне редко. Так и должно быть — абы кто не может стоять у правого плеча герцога, всегда чуть позади и всегда со скрытым лицом. А их хламида, кажется, просто передается из поколения в поколение — или от кого она так к кому передается? Мрачный род. Тайный род. Мертвящий род. Тихий род... Преемственность рода Советующих неведома никому, возможно, даже самим Хелла. Что, надо признать, тоже естественно — колдуны выполняют свою работу исправно и в срок, а что еще нужно господину от слуги? Разве государю нужно больше? Как и Советующим нет нужды до того, откуда пригнали к их замку нужных для работы девственниц или принесли детей. Мертвящий, умалчивающий, недоговаривающий род...

— Что ты думаешь, Советующий? — голос Хелла изо всех сил хочет быть спокойным, а слова — вескими и неторопливыми, выверенными, но... Даже необычайно низкий голос Хелла не добавляет словам весомости и выдержанности векового меда — каковым надлежит быть словам государя. Портит бесящаяся под маской спокойствия дурная, склочная сила и глаза... Навыкате, большие, жестокие — у такого человека должен быть тяжелый, давящий

взор. А не бегающий взгляд. Этому человеку хорошо и плохо сейчас. Плохо оттого, что что-то идет не так, что это самое «плохо» неуместно здесь, ненужно, лучше бы было... Да как угодно, только не это подспудное «плохо» там, где ему нет места! И от этого еще хуже.

— Здесь думаешь ты, государь, — шелестящий голос Советующего прозвучал в свежем дыхании надвигающейся грозы, и оно сразу же стало затхлым, как вонь ямы, где коротают зиму упруго-безжалостные клубки змей. — Но если ты приказываешь думать и мне, государь... То пошли на стены ополчение, отдай им таран, а сразу за ними пошли обратной Севера. Перед этим пусть твои камнеметы и огнеприметные снаряды прогуляются по стенам Замка Вейа. Ополченцы все равно даром едят твой хлеб, государь. А оборотни не дадут им отступить. Иначе ты просто не сможешь выдавить из этих олухов всю вложенную в их жизни пользу — я имею в виду ополчение. Если ты пошлешь их на стены одних — даже первой волной — Вейа сбросит их со стены, не напрягаясь — эти твари разбегутся, как только им покажут, что уже можно бежать. А когда оборотни ворвутся на стены... Останется только проломить ворота и войти, если северяне не откроют их раньше.

— Думаю, не откроют. Грут хорошо натаскивает тех, кто обороняет замок. Ты прав — ополченцев Вейа сбросит со стены, даже не задумавшись над этим. Советующий, пригласи ко мне Радмарта, — и голос Хелла дрогнул, как и положено дрожать голосам — предательски.

Тот, кого называли Радмартом и на чьем имени дрожал голос Хелла — огромного воина, появился из темноты сразу за вернувшимся Советующим. Он высок ростом, невероятно узок в талии и несоразмерно широк в плечах, одет в длинную кольчугу без рукавов, темные, неопределенного цвета порты и короткие простые сапоги. Его руки обнажены от плеч — жесткие канаты мышц, черные шнуры вен по темным, густо заросшим волосками серо-стального отлива, рукам, походка его подобна плывущему по воде лебедю — он не ныряет и не раскачивается при ходьбе, он скользит над травой. На нем нет шлема — голова прикрыта лишь жесткой шапкой прямых, серо-бурых волос, напоминающих, скорее, волчью шерсть и цветом и, наверное, наощупь — волосы шнурами падают на плечи, на лбу перехвачены металлическим обручем, а на висках и скулах бакенбарды уже откровенно позвериному выбегают на щеки и топорщатся жесткой порослью. Голова посажено гордо — стальные столбики шейных мускулов, эта шея не умеет гнуться — но подбородок упрямо опущен, а лоб наклонен вперед — кажется, он весь в каком-то непрерывном, наступающем движении. Он не вертит головой, смотрит прямо, взгляд дик и неуловим — кажется, он течет, хотя глаза почти не двигаются в орбитах. Лицо пробито глубокими морщинами, он узколиц, тонкие, почти черные губы и белые зубы. Это Радмарт — предводитель обратной Северных Топей. Он явился на зов — по приглашению, а не приказу герцога Хелла — то ли чванливого дурня, то ли опасного безумца, то ли великого полководца. Что думает на сей счет Радмарт — неизвестно, но углы его рта часто подергиваются улыбкой, похожей на короткую судорогу. Подернет рябью матово-белую кожу лица — три-четыре раза кряду и вновь лицо замерло. А так как это происходит постоянно, судя по всему, само по себе, то и заподозрить его в издевке Хелла не может. И не хочет:

— Радмарт, мы сделаем так... — голос Хелла и не подумал дрогнуть, но нежить чутьем уловил задавленный на дне души Хелла страх перед первым в жизни необдуманном поступком — поступком, который его словно кто-то заставил совершить. А теперь остается лишь катиться вслед — камешком, подпрыгивающим вслед за сорвавшейся лавиной. А не камешком ли, катящимся и сухо подскакивающим от ужаса перед ней? — Радмарт, мы...

Ты понимаешь вдруг, что ненавистью, которой ты просто пропитан, ты запасся не здесь, не в этом лучшем из миров. Вернее, ей запасся не ты. Ей запаслись до тебя — за несколько витков по жизни. Может, за десяток жизней. Может — за десятки. Странно. Ты не веришь в то, что душа переселяется из тела в тело — словно рождаясь заново с новым человеком. Не веришь ты и в то, что человек не умирает вообще, а просто умирает плоть, о которой он через миг уже не помнит — или не сожалеет, обнаружив себя в новом теле. В новом месте? В новой жизни? Неважно. Но эта ненависть скоплена не только тобой. Это глубокая, ледяная ненависть, ненависть, заставившая тебя опустошить колчан, не промахнувшись ни разу, ненависть, идущая горлом, шипящая через твои стиснутые в судороге ярости, зубы: «Твари... Мерзкие, мерзкие твари... Вам не сиделось на своих равнинах? Вам не сиделось в ваших болотах? Хорошо, я положу вас всех под дерн. Всех до единого...». Ты балансируешь по краю сознания — не сорваться бы в это бездонное озеро скопленной заботливо ненависти — ибо дна ты боишься не достичь, а плавать в ней, кажется, не учился. И что произойдет тогда — неизвестно, но ничего хорошего — точно, в этом ты убежден.

Страха нет. Все еще нет. Есть двор, над которым стоишь, дом, который ты обороняешь, враг, которого ты убивал и будешь убивать, пока сможешь — или пока это не перестанет быть нужным.

— Род Вейа всегда любил свой Дом, — раздается чей-то негромкий голос у твоих сапог, — ты опускаешь голову и видишь Гёрте. — Всегда. Обороняя свой Дом, они ненавидели так, что даже после смерти эта ненависть уходила к следующему поколению. Та ненависть, которой ты дышишь — это ненависть длинной цепи герцогов Вейа, которые любили свой дом — и многие из которых погибли вне его стен. Хотя все они — всегда — стремились к обратному.

Большак исчезает, ты снова один на один с ревущей толпой ополченцев, которых Хелла бросил на твой замок в лоб — на подъемный мост, на ворота и на то, что за воротами.

Страха нет. Ему просто не осталось места — и ты впервые понимаешь, что значит эта фраза — неуместное понимание, если понимание вообще может быть неуместным. А ты мечешься по стене — успевая в те места, где особенно трудно, где особенно рьяно лезут на стены ополченцы Хелла — твои люди не отступят, но ты нужен им, Вейа-Дорога. И ты мечешься по стене — успевая, успевая, пока еще успевая. Но ты же все это время стоишь над главными воротами — воротами твоего дома, в которые все бьет и бьет чудовищный таран — разбивая мост, щит перед дверью в твой дом, запертой до сего дня от чужих — казалось, навечно — перед главными воротами.

Страха нет. Есть ворота, подъемный мост, гибнущие под мечами, топорами, палицами, стрелами — что еще придумали люди? — люди же, есть горящий замок, есть все еще нерушимые стены, вой камней, стрел, непрерывно гремящий гром и никого не охлаждающий ливень — и твоя ненависть, зависшая над квадратным колодцем главных ворот — молчаливая, обреченная, ждущая.

Страха нет. Сапоги скользят по стене — вода и кровь, вода с неба, кровь из вен — твоих воинов и тех, кто одичало лезет на стену, бьет в мост тараном, свищет в поле с высоких седел злых восточных коней, кто мечет горшки с неугасимым огнем, кто ставит лестницы и кто сбрасывает лестницы и мечет вниз бревна, камни и все, что попало под руку и скатывает

по абламам скаты. Вода и кровь есть — а страха нет.

Страха нет. «Это еще не резня», — отчетливо звучит у тебя в голове — кто сказал это? Ты? Шингхо? Гёрте, вновь отважившийся выйти на такой опасный воздух, Большак? Неважно. Даже если это Баньши. Резня будет, когда в дело пойдут оборотни Северных Топей. Тяжелая гвардия Хелла. Это еще не резня. Пока на стены лезет ополчение и легкая пехота, пока бьет таран — это еще битва. Страха нет.

На миг таран смолкает, смолкает страшный гонг, задающий ритм этому кораблю смерти — горящему Замку с убивающими друг друга гребцами. Одна рука вертит весло, другая привычно режет, льет, спускает тетиву — а корабль идет на рифы, и нет спасенья.

— Мы уронили мост, Дорога! Что ты будешь делать теперь? — раздался ликующий низкий голос в тишине, последовавшей за грохотом рухнувших остатков моста.

— Ты так рад, словно не смел и надеяться на это, Хелла! Выбейте ворота, а там я покажу, что мы можем сделать!

Страха нет. Есть чья-то безумная харя, возникшая перед тобой и разорвавшаяся, как горшок с огненосным зельем, — в разные стороны, брызгами, когда ты с маху опускаешь на нее чей-то пернач — его хозяин уже не нуждается в перначе. Есть лестница, которую ты, чуть не разорвав себе сухожилия, скидываешь со стены. Есть твой сапог, обрушившийся на чью-то спину — и ты мельком понимаешь, что ты узнал чужого чутьем, как хищник чует чужого в логове.

И есть упавшие ворота — об этом вновь сообщает низкий, невероятный голос Хелла, покрывающий шум ливня и треск огня — как по команде смолкают нападающие и обороняющиеся, когда падал мост, когда упали ворота — чтобы Хелла мог сказать, а ты услышать, не иначе. Так, наверное, кормчий корабля, охваченного резней и безумием, корабля, летящего на скалы, слышит в реве и агонии снастей треск мачты.

Есть ликующая толпа ополченцев, ворвавшаяся за ворота.

А еще есть колодец двора, куда они ворвались, спеша за надеждой, что внутри замка время битвы побежит еще быстрее — ближе к концу. Так кони, казалось, вымотанные непосильным пробегом, накидывают бега, почуяв жильё.

И еще есть стены колодца. И вторые ворота.

Главные ворота — дверь дома Вейа — каменный мешок. Ворот, на самом деле, двое. Уронив одни и кинувшись внутрь, ополчение оказалось в крысоварне. Крысоварне? Да. Сверху, со стен колодца хлынула смола, кипятки и ударила одновременно сотня стрел — в толпу забиваемых свиней, в которые легко обратились ополченцы, словно какой-то могучий и резкий на дела колдун, накинул на каждого заговоренное мочало. Визг и вой.

А тебе кажется, что сверху на толпу хлынула, перелившись через край, ненависть рода Вейа.

Должно думать, это было ужасно — х-ха! Избиваемое в колодце ополчение кинулось обратно — но в выбитые ворота снаружи, с поля в замок, ломилась еще не осознавшая происходящего толпа — два течения столкнулись в узком проходе и образовались воронки, всасывающие все новых и новых несчастных в колодец главных ворот Вейа — а со стен все так же лился кипятки, смола и свистели стрелы. Негромкий, малозаметный Грут — повелитель сотен и сотен воинов герцогства Вейа хорошо разбирался в обороне и нападении. А еще он хорошо знал людей, поэтому никакого торжества на стенах не вышло — та часть воинов, которая охраняла ворота, должно сделала свое дело, а остальные невозмутимо остались на местах. Грут понимал, что они лишь отсрочили на миг падение замка. Он был

прав. На стены с воем кинулись оборотни Северных Топей, убивавшие так поспешно, так торопливо, с такой ненавистью к человеку, что та часть стены, где они ворвались наверх, словно враз переменяла одежду — место воинов Вейа заняли северяне. Разница была в том, что они не желали оборонять стен твоего дома, Дорога. Они желали его уничтожить. Эта была последняя мысль, четко стукнувшая под шлемом с ликом совы.

И навстречу первому оборотню, ворвавшемуся на ту часть стены, где спешил к повелителю Грут, кинулась многовековая ненависть герцогов Вейа, одетая в темно-фиолетовую, закопченную броню с золотой совой на груди; навстречу северному нежитю, обуреваемый лишь одной мыслью — очистить стену дома от неумолимо рвущего в клочья самое дорогое, зла, кинулся властитель майорат Вейа, герцог по прозвищу «Дорога». Государь.

Оборотень чуть не шарахнулся от впавшего в неистовство герцога — но тысячетлетняя ненависть к человеку, усиленная тысячетлетним же презрением, ослабилась вместо него, и его шестопер по длинной дуге полетел в голову Дороги...

... Не в первый раз в жизни — и в той, а теперь и в этой — сработал бесценный дар. Миг замер. Это было много раз — миг замирал, но я не двигался медленнее, успеваю легко присесть, легко зажмуриться, легко уклониться. Это срабатывало всегда — но лишь тогда, когда опасность была настоящей. В этот раз шестопером ворочала сама смерть — и миг затих в оцепенении, но в каком-то вялом движении застыл и я. Скорость удара оборотня превышала все опасности, попадавшие мне допреж. Мое движение не было легким и резким, как бывало обычно в таких случаях. Чугунное, негибкое тело на соломенных ногах — вот что я старался заставить уклониться от довольно-таки быстро — для застывшего мига — летящего шестопера. Мы разминулись в остатки этого мига, который хоть и стекал по времени медовой каплей, но все же кончился — шестопер обрушился на уши совы — слева-направо, и шлем слетел с моей головы.

Меч Дороги, «Крыло Полуночи», звякнул на камнях, и герцог вцепился в шею оборотня руками в кольчужных перчатках, а зубами — в лицо, на глазах становящееся мордой — оскаленной волчьей мордой. И они покатались по стене.

Обычно вспомнить, разложить и осознать, что ты делал в драке ты можешь лишь потом — в момент боя ты видишь куски, рваные, сменяющиеся невесть откуда взявшейся темнотой, красной краской ярости, заливающей взгляд — но в этот раз что-то пошло не так — я отчетливо помню, что оборотень вцепился в шею мне, а я ему, и тут же, в неистовом, прорвавшемся упоении я впился ему зубами в кожу под глазом, потом в щеку, а потом — в глотку. Рот наполнился соленой кровью, а потом оказался набит шерстью, но было уже поздно — северянин не успел до конца обернуться и на стене остался лежать труп с человеческим телом и волчьей головой, с яростно разорванной яремной веной и свернутой шей.

— Вейа! — взвыла ночь голосами моих латников и оборотней, и я очнулся. На стене, на башне ворот, на плитах двора нежити резались с моими воинами, резались неистово, нечеловечески быстро и яростно — то кидаясь стайками на одного человека, то один оборотень кидался враз на десяток человек, но все было ясно — это половодье — а сверху это виделось уже так — быстро зальет двор и откроет ворота. А там все будет кончено. Оборотни перекидывались, снова и снова, воины мои дрались то с волками, то с себе подобными, не успевая уже — одержимые лишь одной мыслью — так как ей был одержим я — удержать двор и не пустить северян к воротам.

— Грут! Уходим! — этого не ожидал никто. Я знал об этом. Какое мне дело, что вековая ненависть Вейа была еще даже и на йоту не утолена! Какое мне дело до того, что такого, скорее всего, еще не видел этот майорат — да я думаю, что и соседние тоже. Вырвавшись в поле я надеялся увести остаток людей и Грута — оставив свой дом на поток — пройти к Замку Совы и вернуться. Умереть сегодня здесь я не мог. Тогда бы мой дом навсегда достался Хелла. Я пришел домой и я не уйду. Я не зря положил тут своих людей и обрек на смерть нежитей своего замка — я уходил, зажав ненависть зубами, но я возвращался в этот миг. Они — Хелла и оборотни — вновь заставили меня уйти. Хорошо, ладно! Считайте, что я ушел, я — герцог Дорога!

... Я наткнулся на Грута на ступеньках лестницы, ведущей со стены во двор — когда бежал к лошадям. Он был мертв. И хватит о нем.

Лошади. Конюшня еще не пылает, меня еще не догнали, мои воины еще бьются на скользких плитах двора, сверху бьет такой ненужный, лишний здесь дождь, чудовищный шум боя передразнивает почти непрерывные раскаты грома — станок моего коня, он оседлан, со стойки станка мне махнул лапкой заседлавший жеребца Дворовый, и я вылетаю к воротам, в которые бьет этот неискоренимый таран. За мной стучат копыта — кто-то еще успел попрыгать в седло, или просто сумев поймать коня в безумии двора, превратившегося в звериное поле — пасти, клыки, алые языки, горящие, оранжевые от прилившей крови, глаз, серая шерсть, лужи крови, смолы и воды, пуки соломы — разгул дикой, нечеловечьей природы, которой все это было милее свадебного пира.

Ворота заперты? Вы рветесь внутрь? Вам так хочется в мой дом, несытые у миски твари? Да будет так, х-ха! «Вада ту рам!» — визжу, хриплю, вою я на остатках голоса, дорывая связки и не будучи уверен в успехе — ворота, как-никак, были в самом деле заперты, не на ключ, но на засов, — одновременно описывая в воздухе мертвую петлю мечом. И ворота, в которые бил и бил таран, рухнули вперед — на бревно тарана и нападающих. «Хелла!» — взревела освещенная пожарами толпа нападавших, избежавшая удара ворот. «Вейа!» — взревело в ответ за моей спиной...

Избываемые сзади оборотнями хмельного метелями Севера, выкормышами ледяных, бездонных, поистине страшных болот, а с боков — дорвавшейся до легкой добычи тяжелой гвардией и свирепой легкой пехотой, засыпаемые стрелами восточных наездников на бесящихся лошадях мои воины легли все до единого. Я же — словно на острие невидимого чудовищного копья — скованного из верности воинов Вейа и ненависти герцогов Вейа пустив в ход палки, до того праздно висевшие за спиной, проколол толпу солдат Хелла и ускакал на запад. Лошади Вейа всегда славились не только на их землях.

Они отстали еще на равнине, отвоеванной трудолюбивыми земледельцами Вейа у Бора. Я же ушел в Бор.

Ушел один. Возвращаясь на дорогу. На дорогу домой.

... Со скалистого утеса, что порос тяжелой елью, под Луной, под стылмым небом, на площадке для ристалищ всех ветров, свистящих лихо, со стремян, в седле поднявшись, он смотрел, как догорает смоляной, чадящий факел — замок майората Вейа. Дом его, нора, берлога, гавань, место, где впервые он сумел сказать: «Я дома...». «... Тучи лавой на облаве подминают лес и доли, балки, тропы и овраги — скрыто ночью и грозою, то что все еще покуда майорат от рода Вейа, то, что от него осталось — смоляной, чадящий факел, дерзко спорящий со

мглою... .. Зубы скрипнули, как петли на несмазанных воротах, смех негромкий, словно ржою с губ осыпался на землю, горло дернулось — опало, вопль рождавшийся ломая, одолело... Стало тихо, только мягко тренькнул повод — золотой, литой цепочкой был украшен. Тьма и искра — смоляной, чадающий факел... Фитилем сгоревшей свечи вспыхнул в сырости и мраке догоревший замок Вейа — туча искр... И тяжкий грохот докатился до утеса. Тишина. В плечах сломавшись, на луку склонился Вейа — и худой вцепился кистью в воротник, что сжал удавкой его горло — нет дыханья, треск — и брызнули лучами отлетевшие застежки с гравировкой рода Вейа — филин, крылья распростерший и зажмуривший глаза... Жест, извечный и бессильный — к небу он глаза возводит. Тусклый взгляд — угасшим углем; тьма и тени под глазами, ни один не дрогнет живчик — жест пустой и неременный — не лицо — а просто маска, чуть подсвечена Луною — нет в веках воспетой складки, что врубилась меж бровями, рот не крив, не ходят скулы — просто так. Как все. Как надо. Только две холодных искры вниз с ресниц его скатились от углов холодных глаз.

Ночь. Утес. И государь.

Ореховая Запруда

Если высадиться в..., которое еще называется..., а потом неотвратно двинуться на Юго-Запад (или куда вам больше глянется, можно и просто на Запад), то вы, преодолев немалые препятствия, попросту выйдете к Западной же, или куда вы там шли, оконечности Изумрудного Острова. Что ж, останется лишь проклясть свою доверчивость и, грязно ругаясь, отправляться восвояси, поскольку эта Земля отнюдь не является тем местом, где можно сорвать зло на незащитных мирных жителях. Хотя бы потому, что тут их попросту нет.

Даже обычный, с позволения сказать, Изумрудный Остров, с его кельтами, их кланами и друидами, жертвенниками и камнями, сложенными в будоражащие фигуры, с их природной дикостью и страшноватыми обычаями и традициями, открывается далеко не всем. Что же тогда говорить об этом месте...

... Пытаться рассказать об этом месте столь же бессмысленно, сколь сильно, иной раз, хочется какому-нибудь барду, менестрелю или просто странствующему сказителю из рода человеческого. Из тех, кому иногда удавалось попасть сюда.

Холмы. Холмы, переходящие, как волна в Океане переходит в другую волну, в Холмы, иногда приютившие на вершине небольшую рощицу. Нестихающий ветерок нагоняет беспрерывно бегущие по траве волны. Кажется, что он вот-вот замрет и действительно — вот, он уже затих, почти умер — и снова шум зарождающегося ветра.

Пахнет... Зеленью, травами, что отнюдь не одно и то же — ведь согласитесь — запах зеленого луга отличим от аромата травы... Здесь пахнет, кажется сам изумрудный цвет вереска и ковыля, а аромат травы — это уже подарок сам по себе. Пахнет Землей, столь же древней, сколь и непрерывно обновляющейся. И небом. И слова, просящиеся на язык, чаще всего «Совершенство» и «Первозданность». Даже когда клубящиеся, колышущие тяжелыми, черными животами, тучи заволакивают небо, обещая ливень с грозой, и ветерок становится истоиво свищущим над холмами ветром, от которого бесполезно прятаться и кутаться — эти слова «Первозданность» и «Совершенство» все равно остаются с вами. Здесь искренен дождь, здесь честен ветер, и исконно печальна Луна, и открыто и ярко Солнце. Здесь безграничность простора и бездонность неба не пугают, а естественно и мягко дают осознать, что ты пусть даже и невообразимо маленькая, но часть всего этого.

Здесь все так, как и должно быть в конце пути, ибо только безумец оставит эти Холмы добровольно, разве что собираясь в последнюю дорогу. Даже невнимательный, равнодушный взор станет здесь изучающим, недоуменным, ищущим и затем спокойным. Измученное, искалеченное «Я» найдет здесь силы для того, чтобы жить, и для того, чтобы принять самое себя. Язык отказывается здесь лгать, отказывается от праздной, ненужной болтовни — Слово здесь имеет свой единственный, первый и истинный, сокровенный смысл — и не захочется разбрасываться ими.

Здесь любовью не зовут влечение, ложь — мудростью, а ненависть чувствует себя незваной гостьей, и потому тихо и быстро оставляет Холмы. Рождение вызывает здесь общую радость, смена времен года — восторг, смерть — тихую грусть, но не страх и не

ярость. Здесь союзы заключаются навсегда, раннее утро дарит надежду, а ночь — укрепляет веру. Гордость не путают со спесью и презрением, а любовь — это причина, объясняющая все, и она непреходяща среди тех, кто принял ее.

Люди здесь не живут.

Это Эльфийское Нагорье.

... Со всем этим, однако, я не эльф, но живу здесь. Я старая, сильно потрепанная жизнью, седая зверюга, прискучив игрой с которой, ее поводыри пустили сюда, в земной рай, позволив реке вынести к берегам Серого Ручья мое полумертвое, но тогда еще умевшее цепляться зубами за жизнь, тело^[1].

И, спеша упредить ваш вопрос, говорю, что я не великий колдун. И даже не простой... То есть я настолько не колдун и так глубоко не эльф, что подчас непонятно, как такое создание могло попасть сюда, где каждая травинка прямо-таки источает Силу и Возможность, что отнюдь не всегда взаимосвязано, поверьте. Да мало того, что попасть, а еще и остаться здесь, да еще и породниться с главою Эльфийского Нагорья — Старым Рори О'Рулом, взяв в жены его единственную дочь, Хельгу. Хельгу О'Рул.

Я — человек, или, вернее, то, что от него осталось, к моим-то годикам. Я совершенно человек с лица, хотя, боюсь, что внутри не все так гладко...

Я говорю на нескольких людских языках, отзывался на несколько, совершенно же человеческих, имен, пока не попал сюда, где эльфы, великие на это мастера, не прозвали меня Рори Осенняя Ночь. Да, я тезка Главы Эльфийского Нагорья, который вот уже несколько веков, зовется «Старым». Со мною же все не так просто. По годам и учитывая, что я не эльф, «Старый», а то и «Престарый», было бы в самый раз. Но... Откуда и кто может знать, сколько я теперь, тут, на Эльфийском Нагорье, проживу — дай мне новую кличку, а я возьми да и окочурься, к примеру, — и все труды (а это и правда, большой труд и ответственность — давать прозвище, а тем более, менять его) насмарку.

Рори — это мое настоящее имя. Понятия не имею, кельт я или нет, и насколько не кельт; но мой отец, суровый Рагнар, викинг чистых кровей, назвал меня так. Понятия не имею, что он при этом делал один, не считая семьи, на берегах Валланда.

А заодно и до сих пор недоумеваю, зачем я ввязался в эту склоку, возникшую в попытках нацепить корону датских викингов.

Кончилось эта безобразная свара само собою, войной, о ходе которой нет ни малейшего желания рассказывать, особенно о тех мгновениях, о которых меня и пытается Рон Зеркало — когда меня, как волка, приперли гнавшиеся за мной от Ютландии до Изумрудного Острова, а потом через весь Изумрудный к обрыву над рекой Вратной^[2].

Вообще, мне думается, что дотошный Рон Зеркало никогда мне не простит того, что я позволил сознанию ускользнуть, и тем самым пропустить миг переправы с обрыва Вратной реки, откуда меня, не сумев взять, сбросили залпом из луков, на сторону Эльфийского Нагорья.

Как бы там ни было, меня принесла сюда Вратная, выкинув на берег Эльфийского Нагорья. Как я прошел Кромку, как я смог, не помню... Я уплывал, упав с высоты пятнадцати саженьей, собрав в грудь и спину семь или восемь стрел, но, не потеряв сознания, медленно кружась в водоворотах, которые почему-то не удосужились меня засосать, мерно выплывая на середину Вратной, уплывал и чувствовал, что нахожусь на тончайшей, незримой грани между «Здесь» и «Не здесь», между «Жив» и «Мертв», между «Верю» и «Не верю» — четко посередине всего...

Что-то текло во вне меня, — это убаюкивало, одновременно раздражая, что-то исходило, мягко, противно и, вместе с тем, очищая душу, из меня... И вдруг, в какой-то миг, в котором все это, наконец, пересеклось, я ощутил вдруг страшную, догнавшую меня боль и увидел бело-зеленую грань, стену, преграду, мерцающую алмазными, нестерпимо белыми, искрами и изумрудными гранями, возникшую вдруг прямо посреди реки, по ходу моего плавного по реке движения, преградив мне путь. Хотите знать, что я чувствовал еще, что было чуть лишь слабее боли? Одиночество. Почему бы это?... Мечтая о том лишь, чтобы не пойти ко дну, я радовался тому, что Вратная несет мое обескровленное взрезами тело, в эту преграду. Потом был поток света, такого же бело-зеленого, как и невиданная дотопе преграда, а потом сознание ушло.

Когда оно вернулось, я увидел себя на невысоком, травяном берегу, раны мои почти не болели, и я смог приподнять голову и осмотреться. Мне удалось это сделать, и я понял, почувствовал, поверил, что попал в рай и могу лежать здесь, на этом берегу, нимало не опасаясь появления кельтов под водительством моего кузена Сигурда Белого Щита.

Но, вместо любимого родственника, на берег вышли дети и, при первом же взгляде на них, я, искалеченный, подыхающий, с сознанием, которое, как мне казалось, готово было угаснуть в любой момент навсегда, я, воин, а отнюдь не бард, не скальд^[3], которым запросто видится все, что им только пожелается, сразу же узнал в них, ни разу не видев их дотопе, эльфов^[4].

А они, завидев меня, не бросились с визгом врассыпную, как и следует делать детям на любом берегу, а деловито обступили меня кругом, взявшись за руки, и то и дело поднимали их, образуя тем самым шатер, отграничивавший меня своей тонкой крышей, лежащей на их ручках-стропилах, от неба. Крышей? Да, но я просто не могу дать более тонкого сравнения. Когда их руки поднимались надо мною шатром, я явственно видел, что в просветах между ними что-то есть, какая-то прозрачная, но прочная преграда, по которой волнами, от вершины к краям, разбегались ярко-бирюзовые сполохи^[5]. Я чувствовал, понимал — как угодно, что эта крыша прикрывает меня от тех, кто, без сомнения, уже вился вокруг, чтобы сопроводить мою душу туда, где и положено быть душе любого человека, чье тело насквозь пробито не то в семи, не то в восьми местах^[6].

Дети поднимали и опускали тонкие руки, небо то появлялось, то скрывалось за бирюзовой пеленой, а я же молча лежал на траве, понимая, что я все еще везучий. Надо сподобиться умереть на Эльфийском Нагорье! Тут вдруг заметил я, что моя грудь уже не часто-часто вздрагивает, силясь захватить воздуха и не дорвать при этом пробитые легкие, которые на выдохе выдували на груди крупные, красные пузыри, лопающиеся и обдававшие лицо мельчайшими брызгами, а следует за ритмом вздымавшихся и опадавших детских рук-стропил, да и сами пузыри более не выдуваются.

Старший из детей^[7] закрыл вдруг глаза, явственно, ощутимо всеми ранами моими, прислушиваясь ко мне, потом резко мотнул головой сверху вниз, дети так же резко расцепили руки и одновременно отошли от меня. И тут, казалось, что сверху, прямо с Неба, на меня обрушилась дикая боль, но это была старая, славная, знакомая боль от раны, а не еле заметная боль от смертельного ранения. Так или иначе, но я почти обрадовался ей.

По человеческим меркам я старик, глубокий старик и, думается мне, лишь то, что я живу на Эльфийском Нагорье пока еще поддерживает мою жизнь. Я уже давно не мучаю себя праздным вопросом «Зачем это делается», а уж тем более, «Кем» и так же давно не

боюсь умереть. Я, Рори Осенняя Ночь, уже очень давно не боюсь умереть, не ища, однако, смерти — ибо это нелепо по сути своей, а уж здесь так просто нелепо вдвойне^[8]. Я не жду, не ищу и не боюсь смерти, ибо надеюсь там вновь, пусть хоть на миг, но увидеть мое Рыжее в Медь Чудо — Хельгу О'Рул.

Когда она умерла... Как обыденно, и дико вместе с тем, это звучит! Слова, небрежные, каждодневные, что врозь, что вместе, но все-таки, все-таки... Но все-таки я не бард и не скальд, я бывший наемник и соискатель короны датских викингов, так что постараюсь, пусть даже только и для себя^[9], говорить проще. Она умерла родами, осенью, когда Эльфийское Нагорье примеряет пурпур и золото, оставив мне ребенка мужского пола и не утихающую, не становящуюся легче... Все, хватит. В тот миг, когда я осознал, что держу на руках существо, убившее мою Хельгу, я, помню, лишь поразился, насколько же глубоко Нагорье способно изменить человека, даже меня, зверя, наемника, заслуженно проклиняемого на десятке языков; жестокий, кровожадный меч на службе конунгов, ярлов, князей, баронов, жестокий, как ласка, — я не был мягче и когда домогался короны — я ли это? Еще несколько лет назад, случись со мной такая история, то клянусь вам — я бы просто сунул этого ребенка первому, кто бы его взял, и думаю, что не удосужился бы проверить, поймали ли его. А потом бы я просто развернулся и ушел. Навсегда. Тогда же... Я просто стоял и смотрел на ребенка Хельги О'Рул и моего ребенка и видел в нем не корень всех моих зол, — на что, согласитесь вы или нет, у меня были основания! — отнявший у меня самое важное в жизни, а то, кем он и был — нашего с Хельгой ребенка — давно уже живущего своим Холмом. Чей сын, а мой внук, очень оригинально^[10] названный Рори Майский Лист, все время, которого у него еще много, старается проводить около меня, у которого времени уже вовсе мало... А еще он любит задавать вопросы.

Сейчас он уже изрядно вырос, а посему и вопросы его становятся все более каверзными, невзирая иной раз на кажущуюся невинность. Вырос. Он лишь чуть ниже меня ростом — хотя в большинстве случаев, эльфы немного ниже ростом, нежели мы, люди, но он еще продолжает расти. А в остальном он чистокровный эльф^[11], чему я рад, если честно — негоже нашей крови примешиваться к крови Соседей, это приносит им несчастье, по моему глубокому разумению... И уж то, в чем я совершенно уверен, так это в том, что какие бы байки не плели кланы Изумрудного острова, равно как и люди Севера — я имею в виду, само собою, не фоморов^[12]! — им, Соседам, от людей куда больше горя, чем людям от них. Людям? Хороший образ, очень. Интересно, кто же тогда я?

... Честно признаться, этот вопрос сильно стал меня занимать в последние годы. Да, именно, годы — потому что как бы не судили о Вневременье Эльфийского Нагорья, я знаю точно — время и тут и у людей идет с одинаковой скоростью, просто Народ Холмов за равное с человечеством время, сделал куда меньше глупостей, а потому и не вынужден метаться, слясь исправить последствия оных, как лемминг в поисках омута^[13]...

... Тут воздух вокруг Рори Осенняя Ночь загустел, ударило по глазам нестерпимо-яркой, солнечной почти, белизной, и Рори в который раз уже с неудовольствием подумал, что Белоглазый никогда не предупреждает его о том, что сейчас он откроет для Рори Окоём — место-не-здесь, если перевести этот символ с Соседского на человеческий язык^[14]. Неудовольствие, однако, скоро ушло — старея, Рори, как ни странно, теплее стал относиться к Белоглазому, а точнее, удовольствие от общения с колдуном делало отношение Рори к его манерам много терпимее.

Как и всегда Окоём явился в виде огромной залы с потолком настолько высоким, что его и видно не было — он просто сливался с клубящейся вверху темнотой, с которой безуспешно пытались спорить несколько дюжин факелов; с колоннами, которые также теряли свои вершины во тьме, звонким, выложенным гладкой плиткой, полом и стрельчатым, немного приоткрытым окном, разноцветно-витражным и, как ни странно, всего лишь одним. Рори уже давно знал, что если выглянуть в окно, то прямо под срезом оконного карниза, он увидит облака (в первый раз он так и не смог поверить в то, что он видит облака под ним), а подняв голову, он увидит кромешную мглу, с изредка приклеенными осколками синего льда — ибо именно так смотрелось небо из стрельчатого окна, что сразу поверх облаков. А если смотреть прямо перед собою, то в неизмеримой дали, проткнув облачную пелену, стоит еще одна, такая же башня. Задав как-то раз вопрос о том, кто или что там может быть, и самостоятельны ли эти башни, или обе они части одного, невероятно большого замка, и кто, в этом случае, его владелец, Рори получил от Белоглазого исчерпывающий ответ: «Понятия не имею». Так что, вопрос о том, видит ли каждый Окоём по-своему или же нет, или это место — вообще пишог Белоглазого, великого любителя таких — так по сию пору и оставался открытым. Рори вначале несколько смущался при мысли о том, что не сидит ли он, во время посещения Окоёма, на какой-нибудь, полной народа площади и не ведет ли сам с собою захватывающего диалога вслух, к некоторому удивлению жителей и к полному восторгу Белоглазого. Однако мысль о том, что Белоглазого, пусть даже и невидимого для остальных, там нет вообще, а это просто морок, не мучила Рори — он был уверен, что колдун тут же, с ним, даже если Рори и спорит и ссориться сам с собою, на площади, предположим, Византии. Что он, даже если это и так, все же рядом с ним есть, пусть даже Рори и выглядит идиотом для всех остальных, на предполагаемой площади^[15]... А вообще... Да плевать, говоря по чести, было Рори, где это происходит. Поэтому мысль эта уже давно не беспокоила его, а в последнее время перестала и посещать. Несмотря на всю свою любовь к такого рода пишогам, Белоглазый не позволил бы людям слушать то, о чем они беседовали с Рори, — хотя из соображений разумно-презрительного отношения к людям, если уж не из соображений этики^[16].

«— Здорово, старый Рори... Ты еще больше постарел со времени нашей последней встречи. Кажется, скоро... Да полно врать самому себе, Белоглазый. Скоро ты уйдешь в свою последнюю дорогу, но отнюдь не так, как ты думал, сидя в тихом Нагорье... Ты уйдешь навсегда, такие, как ты, не оборачиваются. Навсегда, и я не позволю себе вызывать твой дух для того, что бы вновь и вновь пытаться разгадать твою загадку... Я слишком уважаю тебя для этого... И ты навсегда останешься для меня тем, чего так мало для меня осталось в этом Мире... Да и не только в этом... Загадкой. Ты уйдешь такой же загадкой, какой ты был для меня, когда вынырнул откуда-то прямо в усобицу между датскими ярлами и был момент, когда даже я готов был поверить в то, что корона все-таки достанется тебе, несмотря на то, что пророчества говорили о совсем другом исходе... Такой же загадкой, которой ты продолжал оставаться для меня, когда ты, ни малейшего представления не имеющий о Законе Врат, прошел в Эльфийское Нагорье... Такой же загадкой, как тогда, когда Хельга О'Рул полюбила тебя, человека, наемника, совершенно не знавшего ни Любви, не привязанности к чему бы то ни было, не говоря уже о привязанности к кому-то... Как дико и неожиданно для меня было

мгновение вашей первой встречи. Ты просто выронил меч, а точнее, разжал руку, лежащую на рукояти двуручника, лежащего на твоём плече, и он, скользнув по спине, стукнулся о камешек острием, прозвенел оскорбленно, на миг замер, стоя рядом с тобой и тебя, тебя же олицетворяя, второе твоё «Я», твоя тень — простоял и упал. А ты даже не заметил этого. Воин, совершенно не знающий ни жалости, ни злости, каменное сердце, просто обмер при виде той, что встретила тебя на вторую ночь твоего пребывания на Эльфийском Нагорье — ибо уже на второй день ты смог встать, совладав с помощью юных эльфов, со своими ранами. Уже тогда... Да, уже тогда, всего лишь на второй день, ты не старался, во чтобы то ни стало, держать руку на мече — я готов поставить Драконию Остров против убогого пера Рона Зеркало^[17], что уже на второй день, меч твой стал тебя стеснять. Ибо ты уже давно привык верить своему чутью, а оно просто молчало, став чуть ли не лишним на земле Эльфийского Нагорья. В знак приветствия, Хельга подняла руку с такой узкой, такой хрупкой ладонью, а ты же... Ты просто молча и очень неумело поклонился, ни на миг не опустив глаз. Ты же просто, просто, всего-то навсего, встретил то, чего никогда не было ни в тебе, ни вокруг тебя. А по лицу Хельги, догоняя одна другую, скользнуло две слезинки, причем обе — из одного глаза ^[18]... Она, эльф, не могла не понять, что ей просто надо уйти, если она хочет остаться в живых, но она — Эльф, дочь короля Эльфийского Нагорья, не могла уйти, ибо она видела, что творится с той пустотой, которая столько лет заменяла тебе душу. Тогда тебе было чуть больше тридцати. Но хватит об этом. Я могу себе позволить и просто промолчать все время нашей встречи — и ты так же легко подхватишь это молчание, не потому, что ты меня боишься (кстати, тоже вопрос — ты меня совсем не боишься, бред какой-то!), а потому, что ты умеешь молчать, что не мешает совершенно нашей беседе. Нет, уже мало времени осталось тебе, старый, действительно старый, Рори Осенняя Ночь, чтоб я мог позволить себе так вот, просто приятно помолчать!»

— Привет, зять эльфийский! Ты стал совсем старый. Ещё немного, и Народ Холмов станет путать вас с тестем, и выйдет неразбериха, чьи же приказы выполнять!

— Привет, ведьма... (помолчав миг, Рори все же договорил)... к! Я-то? Да, постарел, постарел. Скоро я не проснусь в какое-нибудь ближайшее осеннее утро, и внук мой не сможет больше задавать мне свои важные вопросы!

Этот наполовину шуточный, наполовину издевательский тон был давно принят при общении меж Рори Осенняя Ночь и Белоглазым. А в старости просто уже невозможно, да и ни к чему что-то менять...

— Что, внучек снова огорошил своего деда? Чтож, это и немудрено... Старость. Чем на сей раз?

— Он спросил, почему у меня такой длинный, непривычный для эльфов меч и откуда у меня столько рубцов. На это я ответил, что именно длина моего меча и дала мне возможность прожить долгую жизнь...

— А что же ты ответил о рубцах, кладесь преглупости?

— Да то, любопытная... ведьмак, что долгая дорога всегда несет на себе много следов. Тут-то он и сказал, что хотел бы постоять на моем пути...

— Тут ты схватил его и нещадно выпорол...

— Тут я и сказал ему, что каждого эльфа, по достижению звания мужчины, стоит на годика три-четыре, выбрасывать в людской Мир, без права своевольного возврата. Тогда, через пару поколений, эльфовским юнцам перестанут приходить в голову глупые и опасные желания. Вроде того, что так долго мучило одно юное поколение за другим — что же все-таки, представляет из себя Ланон Ши у Ореховой Запруды и кто же все-таки победит ее, давая чудовищу обильную пищу каждый год...

Белоглазый повернулся в сторону окна и промолчал. Он прекрасно помнил, что Рори, прознав о Ланон Ши, хотел уничтожить ее, но Хельга, тогда еще живая, упростила его не делать этого... Также, как и прекрасно он помнил, что сделал Рори Осенняя Ночь, за что и получил он это прозвище, вскоре после смерти Хельги — вечером он ушел в сторону Ореховой Запруды, чтобы встретиться с Ланон Ши, Чудесной Возлюбленной, уже столько поколений жившей у Ореховой Запруды, видимо, в противовес самому духу Эльфийского Нагорья — духу Мира и Любви, духу Справедливости и Веры. По глубокому убеждению Белоглазого, Ланон Ши была попросту необходима на Нагорье. Но сидящий напротив старик, седой, как лунь, подстриженный «шапкой» (по мочку уха и сразу над бровями обрванными волосами), старик, с длинной, туго заплетенной косицей, падающей почти до пояса с левого виска, со шрамом, делившим лицо, строго параллельно косице с другой стороны, рассудил иначе. Он ушел ввечеру, ушел один, в сторону Ореховой Запруды, а вернувшись, просто сказал, не вдаваясь в подробности, что Ореховая Запруда чиста отныне... Старики из Народа какое-то время не знали, что теперь ждать, но ничего так и не случилось, к вящему удивлению Белоглазого. Духи-хранители Нагорья, видимо, спокойно обошлись и без противного им начала. А может, присутствие Рори сделало возможным такой передел. Чтож, ответ он получит после смерти Рори Осенняя Ночь. А может статься, что и чуть раньше. Пока же он просто получает удовольствие. Обычное, привычное, но не ставшее уже традицией, и не потерявшее от этого ничуть, удовольствие от общения с непонятным ни ему, ни Народу Холмов, Рори Осенняя Ночь, глубоким стариком... Белоглазый чуть повернулся к Рори, скосив правый глаз ^[19] на его старческие, худые руки, плетями свисающими вдоль одетого в кожаную, без разреза, безрукавку, тела. Белоглазый знал, что в этих, старчески худых, загорелых, исполосованных венами руках еще осталось более, чем достаточно, сил, для того, чтобы иметь возможность плотно соединить ладони, даже если между ними окажется чья-то глупая голова. Но теперь же настало время для того, чтобы задать ряд вопросов, пока этот скрытный старый Рори не ушел навсегда. А взамен придется, само собою, ответить на ряд его, ибо старый Рори никогда не упускал возможности спрашивать, но только тогда, когда первым это делала Белоглазый. «Что со мной? — Рассеянно думал Белоглазый. — Я искренне считаю, что он скрытный, загадка? Человек, загадочный для меня?! Я вынужден отвечать на его вопросы? Или это просто вежливость? Или обмен? Или же это искреннее удовольствие — чем-то быть полезным ему, старому Рори Осенняя Ночь, упрямому старику? Чтож... Да. И загадка. И удовольствие. Буде честен перед собою и тебя нелегко будет привести на ложную дорогу, Белоглазый. Это истина.»

— Ладно, старый сыч... О твоём внуке мы еще поговорим... Хочешь, я удивлю тебя?

— Ну, не стоит так уж заноситься... Я понимаю, конечно, что ты в состоянии пробормотать пару-тройку заклинаний и способен поразить пару олухов на базаре какой-нибудь совсем уж дикой провинции. Но все же...

— А ты стал едок, Рори... Понемногу тезка своего тестя учиться отвечать, почти что не

тратя время на размышления... Я имею в виду, что может сделать вид, будто поддерживает разговор. Я не говорю про более глубокие мысли, которые посещают твою седую голову, что своею белизной может ввести кого-нибудь, совсем уж глупого, в обман. Но речь не об этом, Рори. Я давно уже хотел спросить тебя — что же произошло в Ореховой Запруде тогда, а? Мне нужен твой ответ, а не песни и пляски хоть эльфов, хоть кельтов...

... Иногда Белоглазому стоит отвечать молча... Но сейчас не тот случай. Неизвестно, почему, но иногда Рори было много проще обращаться к себе, как к собеседнику, то подгоняя его, то спрашивая, то заставляя умолкнуть... С непривычки зрелище могло бы показаться смешным или жутким, в зависимости от того, кем оказался зритель. Но тут некому было пугаться. И уж всяко не Белоглазому, искушенному не только в пишогах, но и в некромантии, в которой он слыл подлинным знатоком. И Рори, прикрыв глаза, начал:

— Чтож, Рори... Вспомни, как сидя на крыльце вашего с Хельгою осиротелого дома, глядя в вечернее небо, ты в который раз подумал о том, что Жизни все труднее достучаться до тебя... Что ты словно окаменел... И если до Хельги это состояние нимало не смущало тебя, то после нее... Что ты не слышишь голосов Осени, гостящей в Нагорье, и, как и полагается всякой знатной и богатой, а к тому же еще и благодарной гостье, в доме, где все ей рады, осыпающей Нагорье своими дарами... Что ты просто отметил про себя, вот-де и Осень пришла... И бездумно повертел в пальцах листок клена, схваченный в своем последнем танце, за черенок. Что только потешное бормотание вашего сына способно хоть на миг тебя вернуть сюда, сюда, на Нагорье, на то место, где ты, наконец, обрел то, чего, в общем-то и не старался найти — свой Дом. Дом, где тебя любили. То есть, все, что только может дать человеку Судьба. Но это оказался задаток... Основное она, как и всегда, приберегла на потом. И вот Хельги О'Рул больше нет на Эльфийском Нагорье... Задаток возвращен и окуплен. Но почему? Зная бессмысленность этого вопроса, ты в который раз за эти осенние дни, а вернее, вечера, повторял его негромко вслух: «Почему?» Не потому ли, что придя в Нагорье и получив тут так много, ты взамен не дал ничего, только лишь отняв у Нагорья Хельгу, у отца — дочь, у сына — мать. С последним можно спорить, но глупо спрашивать за что бы то ни было с ребенка... Если бы тогда ты умудрился понять, что Рыжее В Медь чудо Хельги должно освещать какой-нибудь другой Холм, может быть, она была бы жива. Но тогда это место перестало бы быть Нагорьем, ибо здесь не находилось места для подобных полутонов...

... Чьи-то, почти неслышные, шаги... Джуди О'Рул, младшая сестра Хельги... Как же долго в первый раз, когда ты услышал их, хотелось тебе быть обманутым, потому, что они так походили на ЕЕ шаги... Тщетно. А Джуди уже подошла и слегка поклонившись тебе, сказала:

— Я пришла навестить Рори... Мне казалось, что он плачет...

— Который из них? — спросил ты, равнодушно стараясь пошутить. Но Джуди не приняла, а может и искренне не поняла, что ты хотел.

— Твой сын, конечно.

Тут-то и началось то, что впоследствии дало тебе прозвище «Осенняя Ночь». Ты резко встал, помнишь, Джуди негромко ахнула — ты исчез и вернулся уже из дома, она пропустила твое движение. На твоём плече лежал твой двуручник. Придерживая рукоять его подбородком, ты, заматывая голову кожаной косынкой, аспидно-черного цвета, как и все твое одеяние, впрочем, невнятно произнес:

— Сын... Да, у меня еще много что осталось, за что я не рассчитался с Нагорьем. И

сейчас ты подсказала мне, Джуди, что я никак не мог понять сам: мне пора расплатиться и за это, если я не хочу потерять и его...

— За что, Рори? — Джуди была напугана и твоей скоростью и твоими речами. Твоим мечом. А особенно твоими глазами. Ты смотрел перед собою ровным, тяжелым, серо-свинцовым взглядом, серым, как воды Серого Ручья, который принес тебя сюда. Ты уже закончил завязывать повязку — она скрыла твои волосы, нижним срезом доходя до бровей, а сбоку — туго врезалась в середину уха. Сзади же, точно посередине твоей спины, покоились два конца ее. Спереди, с левой стороны, из-под повязки выбегала твоя уже начинавшая сесть, косичка.

— За те милости, что мне оказало Нагорье, я не расплатился сразу. Мне напомнили об этом смертью Хельги. И даже это не навело меня на правильную мысль. Теперь я знаю, что должен сделать.

Джуди хотела было возразить, успокоить Рори, хотя он и не казался перевозбужденным или больным, в конце концов, она была эльф, а он... И она осеклась, не начав. Перед ней стоял хищник, опасный, как ночь в людских землях. Древний, как сама земля, хищник, который раз напав на след, никогда не бросит его, если решит, что это ему надо. И все твои доводы, все твои разумные доводы, Джуди, разбились бы об эту угольно-черную тварь, черную, даже на фоне глубокого осеннего вечера. Ты помнишь это, Рори? Да, ты помнишь, как помолчав немного, ты четко и внятно произнес:

— Я обращаюсь к духам-хранителям Эльфийского Нагорья... Я долго злоупотреблял вашими милостями. Я был неблагодарным гостем. Сейчас, здесь при свидетеле из Народа Холмов и при вас, я обещаю, что сегодня ночью я избавлю Ореховую Запруду от Ланон Ши или погибну. Да будет так^[20].

И ты, не обращая больше на Джуди никакого внимания, мягко сбежал со своего Холма и исчез в ближайшем подлеске. Джуди успела лишь прикрыть рот ладошкой. Потом она схватила твоего сына и бросилась бежать к своему отцу — королю Эльфийского Нагорья, Старому Рори. Тот молча выслушал, кивнул и повелел лишь: «Собрать воинов у моего Холма. Мы будем ждать здесь до рассвета. На тот случай, если потревоженное моим зятем Зло не удовлетворится им одним, а пожелает оставить Ореховую Запруду и явиться сюда, для того, чтобы раз и навсегда отучить нас от таких попыток или же для мести».

А ты мягко и бесшумно стелился по высокой траве, по росе, которая через несколько часов станет первым инеем. И ты впервые чувствовал свой двуручник не таким уж и ненужным здесь, на Нагорье. Запруда все приближалась, да, да, тебе казалось, что это она, Ореховая Запруда неслышными скачками несется к тебе, несется к твоему Холму, к мирно спящему Эльфийскому Нагорью, и ты все убыстрял свой бег. Ты получил цель, получил след, след горячий и кровавый, и тебе казалось, что ты понял, наконец, почему и зачем тебя пустили в Нагорье. И корил себя, вспомни, вспомни, что послушал тогда Хельгу, когда ты впервые хотел навестить Чудесную Возлюбленную.

... Подлесок резко кончился, и ты выскочил на берег Ореховой Запруды... Название же она получила от того, что густо росший вокруг орешник, каждый год, непонятно почему, вдруг одновременно сбрасывал свои орехи в небольшой затончик у родника, который потом и нес их дальше, в Реку, в Серый Ручей, но никогда — к берегу. Лакомиться орехами не пришлось еще никому — они висели, явно еще незрелые до той поры суток, когда сюда еще можно было прийти и вернуться, а потом, враз, за несколько часов, с наступлением темноты, они созревали и градом падали в воду^[21].

... Одна мысль посетила тебя тогда, помнишь? Конечно, помнишь... Ты подумал, кто же из вас — ты, пришедший убивать сам, или же Ланон Ши, никогда не отходившая для этого от Ореховой Запруды, более опасен и кто более чужд Нагорью... И еще одно, это тоже сильно резануло по твоей душе: то, что ты так и не смог измениться, стать другим, что ты все тот же, какой и пришел сюда, совершенно такой же. И даже мелькнуло у тебя, что чем бы ни кончился твой поход в Ореховую Запруду, а точнее, что если он окажется удачным для тебя, то ты завтра же отдашь сына Старому Рори и оставишь эти места. Но эта мысль толком не успела развиться — казалось, прямо со звезд, с кристального осеннего Неба, упали на воду Ореховой Запруды, первые ноты музыки, музыки манящей, обещавшей еще больше, чем теперь, только чуть позже... Голос, который просто продолжал мягкую, глубокую свежесть и глубину осенней ночи, потек над водой... Звезды замерли, прислушиваясь, а ветерок споткнулся прямо-таки на ровной глади Запруды, и она побежала рябью. Ты понимал сейчас, прекрасно понимал погибших тут, у запруды, юнцов, которые искали такой возлюбленной; ты понимал сейчас и бардов, с которыми ты встречался на Земле Людей — они просто мечтали попасть к Ланон Ши, они искали ее, они рассказывали легенды, в которых Ланон не убивала барда, а даровала ему небывалое искусство...

И при этом ты чувствовал грусть. Нет, не ту, убивающую тебя тоску по Хельге, а простую грусть... Наверное, по тем временам, когда ты просто не смог бы устоять перед таким пением. А может, по той музыке, которую вы с Хельгой... На этом мысль оборвалась, словно кто-то плеснул тебе в лицо водой из Ореховой Запруды, заставив опомниться. Ты понял, что отрезвило тебя — музыка смолкла. То ли Ланон решила, что ты уже достаточно очарован, то ли просто не пожелала играть в этот раз — ты не знал ее обычаев, ибо никто никогда не возвращался с Ореховой Запруды, пойдя туда ночью. Это был интересный поединок, ты радовался тому напряжению, которое силилось сковать твои, привычно расслабившиеся перед ударом, мышцы, силилось охватить тебя, обмануть кажущейся в этой скованности, готовностью... Нет, ты слишком долго воевал, чтобы клюнуть на эту удочку для новичков — напряженное тело отнюдь не значит полной боевой готовности, скорее, выдает с головою начинающего. Но как же это было прекрасно, просто и бездумно стоять в небрежной позе, всем телом вбирая звуки и запахи, окружавшие тебя. Ты не видел Ланон Ши, но уже чувствовал, что ты тут не один, ты не знал ни привычек ее в бою, если она вообще сражалась, не знал, чего ей можно позволить, а чего нет, если вообще речь может идти об этом. Ты ничего не знал о том, поразит ли твой меч Ланон Ши, или в «Хрониках Эльфийского Нагорья»^[22] просто появится краткая заметка о том, как чужак Рори, оставивший Нагорье без Хельги, отца — без дочери, сына — без матери, оставил его, сына, заодно и без отца^[23]. Чтож, в череде твоих выходов, эта еще не самая плохая...

На берегу Ореховой Запруды уже не было Рори — Чужака, каким его знали эльфы Нагорья. Не было и той твари, что незадолго до этого перепугала Джуди О'Рул. На берегу стоял Рори-викинг, Рори-берсерк, Рори-Кельт, как прозвали и знали тебя в землях человеческих. Человек? Да, что-то общее... Глубокая уверенность, что ты знаешь, что и зачем тут делаешь, а также уверенность в том, что ты прав, сильно роднит тебя с людским племенем. Больше уже ничего, кроме облика и оружия... Ты не думаешь, не готовишься — ты просто замер в расслабленной позе, мерно и глубоко дыша животом и закрыв глаза — удар все равно, как наносить, главное — не успеть задуматься и, тем самым, испортить его. То есть, глазами, в этот миг уже открытыми, ты увидишь всю картину схватки, но вот ее оценка и расчет придут потом, на уровне воспоминания. А теперь пора и признаться, что

мелькала и мысль о том, что если меч не берет эту тварь, ее возьмут руки и зубы — потому что такое состояние, которое ты пока еще контролировал, легко могло обрести самостоятельность и превратить тебя в берсерка — страшный дар многих поколений предков, воинов Севера... И наверняка кельтская кровь тоже гуляла под твоей кожей... Кровь...

Она появилась прямо перед тобою, совершенно беззвучно и замерла на расстоянии верного удара. Но что-то говорило тебе, что атаковать Ланон Ши нельзя. Просто — нельзя. Пришлось снова вернуться к человеческой сути, чтобы понять, что же здесь все-таки происходит. Осталось лишь надеяться, что если это пишог Ланон Ши, а сама она что-то затевает и вовсе не обязательно, что это именно она сейчас перед тобою, то тебя, как много раз в твоей жизни, выручит необыкновенная скорость и сила, порождаемая и удесятряемая яростью.

Глубокий и очень низкий, бархатный голос Ланон Ши потек во тьме Ореховой Запруды, голос, одновременно и баюкающий и бодрящий, а еще... А еще уже бродило где-то поодаль пока, чувство, что недолго и броситься на колени перед нею и молить лишь о том, чтобы она не умолкала... А потом перед твоим внутренним взором проплыла палуба зажженного греческим огнем драккара, мелькнуло перекошенное страхом лицо кельта, выхваченное памятью из последней твоей битвы по ту сторону Нагорья... А потом и это схлынуло, и пришла она, Хельга... Хельга О'Рул, твое Рыжее в Медь Чудо. Но это... Была ли это Хельга? Или это была совсем еще юная девушка — эльф, только еще обещающая вырасти в светлый маячок Эльфийского Нагорья? Или же это была та же самая девушка-эльф, которую ты встретил раз в наступающей темени августовской ночи — пораженный сходством, ты постарался догнать ее, но она просто исчезла. А так как жизнь в Нагорье идет по своим правилам, то это отнюдь не обязательно, что ты знаешь всех, кто живет тут же и даже относиться к твоему Народу. Потому бесполезно было искать ее. И с этим ты на удивление легко примирился. Теперь же она только отрицательно покачала головой и пропала. Виденье? Пишог Ланон, окончательно заигравшейся? Предупреждение? Да, скорее... Тут ты просто и окончательно сделав выбор, сел, положив меч на колени. Само по себе такое положение немного значило для тебя: ты был в состоянии ударить и из более неудобного, но это всегда и у всех означало лишь одно — я сложил оружие, давай говорить. В этом, по крайней мере, Ланон Ши, Чудесная Возлюбленная, походила на людей — она не попыталась воспользоваться моментом, а может, просто была слишком уверена в себе.

— Если я правильно понимаю тебя, воин, то ты желал бы поговорить? — в вежливом вопросе, в искренне вежливом (ты готов поклясться в этом), прозвучала, однако и легкая ирония. — Так о чем? Ты желаешь убить меня, судя по твоему мечу, ищешь моих песен, судя по тому, что ты — Человек... кажется... Или ты ищешь новой Любви — ибо твои глаза выдают, что совсем недавно ты потерял свою Любовь...

Пусть это была насмешка, пусть это была простая вежливость — для чего было Ланон Ши, жительнице Эльфийского Нагорья делать вид, что она именно угадала, что с тобою, хотя ответ был наверняка ей известен. Пусть. Но в миг этот ты понял, что не попытаешься убить ее. Кто-то из вас уйдет с Нагорья, но она во всяком случае не будет убита. Ты поднял опущенную голову:

— Я поклялся очистить от тебя Нагорье.

— Так попробуй! — смех, мелодия падающей звезды... — Или ты уже пожелал сделать что-то другое?

— Я не хочу убивать тебя. Но я поклялся очистить Нагорье, так или иначе. Уйди сама, или же тебе придется убить меня.

— Ты думаешь, что мне это трудно? — лукавство, игра прелестного и смертельно опасного зверя.

— Да, я думаю, что теперь ты не хочешь и не сможешь убить меня. Теперь — уже нет. Да в этом и нет смысла — все предопределено, как мне кажется, — если ты убьешь меня, то думаю, никто и никогда больше не придет сюда. Если не убьешь — они перестанут тебя бояться, и ты, опять-таки, в проигрыше, потому, что потеряешь власть над ними. Не станешь же ты, в конце концов, подобно простому упырю, хорониться в сумерках у дорог? Тогда легенда о Ланон Ши, прекрасном чудовище Ореховой Запруды, больше не суждено будет очаровывать чужие души и заставляя желать гибельной близости с тобой.

Молчание... О, Хранители Нагорья... Ты чуть было не добавил, по появившейся недавно привычке, «Молчание, Рыжее в Медь»...

— А ты, разве ты, Рори, не желаешь этого? Хотя бы ты и убил меня после этого? Или погиб бы сам? Или просто ушел бы... С Нагорья ко мне...

— Я... Вижу красоту, которой блекло такое платье, как слово «неземная», я слышу голос, устояв перед которым, ты потеряешь способность замирать, сраженный чьим бы то ни было голосом. Я вижу перед собою соблазн, который не должно преодолевать, если ты человек и если ты — мужчина, даже если ты, на самом деле, всего лишь юнец с Нагорья, пришедший искать гибели... Я слышу музыку и пение, за возможность просто послушать такое любой филид отдал бы всю свою жизнь, сколько ее еще у него оставалось. Но стоит ли повторять то, что тебе наверняка более красиво и полно говорили эльфы и барды, которые добирались до тебя... Я скажу так — ты никогда не сможешь стать даже тенью того, что я потерял. Тем более, что тенью, так будет вернее.

— Она была красивее меня? — искренний вопрос искреннего ножа у глотки.

— Она была моя, мое Рыжее в Медь Чудо, мой дом, которого никогда больше не будет, она была Хельгой О'Рул, дочерью Короля Нагорья. Она... Она была моей женой и этого достаточно. Она была, есть и будет. А ты... Ты лишь краткий миг, прекрасные Врата прямо в Смерть — обыкновенная убийственная красота, что, как известно, сплошь и рядом на Земле^[24]. И это все.

— Я могла бы сказать, что и я есть, была и буду... Но ты прав, пожалуй, — добавила она после короткого молчания. — Я слишком скоро становлюсь для каждого «она была»... Не «есть», не «будет»... И ты был прав относительно твоей участи — я просто не хочу и не стану тебя убивать, человек, победивший меня, Ланон Ши, последний ужас, последнее Зло Ореховой Запруды.

— И с этим, колдун, она оставила меня. Так легко... Так просто... А когда я вернулся на свой Холм, меня встретили старики во главе со Старым Рори и нарекли «Осенняя Ночь»...

— Ты выкинул ее в Мир Людей, старый дурак, — спокойно сказал Белоглазый.

— Да, я знаю. Но я избавил от нее Нагорье... Или ее от Нагорья. А что до людей... Так они все равно, найдут себе место, где можно будет сложить столько голов, что при желании из них можно будет сделать гору. А Ланон Ши, по крайней мере, красивый путь по этой дороге...

«Рори, Рори... Ты так и не признаешь, что до сих пор порой ты не уверен в правильности своего поступка. Да, ничего не нарушилось в Нагорье от этого, но тебя тоже, как и меня, гложет вопрос, гложет до костей — не ты ли заменил ее, как противное начало?

Или же, что гораздо страшнее, для твоего Нагорья... Она Женщина, Рори. А ни одна Женщина не простит того, что ты тогда сказал ей. И, быть может, после твоей смерти она НЕ вернется в Нагорье... Да, это загадка Ланон Ши, выполненная оч-чень изящно...»

— ... ответил на твой вопрос, так ведь? — тут только заметил Белоглазый, что Рори о чем-то его спрашивает.

— Ответил... И нет, впрочем, так всегда бывает. Если в обсуждении вопроса и особенно, ответа, участвует более одного человека. Так что ты хочешь знать, Рори?

— Я? Что можно узнать от базарного фокусника, при виде которого у любого гмм... человека возникнет необоримое желание проверить, на месте ли его кошелек, и проверять это, раз за разом, пока фокусник окончательно не скроется из виду. Так что, вопрос мой прост, даже для тебя...

— И именно поэтому он оказался тебе просто не по зубам... — в тон подхватил Белоглазый.

— Кто ты, колдун? Я никак не могу понять, кто ты. Ты человек? Или... кто?

— Что, в твоём убогом bestiarii нет раздела, в который я вписываюсь?

— Нет.

Что-то говорит мне, что на человека я или не похож, по твоему мнению, или не тяну. Для эльфа и лепрекона... Я слишком не то и не это... Ладно... Не понимаю, зачем тебе это, но я отвечу — я фомор.

— Ты?! А как же...

— Одна нога, одна рука и один глаз, да, Рори? Хорошо. Ты про это знаешь, потому, что где-то слышал? Или ты сам уже пресытился зрелищем фоморов, а я, по твоему высокоученому мнению, не похож... Или ты полностью можешь поверить в то, что этот стройный, подтянутый стареющий... не первую сотню лет... ну, да ладно — так ты можешь поверить в то, что это и есть мой настоящий облик?

Рори промолчал. Отвечать было и нечего и незачем. Он не получил ответа на тот вопрос, который задал. Чтож, сам виноват. Не возомни он о себе так высоко и задай правильный вопрос...

— ... то получил бы правильный ответ — в тон мыслей Рори, закончил Белоглазый.

— Ты читаешь мысли?

— Нет, просто с годами ты так поглупел, что говоришь сам с собою вслух, — понять, издевается ли на этот раз Белоглазый, или нет, Рори так и не удалось.

— Но ты можешь попытаться еще раз, Рори. Задавай тот вопрос, который ты хочешь.

... Они были прекрасны... Они, те, кого ты повстречал тогда, в датском походе, в самом начале Осени, сухой и холодной. В самом начале смены изумрудного цвета острова, на золотой... В редколесье, которым ты шел, не было троп, но тебе ни к чему были тропы — ты прекрасно знал, куда идти, а потому шел, не задумываясь, просто упиваясь осенней прохладой, то и дело подставляя ладони под опадающие листья, или же стирая с лица прилипшую паутинку... В осеннем лесу естественно смотрится и император в пурпуре и бродяга — наемник в черном, с двуручником, лежащим на плече... Ты казался сам себе настолько к месту в этом золотом зале о многих колоннах, на этом, невероятно расточительном золотом ковре, что не сразу же понял, почему ты не идешь дальше, а, прижавшись к дереву, присматриваешься, вроде как, совсем и не в ту сторону, куда ты шел^[25]. Вжавшись в листву ты пытался как можно скорее, определить, что же встревожило тебя, пытался понять, какая опасность заставила твое тело броситься наземь, а не просто

развернуться лицом... Это должно было быть что-то, поистине, грозное, если тело повело себя так. Что-то грозное и, наверняка, многочисленное. Что-то или... И тут они вынырнули, казалось, прямо из прозрачного воздуха. Ряд за рядом они выезжали, казалось, ниоткуда — колонна всадников, на вороных, как смоль, конях, на конях, могучих, с тонкими, точеными ногами и широкими грудями, на конях, гордо избочивших свои головы, с нестерпимо сиявшими полосками металлических стрел, лежащих вдоль морд, для предохранения лошадиной морды от удара сверху, в наборных того же металла, кирасах, прикрывающих грудь. Но не брюхо, ни крупы коней не прикрывало ничего, кроме роскошных, темно-зеленых, попон. А всадники... Не было в этой колонне той однородности, того, кажется, уже и внешнего сходства, которое всегда лежит на собравшихся в ряды... Казалось, великие герои прошлого, само собою, что прошлого — наш убогий век уже не имеет таких! — сошлись вместе, для каких-то своих, никому не ведомых, но не ставших от этого менее великими, дел. Это не была Дикая Охота — Солнце начинало лишь только клониться ко сну. Это не был и пишог, ты чуял это кожей, так же, как твое обоняние безошибочно давало тебе понять — это не призраки — пахло кожей и железом, курился легкий пар над мокрыми боками коней, видно было, что путь их лежал издалека... Ты понимал, что глупо умирать лежа, как змея в траве, — умирать, если уж придется, ты хотел в драке, хотя явственно чуял — ты не противник никому, ни одному из этих воителей древних времен, чудом собравшихся вместе и спешащих куда-то. Ты встал.

Ни один из всадников не остановился, ни один не выехал из колонны, чтобы подъехать к тебе. Тебя увидели, на тебя смотрели — но смотрели взглядом, даже не равнодушным, а скорее, взглядом, уже привыкшим к разочарованию, но все же разочарованному в несчетный раз снова...

По трое в ряд, в длинных, ниже колен, кольчугах, с серебряными обручами на головах, в накинутых поверх плеч темно-зеленых же, плащах, мимо тебя проезжала Сила, многократно превосходившая твою, такая, какой тебе не доводилось до сих пор встречать... Длинные, тяжелые мечи качались у ног, поверх закрепленных на конских боках, щитов. Тяжелые копья, с окованными железом древками, стояли нижним концом в нарочно для этого сделанных у стремени, выемках, а посередине копья придерживали левые руки, в кольчужных перчатках... Что — то не вписывалось в картину, вначале ты никак не мог понять, что именно — а потом понял — ни у одного из всадников не было сумок или же узлов — ничего, кроме всадника, доспехов и оружия коням не приходилось нести... Обоза за наконец-то прекратившей появляться колонной никакого не было вовсе и оставалось лишь думать, что эти воины в коротком переходе.

Понимаешь, Белоглазый, я понял, что драки не будет, но и разговора тоже не получится... Что-то противилось во мне такому развороту событий — я имею в виду, что я бы продолжал свою дорогу, а они бы — свою... И я вышел прямо перед колонной на дорогу, как только первые ряды поравнялись со мной. И знаешь, колдун — колонна замерла. А я же воспринял это, как должное — так же, как воспринял бы удар копьем в грудь, так же, как и то, если бы они расступились и обтекли бы странного путника, который путается под ногами у всадников, так же, как и тому, что если бы они исчезли, а в золотом лесу раздался бы хохот какого-нибудь игривого сида, который сыграл красивую шутку... Но они встали, они замерли разом, как один человек. И было тихо, колдун, только слышалось такое мирное всхрапывание коней.

И тут наши взгляды пересеклись — и я, я, Белоглазый я отшатнулся — ты можешь

представить себе это, колдун? Я, наемник, самый жестокий меч берега, как меня звали, я отшатнулся — у них были одинаковые, совершенно одинаково смотрящие глаза... И ими, этими глазами, смотрела на меня Тоска, принявшая облик колонны всадников — древних воителей... Тоска вороньего грая над вечерними полями, далекий, трубный клич журавля осенью... Песня лебедя, та, которую он поет раз в жизни, уходя, звучала бы здесь привычным напевом... Глаза отца, лишившегося дочери и мужа, потерявшего любимую жену из-за дурацкого каприза Судьбы — вот что это было, тоска по Миру в нескончаемой Войне, Война, в которой все знают, что потерпят поражение, но вынуждены ее начать... Что еще? Осенняя улыбка Неба, дождящего золотыми листьями... Тоска, которая давно уже выела душу, тоска ночного раздумья над тем, что уже не удастся исправить, тоска по неведомому прошлому, которое тебе откуда-то ведомо... Тоска, которая... Но еще, вместе с тоской, которая делала совершенно невыносимой саму мысль о том, что с этим, раз увиденным, придется жить еще хотя бы один день, вместе с тоской глазами этих воинов смотрела та надежда, которой никому не возбраняется надеяться — надежда тоски, надежда отчаяния... И тут я понял, что у них найдется конь и для меня, что я смогу так же, когда-нибудь, посмотреть из этой прекрасной, отчаянной тоски на какого-нибудь лесного бродягу — о, колдун — как же ничтожна показалась мне моя цель — корона датчан... Но мы, я и эти всадники понимали, что рано мне еще менять свою дорогу на их... И от этого становилось легче... Но, одновременно с этим я был уверен, что теряю надежду когда-нибудь обрести ту цель, которую преследовала эти воины... Неведомую никому из смертных, а они не были смертными, я уверен, что слухи о той битве или битвах, где они побывали, доходят до людей лишь в образе песен бардов и скальдов, неведомую, но великую... Я сошел с тропы...

Тут зал Окоема вздрогнул, словно пробуждаясь, потом же просто встал на дыбы — витражное окно оказалось у Рори над головой, а факелы посыпались со стен. Одновременно с этим раздался страшный, таранный удар где-то далеко-далеко внизу...

— К тебе ходят странные, но вежливые гости, колдун! Они стучатся, хоть может, что и немного более рьяно, чем надо!

Колдун, оказавшийся у стены рядом с Рори — оба лежали на стене, ставшей полом, вдруг, как клещами, вцепился в руку Рори, казалось, что он вознамерился показать, что сила его столь же велика, как у самого Рори, но он выкрикнул несколько странных, незнакомых Рори слов, а затем зал вновь тряхнуло и он встал, как и был. Пол зала треснул пополам и в образовавшуюся трещину колдун прыгнул сам, прихватив Рори с собою. Не было на свете человека, да и нечеловека, который мог бы что-то заставить делать Рори, не объясняя, зачем, но тут... Прыгая вслед за Белоглазым в щель, Рори убедился в правильности поступка, так как Белоглазый — грохот вновь возобновился — крикнул ему на ухо: «Сюда может постучаться лишь один гость, старик — это судьба. И пришла она не ко мне!»

... Проклятый туман... Космы, потоки, валы тумана... Царство тумана. Овраги и ущелья тумана, долины и поля тумана. Герцог Дорога в царстве тумана. Не видно ничего ни перед собой, ни сзади, ни по бокам. Ни неба, не земли. Еще и глухо. Да что там — по сторонам не видно — вытяни руку и увидишь ее только до локтя. Дальше она пропадает в киселе тумана, и нет охоты вытягивать руки за пределы видимого — что-то подспудное, то ли из детства, где страшно высунуть руку из-под одеяла, когда мать уже убрала свет, то ли из тайников памяти моих предков — когда невидимое — всегда опасность.

Чтож, они не так уж неправы. Тут опасен и туман, и то, что в тумане. Потому, что я понятия не имею, что там. Когда встает мой конь, я засыпаю. Сказать, что я заблудился несколько неверно, так как я даже не ищу дорогу. Слепота и глушь. Мне кажется, что я двигаюсь на запад. Что происходит на самом деле — понятия не имею. Делаю вид — чтоб не завить от безнадежности — что полагаюсь на конское чутье. Кони у Вейа умные, а этот, насколько мне известно, бывал в Замке Совы. «Замок Совы, Замок Совы, Замок Совы», — повторяю я вслух, прячась от самого себя — уговариваю коня идти туда, куда мне надо.

Не знаю, где я. Не знаю, где преследующие меня оборотни. Не знаю, где Шингхо. Не знаю, что творится в моих землях, могу догадываться, и догадки мои верны — меня несет куда-то, не совсем туда, а на земле герцога Дороги творится кровавая забава оборотней, развязанных толстопалой рукой идиота Хелла.

Правда, я знаю, день или ночь. Так как ночами этот туман становится просто ужасен — непроглядный мрак — это мягко сказано. «Глаз коли» — иногда мне кажется, что эту поговорку придумал кто-то в таком же положении, озверев от безысходности и выколов себе глаза.

Беспокоят ли меня оборотни? Нет, не беспокоят, так как мы потеряли друг друга. Последний раз я видел их с обрыва в скалах, неподалеку от сгоревшего замка Вейа, где я крикнул в долину, увидев этих быстрых и неумолимых загонщиков — я был высоко над ними, и ненависть крикнула вместо меня: «Оставьте меня в покое и не преследуйте больше, а не то я возненавижу весь без исключения песий род!» Истовый, жаждущий лишь добраться до горла, родившего эти слова, вой раздался в ответ мне. После чего я стегнул коня и ускакал по тропинкам, ведущим со скал к Синелесью, и оторвался от них — конь герцога Вейа мог поспорить скоростью с любым заморским конем из жарких пустынь, а выносливость его делала ненужным езду о двуконь.

Где-то на подходах к Синелесью я был застигнут ночью, а проснувшись, нашел себя в вареве тумана. Сначала я ждал, что он пропадет, потом боялся, что он заглушит приближающуюся погоню — эта мысль заставила меня тронуть коня, а потом тревожился еще из-за того, что запросто могу ехать в обратном направлении — не к Синелесью, а прямо к своим преследователям, а то и к развалинам замка Вейа. Потом мне стало просто на все наплевать. Душа была... Душа была еще жива. О том же, что в ней происходило, лучше бы умолчать. Может, потом...

Туман. Озера, болота, ручьи и реки тумана. Родники, бьющие туманом. Море тумана. Океан. Небо тумана. Ему нет ни конца, ни края — как нет в нем ни отчаяния, ни надежды. Я еду к Синелесью, туман ли едет к Синелесью, пропало ли Синелесье в тумане, а я понемногу приближаюсь к Северным Топям — все может стать.

... Если это водит леший, или кто-то пустил мне вдогонку уводна, то одеждой мне меняться не с кем. Коню мои вещи будут не впору, а меланхолично рысящий по лесам голый мужик — взнузданный и при седле с чепраком на спине — может вызвать нездоровое внимание тех, кому он попадется.

Если это уводна, посланная кем-то, то кем-то невероятно сильным. Я не помнил даже случая, чтобы ман играл с человеком сам несколько суток кряду. Меня явно куда-то гонят, в таком случае. Холодная игла воспоминания о том, кто служит Хелла Советующим, колет меня прямо под сердце. Чудовищная несправедливость — лишит меня дома смешивается с детской обидой на беззащитность свою в случае чар и издевок остервеневшего от насилия мана. Я жую кожаный ворот плаща, мокро скрипящего, чтобы мой вой не разносился по лесу. Я в лесу — вдруг понимаю я. Синелесье? Или все-таки?...

— Дорога-а-а-а!

Вот тебе и раз. Кто-то тоже заплутал, а теперь созывает остальных, найдя дорогу? Рука сама ложится на рукоять «Крыла Полуночи». Здесь нет надежды. Здесь нет веры в добро. Сторевший замок Вейа вновь вернул к жизни лютую игру, из которой я уже было надеялся, что выскочил — «Дорога, ищущий дом». Смешная игра...

— Дорога-а-а-а-а! — низкий, хриплый, горловой голос. Женский.

Дорога?

— Герцог Дорога! — и полог тумана вдруг резко соскакивает с поднебесных колец, к которым он был, без сомнения, пристегнут все это время — так как неба я не видел эти дни тоже — прямо передо мной и падает к ногам коня мягкой, бесшумной грудой полотнища, а потом испуганно, со скоростью сдуваемого ураганом дыма, откатывается сразу во все стороны под лапы стоящих стеной темно-фиолетовых елей. Я на поляне. Большая, широкая, светлая закатным светом, поляна, могучие, невероятные ели вокруг — такие я видел лишь один раз в жизни — и тоже в Синелесье, когда только пришел в этот, лучший из миров. Ствол каждой ели потребовал бы усилий пяти-семи взрослых мужчин — если бы кто-то решился осчастливить ствол объятиями. Лапы елей — чудовищные, огромные лапы — почти лежат на земле. Тропинки между ними нет. Как я прошел меж них, не задев ни иголки — не знаю.

Частокол — высокая городьба, распахнутые ворота. Сделано добротное, жестко — навеки. На поколения. На рода. На городьбу пошли бревна толщиной в тело взрослого человека. На сруб (а за частоколом на земле, на четырех каменных конях-бульжниках под углами, стоит сруб с узким окном, глядящим на меня) тоже. Бревна его увязаны в лапу. Новгородская кривая надежная лапа. Сруб черен от прожитых лет, от прилипшей за тысячи ночей темноты, от дождей и снегов, ночевавших на его стенах и скатах крыши. Мох вольно растет по бревнам сруба, и непонятно, где им заткнуты щели в исполинских бревнах, а где он давно полноправный хозяин. Усадьба. Заимка. Печище малое. Ни медвежьего черепа на городьбе — для охального лешего, ни лошадиного — для утихомиривания домового, нет и в помине. Тут не боятся ни того, ни другого. Окно, о котором я упомянул, наводит на невеселые размышления — это не совсем окно, скорее, бойница. Но одна. Как ее ухитрились прорезать в этом бревне — не представляю. Изба топиться по-черному, трубы нет. Скаты крыши почти касаются кустов бузины, растущих возле стен избы. Во дворе — возле избы, тут нет крытого двора, хозяева не держат скотины — стоит колодец.

Лошадиного и медвежьего черепов нет. А вот человеческие — есть. Дюжина белых крепких с виду шаров приветили гостя улыбкой с высоты кольев тына.

А вот и та, чей голос легко прорезал туман, окликая меня — теперь в этом нет сомнения. Дороги тут нет. Тропы тоже. От ворот стеной стоит непримятая трава. Она звала меня. Это ее голос прорезал маету тумана и это ее голос заставил меня похолодеть и почему-то подумать, что так гортанно рычат, играют звериным горлом, только очень горячие бабы.

Она. Прямые, не подворачивающиеся даже на самых кончиках, волосы — густая, смоляная лава волос доходит до середины узких, но резко очерченных бедер. На ней легкой, но плотной ткани летник, обута она или нет я не вижу — трава мешает. Но зато летник ничуть не мешает разглядеть небольшую, но крепкую, остроносую даже сквозь мягкую темно-зеленую ткань, грудь, узкую талию и довольно полные, ощутимо сильные ноги. Она очень белокожа, почти молочно-бела, узколица, острые, высокие скулы, красные, как накусанные со зла, полные, твердого рисунка, губы, длинная, стройная, гибкая шея, на лбу поток волос сдерживает повязка, сплетенная из темно-зеленых кожаных ремешков, звериного изгиба брови — над переносицей сросшиеся, кажется, вот-вот сломаются скорбным домиком, а потом плавная дуга, и четко, черными, густыми стрелами, уходят к вискам. Тонкий прямой нос с удивительно хищно, по-птичьему, вырезанными ноздрями. Длинные, очень длинные ресницы. Синеватые тени притулились невидимо под глазами. И глаза. Четкий миндаль разреза, чуть вверх в уголках. Тьма, ночь и молоко белка. Зрачок утонул в радужке. Глаза убийцы, глянувшие на тебя из-под капюшона.

— Доброго дня, герцог, — голос не приветлив. Ровен. Хрипотца никуда не делась, так она говорит, а не сорвала горло, кричавши непутевого герцога Вейя.

— Доброго и тебе. Я вижу, что нет нужды тебе говорить, кто я. Тогда, должно быть, знаешь ты и то, что я мог стать опасным гостем, красавица. — я говорю ей красавица, потому, что так принято. А еще потому, что это правда. — За мной погоня. Обратни Северных Топей — я потерял их в тумане, но думаю, они скоро меня найдут.

— Х-ха! — горловой, торжествующий смешок. — Я бы хотела видеть хоть человека, хоть оборотня, хоть любого другого нежитя, который найдет тебя здесь. А еще сильнее хотела бы видеть, как кто-то потревожит тебя здесь, даже если совладеет с поиском, герцог Дорога. Сейчас — сейчас — я разрешаю тебе не верить мне и думать, что я сама — из их числа и просто заманивала тебя. Пусть пока ты будешь думать так. Раннее доверие способно убить все так же быстро, как и полное неверие.

Я молчу. Что можно сказать хозяйке такого дома? О хозяине речь не идет. Его просто нет. Хозяйка тут она. Я знаю.

— Сойди с коня, Дорога, — голос ее проходит словно сквозь тебя: кажется, слова те же самые, но они что-то задевают внутри, оседают, держат душу в напряжении. В ожидании? Да, это не боль, не страх, не ярость — три кита души человека, которые плавают ближе всего к поверхности и охотнее всего всплывают...

Тяжело спрыгиваю с коня. Беру за повод.

— Я отведу коня, Дорога, — низкий рокот ее голоса встряхивает, усыпляет. Врачуя? А там еще есть, что врачевать?

— Коня? Моего? Стоит ли? — говорю просто так. Потому, что мне, кажется, все-таки не хочется, чтобы у нее прибавилось забот.

Вид коня говорит, что не стоит дело того: боевой конь недоверчив к чужим, а сейчас он просто-таки ощутимо напрягся, пробегают волны мышц по его крутой шее, он присаживает на задние, губа вздернута — Бурун вполне способен повалить незнакомого человека на землю и растоптать, раздавить подкованными копытами, да и кусается он охотно.

Она просто и молча сильно, шлепком бьет коня по морде, еще раз и еще раз — прямо по губам. Бурун всхрапнул и стих — незнакомка взяла его повод и что-то словно приговорила коню на ухо — и как договор заключили! Конь ушел за нею безропотно, не оглядываясь, не фыркая, не боца голову, как он всегда делал, ведомый в знакомое стойло знакомым конюшим. Покорившись.

А я стою в воротах. Как раз — прямо под верхней балкой. Ни туда, ни сюда. Чего я жду? Что черноволосая, вернувшись, надает и мне по губам и ответит, под герцогскую цепь, куда ей надо? Что-то просто-таки скулит внутри: «Не входи!». Что-то скулит. Так скулят умирая. Осторожность, оставшаяся еще от того, покинутого мира. Я чувствую что-то неладное. Что-то неясное пока, но явное, но почти осязаемое... И дело тут не в черепках на тыну — вернее, не только в них.

Я могу уйти. У меня еще хватит сил перебороть усталость и идти все дальше и дальше. Тем более, что тумана больше нет. Он так и не совладал с собой и больше не поднялся из-под еловый лап.

Я могу свистнуть коня — он приучен к свисту хозяина, придет, только если не привязан. Что-то говорит мне, что непривязан. Но не придет — от такой, как хозяйка заимки, не уходят просто так. Коня уже увели. Меня еще нет. Сходить за Буруном, если надумаю уходить? Нет. Если я ступлю на землю за огорожей, пути назад уже не будет — или он будет не таким, каким я могу себе представить. Закрываю глаза. Коня жаль, но, коли по чести — не более жалко, чем себя. Просто шаг назад — и, отвернувшись, идти под лапы елей — не оборачиваясь.

Я уже чувствую, как напряжется все, как подведет внутри, когда я пойду к елям — в ожидании окрика хозяйки, ее гнева, ее обиды ли? Как буду спешить, вором, татем, уходящим с площади, где он только что облегчил чью-то мощну и отходит, не дожидаясь хозяйской благодарности. Опасливо. Втянув голову. Страшась, проще говоря. Смотрю в небо — обычные, самые обычные сумерки — смеркается. А не варишься в киселе тумана, чтоб ему... До ночи даже без коня я буду далеко от этой заимки. Чтобы не говорил мне рассудок — та, что прогнала туман, не повышая голоса, любую тропу, а уж тем более, бездорожье, выведет к своим воротам. Или туман упадет, как только я ступлю назад — из ворот? Или лешего тут не стараются напугать медвежьей головой, оттого, что он тут просто-напросто, свой, а?

Ни троп, ни тропинок, ни скота на дворе — ничего. Может, конечно, мне просто не видно, что там у черноволосой за домом...

Всё, все здесь — и хозяйка, и ее изба, и ее двор, и ее — убежденность приходит сама — да, ее — лес, — словно ночь, словно черная вода неожиданного ночного озера, в которое так и подмывает кинуться, — просто так, молча, прямо с берега, зная, что дна там нет — и никогда не было. Все равно. Надо уходить. Надо. Надо? Кому?

Меня отпустят? Рассмеются в спину — как над глупой скотиной, отворачивающей от стойла? Надо уходить?

И я делаю шаг. Вперед. На двор.

Это очень просто. Потому, что я уже ушел так далеко, как только можно — герцог Дорога ушел из сгоревшего дома. Своего единственного, первого и последнего дома в этом — лучшем из миров.

Мне тяжело идти — сказывается усталость дней в седле. Мне тяжело думать и гадать — сказывается... Все, сказал. Сказалось.

... И я тяжело повалился, навзничь, не думая и даже не стараясь выставить руки.

Прямой, как падающая сосна. Почему-то я был уверен, что упаду в тот туман, который скрылся под лапами величественных елей. Как в короб с пухом. И задохнусь, быть может, — задохнусь, не ушибившись. Но я просто упал в росистую траву. А потом еще глубже — в черную, кинувшуюся на меня со всех сторон, ночь.

Черно-серое небо. Катится рассвет? Я подношу руку к глазам, ее можно разглядеть.

Я лежу на спине. В одних портах. Ноги покрыты тяжелым мехом — пальцы другой руки дергают длинную шерсть — медведь. Вытянув руку перед собой, я ничего не нащупал. Пошарив по бокам понимаю — подо мной полок. Упавшая с меня шкура и разбудила меня. Пусто. На душе пусто. Миг — и все. Пустота ушла. Где я? Где мой меч? Я не пленник, думаю — слишком хорошо для обращения с пленником. Хорошо? Накаркаешь, герцог — может это так, лишь для начала? Все ведь зависит от глубины ненависти пленившего. И от нужды в тебе — прибавляет рассудок. И я резко сел, подтянув под себя ноги. Голова весело пошла круговую, и я чуть не сверзился с полка. Зажмурясь, переждал хоровод. Я открыл глаза — то ли привык к темноте, то ли стало посветлее — передо мной стена. Спускаю ноги на пол и разворачиваюсь в другую сторону. Почти темно — но видно. Четыре стены. Дверь. Южная стена почти полностью занята печью, к ней прислонились устало ухват и кочерга. Несмотря на глубокую ночь, — я понимаю, что вокруг ночь, в печи рдеет жар углей. Где-то со двора всхрапывает Бурун. На сундуке — слева от впазны — лежит моя броня, сверху на ней «Крыло Полуночи», мои палки лежат тут же, с ним по соседству, рядом с сундуком стоят сапоги, на печи висит моя рубаха и плащ, рядом — поддоспешник. Сушатся.

Посреди горницы стол, подле него — лавка. На нем — горшок с деревянной крышкой, миски, две берестяных стопы и два или три горшка. Что в них, я не знаю.

Посередине каждой из трех стен, не загороженных печью, словно висит равноугольная, продолговатая, черная, как смоль полоска ткани, чуть присыпанная серебряными блестками. Не сразу понимаешь, что это окна — узкие, бойничные окна. Это просто, когда поймешь — уже не понимаешь, над чем глаза ломал. Это просто ночь просится, втискивается в избу — суля в оплату серебро.

Она. Хозяйка. Я прекрасно помню, где я. Прекрасно помню, как я упал у ворот. Значит, сюда она дотащила меня сама. И пусть. Как ей удалось проволочь по двору окольчуженного, пусть и «не блистающего телесной мощью», но все же взрослого мужчину, который сам потянет на четыре пуда с половиной, непонятно, и понимать я это попросту не хочу. Не оставили валяться на дворе — и хорошо. Что-то уверенно говорит мне, что этот подвиг ей более, чем просто по плечу. Переправила, одним словом. Переместила. На место. На чье? Полк в горнице один — я занял ее постель.

Она. Хозяйка. В одной длинной, тонкой, льняной исподнице. Руки обнажены до плеча. На левой руке, повыше локтя — золотой — это видно — браслет. Я встаю и молча иду к хозяйке, сам пока не зная толком, что делать — властно отстранить и выйти во двор, заботясь о коне, бить ей земной поклон, касаясь пальцами чисто метеного пола, просто...

Просто встать перед ней. Она ниже меня ростом, примерно на полголовы. Но ее голова посажена столь горделиво, что кажется — ты заглядываешь ей в лицо снизу. За ее спиной у стены я увидел то, что не сразу разглядел: застывший у стены лук, длинный, не охотника — воина, и боевая коса — с сыромятной, прошитой черной нитью, лямкою, прикрепленной к древку — по ее длине становится понятно, что это ее коса — как раз ей за спиной носить. Но это не женская игрушка — толщина древка, тяжелые, железные кольца вокруг древка, к острию ближе и само жало косы ясно говорят — это опасное оружие воителя, который не

понаслышке знает, как с ним управляться. Кольца и веревка, обмотанная под лезвием косы — чтобы кровь не стекала под ладони при долгой работе. Веревка темная. Очень темная. Древко косы снизу кончается острым наконечником, сейчас ткнувшимся в пол.

— Мое имя Дорога, — говорю я. — Я герцог майората Вейа. Мой дом сожгли пятого дня. За мной по пятам идут оборотни Хелла. Я иду в замок Совы. На запад. Третьего дня я попал в туман.

— Да... Туман... Но разве попал ты в него третьего дня, Дорога? — какая река обезголосела, отдав тебе свой рокот? Низкий, тяжелого, дорогого бархата, голос. Низкий, низкий, очень низкий, ниже моего, горловой, журчащий, сбивающий с...

— Ты живешь здесь одна. Ты не боишься ни Синелесья, ни меня, ни оборотней — ты обещала мне покой, — в моих словах уверенность. В моей душе страшная горечь. Это слова не герцога. Это слова ребенка, мальчишки. «Ты обещала мне...» Плевать. Она обещала. В ответ я должен быть хотя бы собой. — И ты — не человек.

Произнеся «И ты — не человек», я смотрю ей прямо в глаза. Какая-то из зимних ночей теперь светла, как день — отдав им свою черноту и свое убийственное мерцание — мерцание заснеженной, бескрайней, безжизненной, полуночной равнины перед пешим путником.

— Ты измучился, Дорога. Ты спал весь день и ночь и еще день. Я согрела воды. В печи. Иди в печь, Дорога, герцог Вейа. От тебя слишком пахнет усталю и тоской вынужденного пути.

Все это можно сказать проще: «От тебя пахнет кровью». Ты понимаешь, что этот запах ей не внове. «От тебя пахнет потом» — и что? И не только твоим. Но она живет в лесу и она охотница — этот запах тоже должен быть ей знаком. «Ты просто повернись спиной, Дорога... И все кончится на полу этой избы. Или в угольях печи, куда ты упадешь вперед лицом, — ни на миг не заботясь о том, что надо сберечь глаза — потому, что мертвым не нужны глаза, Дорога. Тринадцатый гость темной избы».

Я повернулся к ней спиной и шагнул в печь.

Обыкновенная болтушка и горячая, неведомая смесь трав, пахнувшая вечером и грустью, в глиняной кружке с серебряным дном-подставкой — вот что было на ужин. Или завтрак?

— Ты Дорога. Я вижу, что вся твоя жизнь — до этого Мира — Дорога с неверными поворотами и чужой крышей над головой.

— Да. Я знаю, — а что я могу сказать?! Да, ты права, как же потаскала меня жизнь, как же я устал, изнемог, как же ревностно я любил родовой Замок Вейа, как же я несчастен! Да мало ли слюней можно намотать на кулак — если есть свободный кулак и немного времени! Все куда проще — я знаю. «Да. Я знаю. А теперь и ты знаешь. Или уверилась».

— Это был твой туман? — лавка у стола одна, мы сидим рядом. Я облокотился о стол, развалясь — привычке этой столько же лет, сколько я себя помню за столами, — словно в спине нет костей, и я ищу опоры. Она сидит рядом, сцепив кисти рук, положив их на стол. Она сидит ко мне левым боком, ее жуткие, воюющие глаза устремлены перед собой. Браслет под ее плечом — девять змей, сплетенных в жгут и жадно жующих свои хвосты. Я всматриваюсь, всматриваюсь, сплетение змей оживает, белая кожа под ними становится плотно улежавшимся снегом, змеи негромко шипят — от боли? От страсти? Я понимаю, что змеи кусают не свои хвосты. Хвосты соседок. А чем они хуже людей? Чешуйки их шкур шевелятся, скрывая движение мышц. Пряным тянет от жгута змей, пряным и последним — осталось лишь наклониться поближе и... И тут ее ледяная ладонь ложится мне на лоб,

закрыв глаза. На ее ладони нет каменных бугорков мозолей, которых можно было ожидать, увидев косу и лук. Но кожа на ее ладони жестка. Я сижу и не шевелюсь. Почти не дыша. Дыша лишь верхушкой груди. Ладонь пахнет полынью. Растертой на руках — с наслаждением убитой в ладонях свежей, поседелой полынью. Полынья. Хлещущий, враз пьянящий запах, медовая горечь.

— Ты Дорога. Ты часто идешь туда, куда поворачивает небосвод, куда идут звезды, оторвавшиеся от матки-Луны, куда поворачивает земля, туда, откуда прибегает лихой ветер. Ты попадаешь в мертвые зыбуны. Ты попадаешь в пожар. Ты попадаешь в снег, грязь, ярость и боль — ты легко попадаешь в ярость и щедро отмеряешь боль тем, кто хочет удержать Дорогу. А потом...

Глотка моя дрожит. Я хочу сказать, что я не уйду от ее руки до утра. До утра. До ночи. До смерти. Судорога комкает губы, и я говорю: «Ты не человек. Ты нежить. Незнать». И, крепко сжав ее запястье, снимая руку со лба. Молчание ночи. Миг. Играет падающими угольками лучины светца тень блазня.

Отпускаю руку. Так надо. Мне. Точнее, так — так надо мне. Сейчас.

— Ты Дорога. Герцог, нашедший свой Дом, свой путь. А теперь ты попал в туман. Что ты будешь делать в Замке Сова? Собирать войско? Куда ты поведешь его, Дорога? На оборотней Радмарта? Это не Радмарт лишил тебя твоего Дома, Дорога. Не глупец Хелла Север идет своим путем, а Запад сейчас оказался на его тропе. Он стопчет его, как ты топчешь, не заметив, муравейник. Ты хочешь удержать Север на его Топях, Дорога? Хочешь этого? Или ты хочешь отомстить? Вернуться домой?

— Я герцог Дорога. Я тону в тумане. А еще я понимаю, что ты права. И это скверно. Потому, что туман — это пограничье, и рассеялся он только тогда, когда я вошел в родовой замок майората Вейа. Я не могу век свой провести на границе. На границах. Не могу и не хочу. А теперь ты снова кидаешь меня в туман — как щепку в половодье. Но это твой туман. Ты властна его поднять и убрать. А я волен пройти его и выйти на свою путину. Последнюю. Потому...

— Потому, что герцог Дорога больше не хочет покидать свой дом. Потому, что родовая ненависть Вейа удушит тебя, если не найдет выхода. Потому, что ты последний Вейа в этом мире. И не только в этом.

— А ты?

— Я?

— А ты? Ты вольна дать мне дом? Мой новый дом, откуда уже никто и никогда... — что я говорю? Чем я горю? Просить защищенного дома у нежити. Положим, это не в первый раз — я искал свой дом не у людей, х-ха, но эта ночь, смотрящая из-под длинных, злых ресниц, разве в ее тьме есть дома для заблудших герцогов?

Блазень обжегся — тень судорожно роняет уголек на пол. На деревянные доски — мимо лохани с водой. Голова хозяйки поворачивается в сторону оплошавшего блазня — и на пол, вместо уголька, падает льдинка, подскакивает, сверкает тысячами граней и падает на доски. Тает и растекается лужицей. Это так. Просто так. Это вообще ничего не значит. Просто она умеет — так.

— Ты просто умеешь так. Так же просто, как ночь поселилась под твоими ресницами. Так же просто, как ворожат мертвые золотые змеи на твоём плече. Ты просто не умеешь иначе. И не должна — по-другому.

Ладони хозяйки припали плотно к щекам, поползли вверх, пальцы утонули в черных

потоках волос, падающих теперь почти до пола. А лицо ее смотрит в потолок. В прорезанную дыру. И тут я понимаю, что она сейчас...

И она негромко воеет. Это не плач. Это не стон. Это не злая тоска волка по зиме. Это — настоящее. Это больно. Ей тоже бывает больно?

Ее кулак камнем падает на столешницу — костяшками на край.

Она душит этот вой — небрежно душит, лишь судорога пробежала по ее рукам и плечам.

— Не надо. Что худого в том, что тебе больно от себя? — это спросил я. Герцог майората Вейа.

— На полдня пути от моей избы — смерть!

— Кто ты? — я должен это спросить. Я хочу это знать. Еще я хочу, чтобы что-то решилось, наконец, в этой избе. Между хозяйкой городьбы с дюжиной черепов и мной — беглецом. Но хочу я лишь одного — слышать ее голос. Опоила? Обаянница? Ланон Ши?

— Я стражница. Я стражница Пограничья. Это был мой туман. Ты, во второй уже раз подошел слишком близко к грани — и я должна была тебя убить.

Я слушаю ее, и от низкого рокота ее голоса, от реки и перекаатов, от горлового клекота на камнях...

— Ибо каждому свой черед. Каждому — свой переход. Тебе прямой, а кому-то прямее. Прямо к бабке. Прямо к Морене. Я стражница. Мое имя — Ягая. Я убиваю. Чужим пройти не даю. Не прошу и не дарю. А ты попал в верное место, когда шел сюда в первый раз — прямо на переход. А теперь ты снова пришел ко мне — на полдня пути. Но я не могу убить тебя. Ты не идешь на переход, а ты плутаешь по туману. Это не запрещено. Это можно. Это мой туман. Я три дня прятала тебя от Синелесья. От Кромки, к переходу через которую ты снова подошел. От себя.

Мне больше нечего сказать. Кривая улыбка комкает ее губы — я вижу это, хотя она по-прежнему сидит ко мне левым боком.

— От себя ли прятать, — она встает и идет. К стене, где стоит коса? К печи? К влазне. Дверь тяжело вздыхает, выпуская хозяйку в ночь. Я остаюсь сидеть за столом. Я, кажется, понимаю, что сейчас может решиться моя судьба. Что именно в этот миг за черными, грозowymi облаками ее глаз может прозвучать короткое: «Смерть ему». Вот так. Негромко и просто.

Я дам ей еще один миг — если она не вернется ровно через миг — я выскочу следом. Прямо в ночное Синелесье.

Она вернулась, пахнуло от дверей холодом полуночных волн мха, хвоей, свежей ночью...

Шея сейчас хрустнет от напряжения. Не могу заставить себя не смотреть на нее. Первый, любой, самый глупый вопрос — лишь бы ответ. Лишь бы низкий, хрипловатый голос. Лишь бы глаза в глаза.

Я молчу и смотрю на стол перед собой. Пальцы тихо приплясывают на скобленных его досках. Вторая рука висит вдоль тела.

Темная река голоса. Немые, кипящие смолой глаза — без зрачка. Черные, неведомые, убийственные омуты слов, в которых может утонуть сердце.

Пусть.

— Да. Вот потому. Вот потому — от себя, стражницы. И потому, что только ты можешь хотеть чего-то так, как не хотят ни люди, ни нежити.

Пусть. На самом дне — в скальном, бездонного во тьме своей, разлома, до краев наполненного черною водой жизни в этом лучшем из миров, оно наверняка встретится с ее сердцем.

Так в лютой, обломавшей мечи, сече, хватают на руки врага — чтобы с маху хребтом о выставленное колено. Чтобы сразу насмерть. Так ты подхватил на руки ее — стражницу. Ягую. Она обжигает голые руки жаром своей снеговой кожи — леденящим жаром, жаром до озноба, в дрожь, а руки ее, тут же, гадюками обвившиеся вокруг твоей шеи, кажется, равны по силе твоим — так жадно и властно потянула она твою голову к себе. К оскаленным, белым зубам. К жестко очерченным губам — словно накусанным со зла. К мрачным, кипящим варом, колодезям глаз под длинными, жестокими ресницами. Чернота полыхнула на миг и исчезла.

Где-то неизмеримо далеко, наплевав на все, шел к концу 2006 год — люди умирали, старились, любили, жили и рождались.

Утро, как известно, мудренее вечера. Да, должно быть. Но утро не настало — я проснулся вечером, когда Солнце уже садилось. В горнице я был один. Ягая исчезла — я не помнил, когда она ушла. Ее коса и лук исчезли вместе с ней.

Задавать себе обязательного вопроса — не привиделось ли мне все это, я не стал. Горела исцарапанная спина и грудь, и болели накусанные стражницей губы. Бешенство. Страстью это назвать, пожалуй, не получится. От страсти наутро хочется уйти, как можно скорее. А я никуда не хочу от нее уходить. Она же ушла. Ничего. Так надо. Иногда кроме «я хочу» есть и «так надо». Да и зачем вообще это как-то называть? По привычке...

На дворе темнело. Я встал с полка, натянул просохшую рубаху и сапоги и, пригнувшись, нырнул во влазню. Первый, кого я увидел, был Бурун, вольно стоявший у городьбы и стригущий сладкую, вечернюю траву. Подзывать жеребца или подходить ни к чему. Он расседлан и разнуздан, накормлен и напоен, судя по колоде, стоящей у городьбы.

Дверь влазни выходит на Закат. Как раз за елями уже почти окончено умащиваться на ночь огромное, красное Солнце. Оно потягивалось перед сном длинными, красными столбами на синюющем небе. Стаи птиц встревожено металась над лесом — хлопотали в поисках ночлега. А под елями вокруг избы уже просыпалась ночь — черная, сажная ночь. Здесь, в сени огромных лап она не боится ни Луны, ни Солнца...

... Я не сразу заметил его. Он, полупрозрачный, сутулый, стоял возле меня, таращил темные провалы глаз, силясь заглянуть в окно избы. Я замер. Это блазень. Но не тот, не домашний и уж всяко не мой — из замка Вейа. Его тело подергивала дрожь, он пританцовывал на месте, не шевелясь, — а я думал отчего-то о том, что хорошо, что тут нет ветра... Меня он тоже видел — но то ли не считал за достойного беседы, то ли был нелюдим от природы, а может, принес вести или пришел за приказаниями — и ему было не до болтовни.

... А во дворе их несколько уже. Блазни? Мнилко? Вряд ли мнилко — они не отходят от своих мест — и вчера их тут не было. Уводна? Да, пожалуй — вот, пробуя силу, одна пропела что-то высоким, чистым голосом, призывным, как трубный клич осеннего клина журавлей. Несколько раз они меняют свет, мерцают синим бархатом на фоне темно-фиолетовых елей — почти неразличимо, потом резко кидаются из стороны в сторону — играют. Я прошел, проехал, пробежал, проскакал, проплыл сотни и сотни верст, для того, чтобы мне повезло — и я увидел, как танцуют на закате уводны — во дворе по-звериному жестокой, манящей, как тьма за окном, Ягой. Как одна гладит по шерсти Дворового — а тот, сидя на спине моего коня, довольно крутит ласочьей головой, в сотый раз, по-моему, перебирая волосы в гриве Буруна. Двойной прок ему, двойная радость — скотины Ягая не держит, ему и заняться не с кем. А еще и голову чешут. Я ловлю себя на том, что улыбка моя непривычна лицу — не на одну сторону. Тут же ловлю ее и ставлю на место. Ибо герцог Дорога улыбается так.

А уводны то сходятся, то расходятся, то плывут туманом над самой травой, то кидают вдоль двора искрящиеся шары — издали их можно принять за блудячий огонек. Но только издали. Вблизи их не перепутать. Блудячие сами по себе, никакой уводне ими не играть. Вечер скрадывает их выверты — уводны рябят, возникают в самых неожиданных местах, аукают на разные голоса, смертно стонут, пропадают... Но, как и блазень, как и Дворовый,

они ждут хозяйку. Я тоже.

Ловлю себя на детской обиде — хозяйка не оставила на столе никакой еды. А шарить по ларям и медуше я не могу — это оскорбление. Ей.

Смешно. Сидеть во дворе самого опасного создания, которое мне доводилось встречать, ждать ее возвращения, подрагивая от нетерпения — и просто-напросто хотеть есть. Хорошо, когда смешно...

— Ее нет, — это сказал я. Уводнам и блазню, скользившим по все более темнеющему двору. Ждать-то они ждут. Но как-то непривычно сидеть с ними на одном дворе и ждать ночи. Чувствуется если не их равнодушие ко мне, то презрение — они играют, не стесняясь меня. Выдают свои секреты. Хотя, окажись я в лесу, на такой стон поехал бы точно — даже видел игру уводн. Они бьют без промаха. А еще я чувствую их превосходство. Они словно излучают его. А мне неприятно. И страшновато.

Уводны слышат меня, замирают... А потом одна легко машет рукой в рукаве дымки — и за городьбой, где-то под елями, раздается голос. Ее. Стражницы. Мольба, стон — «Дорога...» На пределе слышного. Вскликаю и бегу к воротам, но замираю, кидаюсь в дом, хватаю с сундука «Крыло полуночи» и выбегаю из ворот. Точнее, чуть не выбежал — аршинная, черноперая стрела ударила в городьбу прямо перед лицом. Черная тень кидается от елей ко мне, и ослепительно-белые зубы оскалились в лицо: «Никогда! Никогда не смей выходить в лес ночью — это не просто смерть!» А вот и хозяйка вернулась. Ласковая. Кривлю лицо в улыбке-оскале. Ягая просто брызнула яростью — я не успел ничего понять, но успел запомнить: «За ворота ночью нельзя». А что до «не просто смерти» — так мало ли, что бывает не просто смертью, а то и хуже смерти? Я и вправду, давно уже не хочу знать все.

А она уже во дворе — ее гортанный рык доносится со стороны влазни. Слов я не понимаю — но то ли язык на диво подходит для ругани, то ли ее голос вкупе с гневом сделали его таким — по спине прокатывается ремнем холодок, вздыбив волоски мурашками. Я сворачиваю за угол — а двор пуст. Ни уводн, ни блазня, ни Дворового. Серёг, видимо, хватило всем — и не только сестрам, но и братьям.

Влазня. Вот она — хозяйка — посреди горницы, спиной ко мне — только что стянула через голову рубаху — сквозь бурю ее волос мелькает белая кожа.

— Еще раз рыкнешь на меня, стражница — уйду, — я не пугаю ее. Я уйду. Ночью, днем — все равно. Я не умею иначе.

— Уйдешь, — легко согласилась Ягая. — Только не рычала я. Еще.

Я ей верю. И умолкаю. Тем более, что я все сказал.

Стражница повернулась лицом. Она ничем не прикрыта — кроме потоков волос, удерживаемых на лбу ремешком. Вновь мелькнули белые, острые зубы — она улыбается и вкрадчиво шагает от меня назад — к полку.

Опершись на локоть, смотрю на ее жестокое, сейчас успокоенное, насколько оно может таким быть вообще, лицо. Глаза Ягой закрыты.

— Где ты была? — спрашиваю я.

Веселое недоумение разбегается по лицу хозяйки. Вопрос глуп, неожиданен и приятен. Я могу поверить в то, что его еще не задавали в этом доме.

— Не бойся, Дорога. Это глухарь, — так сопровождала Ягая горшок с варевом, остро и сильно пахнущим мясным содержимым. Я вспомнил, что слышал о хозяйке и засмеялся. А болтать за едой нечего.

Ночь. Скоро ночь. Стражница и я сидим на крыльце — она не стала одеваться, осталась

в тонкой исподнице, в которой подавала на стол. Глухаря. Коса ее стояла у стены и просто дышала неутоленной жадной — хотя сегодня она не скучала, железо всегда пахнет узнаваемо по-другому. После убийства. Но на столе был глухарь, х-ха.

Не думаю, что она способна застыть на вечернем ветерке, спрыгнувшем с еловых лап на траву двора, но просто так — просто — накидываю на нее полу плаща, который прихватил, выходя. А это уже не недоумение. Это боль. Она закрывает глаза. Ей тоже бывает больно.

Глупо говорить, и я молчу. Сказать, что я уйду еще не завтра? Кому? Стражнице? Утешать ее? На сколько она старше меня и что нового я могу ей сказать? Лжи она наслушалась. Это я знаю.

— Соври мне, Дорога. Скажи, что еще много ночей ты будешь прикрывать тело нежитя от вечернего холода, — ясным, низким голосом, упавшим на хрип только к концу, сказала стражница Пограничья.

— Знаешь... Когда я понял, что тот Мир не мой... Я был готов ко всему — или мне так казалось. Даже герцогство не сбilo меня с ног. Даже то, что я — заблудший Вейа. Даже то, что здесь омутники и берегини соседствуют с ужасами ночи Жителей Холмов — Ланон Ши, а наши — твои и мои — голбечники найдут свой угол среди весело-пьяных Клураканов.

— Знаешь, стражница — я никогда не любил. Уверен. Как не старался. То, как другие описывали это чувство, мне не дано. Как уже давно не дано вздрагивать при «Я люблю тебя», сказанное женщиной. Но никогда, ни разу — в том мире, не говоря про этот, я не тосковал так, как сейчас — от твоих слов. Помолчи. Ты еще наговоришься. Лучше бы я любил тебя — тогда бы я смог стать твоим рабом, должно быть — ты бы успокоилась и выкинула бы меня за ворота. Раб тебе не стодится. Или убила бы — влюбленному человеку жизнь не мила, если он видит, что его не полюбят никогда. Но я не люблю тебя.

— Знаешь, стражница, там, откуда я пришел, этот мир — лучший из миров — уже просто сказание. В него почти никто не верит. Зато там умеют оскопить душу — себе, соседу, своему ребенку — и все это так ловко, что понимаешь и готов верить, что так и надо. А убивают там так же легко и охотно, как и здесь. Только намного глупее. Бессмысленнее. Просто так. И подводят великолепные объяснения под убийство целых народов. И им приходится верить — потому, что больше верить ни во что не дают.

— Я тоже убиваю, — усмехается Ягая.

— Да. Но ты убиваешь потому, что так должна. А еще потому, что так любишь. А то, что я здесь — говорит о том, что ты хочешь любить то, что делаешь, свою силу, свою ярость, уважать твои законы, а не тянуть ляжку. Не сбивай меня. Ты же хотела знать — вот и узнай.

— Почему ты решил уйти? Почему ты захотел уйти? Что ты не мог делать там, что можешь здесь?

— Дышать, Ягая. Тот мир и я слишком часто вызывали друг у друга недоумение. Не непонимание — такое меня не насторожило бы. А недоумение. Когда-то я верил в то, что мне надо лишь зажмуриться, и я вцеплюсь в том мир так же глубоко, как клеш в кожу — и никакой ветер не сможет меня сдуть, никакой дождь не сможет меня смыть, я буду прикреплен, устойчив и сыт. Не беда, что до тебя там уже присосались тьмы и тьмы клещей — втиснуться или содрать кого-то — невелика загвоздка. И вдруг ты понимаешь, что ты даже не видишь скакуна, на чью шкуру прицелился. Более того — он едет совсем в другую сторону. И совсем уж невыносимое — тебе, клещу, надо куда-то не туда, куда ему. И вообще, ты не умеешь пить его кровь. Значит, ты не клещ?! А вокруг тебя лавой спешат те, на кого ты ужасающе, до болиходишь — но они-то знают, куда бежать! На ветки, с которых удобно

падать на конскую шкуру. Они — и ты. И все.

— Да, это может согнуть человека, — негромко соглашается моя стражница своим низким, свирепым голосом.

— Может. Ты кричишь, ты выворачиваешь себя просто наизнанку — стараешься убедить их, оголтело несущихся на ветки, что ты — тоже с ними.

— Зачем?! — искренне поражается Ягая.

— Как — зачем?! Вокруг никого, вообще! Только они! Даже если не только, остальные, подобные тебе бедолаги или уже догнивают, растоптанные стадами правильных кровососов, или бегут, притворяясь, на ветки, отстают по дороге, дышат, бегут дальше, оставаясь на месте. Они не отзовутся. Ни те, ни другие.

— Нельзя быть другим?

— Можно. Но я верил в то, что должен хотеть конской крови.

— С кем поведешься... — непонятно произносят красные, как со зла накусанные, губы.

— В конце концов, они сбросили меня на коня.

— И что ты сделал?

— Вцепился в гриву. И на коне, и не в шкуре. Но на гриве страшно. Тебя может сорвать ветром и унести... А куда? И тогда лже-клещ поднял голову. И понял, что зрение клеща слабо и неверно — потому, что ненужно. Но этот клещ видел дальше. Или слышал.

— Понимаешь, стражница лучшего из миров... Ночь и день там — просто поворот всей Земли — а там она круглая — вокруг своей оси и по огромному кругу в небе — вокруг Солнца и Луны. Солнце и Луна там перестали отдыхать. А просто восходят и заходят. А в ночном лесу можно налететь на татей, но долго придется искать лешего, уводну, мана, из рек ушли омутники и берегини. Люди обогнали их и пережили — так говорят люди. Потому, что иначе им придется поднимать морду от конской шкуры и осматриваться.

— А я чуял ночью, что Ночь. Что леса и болота ночью — не для людей. Что этот мир от века принадлежит не только нам.

— Что ты делал там?

— Писал. Покрывал рунами листы. Я писал то, что хотели знать, и то, что было, иногда то, что может быть, что я хотел сказать, я позволял себе крикнуть с некоторых листов — но тогда яснее становилось видно, что я на гриве. А это неправильный клещ. Тогда я научился скрывать то, что мне казалось важным, и то, от чего они шарахались, потому что это все было для них тяжело. Но они чуяли меня нюхом, чуяли, как чужака — и гнали. Тогда я научился понимать их — и это не заняло много времени, х-ха — за это они возненавидели меня еще больше, так как мне мерзко было делать даже вид, что они хотя бы сильно рознятся меж собой. Тогда я начал презирать их законы — ответ не заставил себя ждать, они никогда не тянут с камнями и проклятьями. Что бы я не делал, чтобы сблизиться с ними — пока я старался сблизиться — они гнали меня и фыркали, как сытые борова, перегородившие другим путь к водопою. Что бы я не делал потом — стараясь отдалиться от них, не умея приблизиться — они тащили меня к себе, они обещали, что со временем я стану таким же — и они, и я чувствовали, что это вранье и понимая это, они ненавидели меня еще больше. Самое же скверное, что они чуть не сделали со мной — так это чуть было не научили врать самому себе — лишь бы не быть одному — потому, что их правда гласила, что одному быть неправильно для человека, а оттого — скверно. Клещ с вывернутой душой. Вот что я такое. Еще я научился драться. Драться палками. Бить быстро и точно, увеча протянутые к тебе руки или оскалившиеся на тебя лица — потому, что когда висишь на гриве, нет времени для

долгих боев — сдует раньше, чем ты, наконец-то, осмотришься. Я готов был прыгнуть — но слететь? Шалишь...

— Бить быстро и точно, ха. Это нужно в любом мире... — Ягая смеется. Но глаза ее закрыты и чуть-чуть дрогнул живчик под веком. Тени, просто ночные тени.

— Неправильный клещ. Клещ, который может вывернуть душу. Который не хочет ненавидеть себя за то, что должен хотеть, может захотеть стать клещом. Мерзкая, согласись, тварь.

— А при чем тут Свобода? — негромкий голос Ягой углем прокатывается по моей груди и, стукнувшись о сердце, замирает.

— Если б я знал! Они не в состоянии понять, о чем говорит осенний лес, не видят его осиротелого взгляда. Но они прекрасно видят самих себя, тех, кто с ними, а особенно тех, кто на гриве. Кто-то смеется над тобой — видящим глаза Леса-по-Осени, кто-то не верит — то есть, хочет не верить. Кто-то боится, что ты говоришь правду — боится сильно. Но если не слишком часто попадаться им на глаза, то они забывают ненавидеть и просто бегут мимо. По шкуре — в поисках самой толстой жилы. Я слишком много болтаю. Даже здесь.

— Разве нельзя поверить в себя, в такого, какой ты есть и просто принять себя?

— В некоторые вещи там... Там не полагается верить, хотя вслух провозглашается совсем другая здравица. Та вера, которая у меня уже была тогда, которая есть сейчас, толкуется там знающими немного по-другому. Не остается места для тебя, Ягая. И этого — лучшего из миров.

— Разве можно толковать веру?

— Разве можно не толковать ее?

— И ты?

— И я ушел. Просто понял, что недоумение это больше невыносимо. Я вышел как-то вечером из дома, никому ничего не сказав. И ушел к Северу. Уехал, вернее, х-ха.

— Тебя никто не ждал домой? Не ждет сейчас? — ей все равно, что я скажу — то есть, ей плевать на то, что меня может ждать женщина. Просто она уясняет для себя что-то.

— Должно быть. Должно быть, так. Меня любили и там. И я, понимая, что сам не способен к этому, чуял себя срывающимся с гривы. Настоящим клещом.

— Я устал от недоумевающего мира, стражница. К тому же мир, который недоумевает над тобой, никогда не даст тебе дом — он не понимает, зачем он тебе. И я поехал на Север — в самые, пока еще дикие леса, которые есть на нашей земле. Я хотел увидеть вас — нежителей, незнатей, хотел знать, что еще есть места, где живет то, что уже забыли — точнее, стараются забыть.

— Дальше все просто. На Севере я быстро попал на Переход. Даже не там, где мог на него надеяться. Недоумевающий мир отпустил меня. Думаю, не заметив. Если я не мог быть человеком там — я надеялся стать им...

— Стать собой. Это другое. Ты как мы — хотел принять себя. Понять и принять, понять ревность Силы, не дающей тебе любить кого-то, встретить тех, кто так же скользит по миру, лишь усиливая его боль, а не смягчая. И где таких не один, не сотня — а много. В этом мы — все мы — походим на людей. Мы можем понять человека, можем исцелить его боль — я говорю не о себе, не о Радмарте, не о... Мы. Нежити. Незнати. Хозяева. Стражи. Слуги. А люди... Они способны не уступить настоящей Силе — встретив ее. И готовы бежать опрометью, если в свете Луны углядят пастеня. В этом их сила. А ты, Дорога — ты можешь уступить Силе и не напугаться пастеня. Можешь сказать правду — прямо в сердце, не то, что

в глаза. Скажи мне — сколько душ ты ранил? Ранил глубоко, ни за что — просто оттого, что ты не мог иначе и даже не хотел — и не хочешь — научиться иначе. Ты писал руны? Записывал чужие дела и подвиги? Здесь ты стал просто убивать. Разве тебя мучают глаза тех, кого ты расстрелял со стен Замка Вейа и кого ты сварил в его воротах? И разве ты не искал Войны в своем старом мире? Ты ее не нашел — там нет войны для тебя. Она тебя там не ждала, Дорога.

— Что ты говоришь, Ягая?! — вот так вот и перехватывает горло по-настоящему, а не ловишь отголосок судороги, веря в то, что его перехватило. Да! Да! Да, только здесь, в лучшем из Миров чувства дали ответы на многие вопросы. На перехваченное горло. На горький смех. На звериный оскал. Там, в том мире, откуда я ушел, мучаются среди говорливых слепцов лишь их отголоски... — Что ты хочешь мне втолковать?! Что я — не человек?!

— А ты боишься этого, да, Дорога? С кем поведешься, герцог. С кем поведешься...

Я замолк. Ее плечо, опершееся о меня, обжигало. Запах полыни от ее ладоней, запах задетой, разбуженной ветки в ночной чаще, идущий от волос, заставлял закусить губу — чтобы не рычать негромко просто так. Ее низкий, тяжелый голос заставлял жить и желать.

Что еще тебе нужно, чтобы быть живым?!

— Я хочу в дом, — сказал я. Я просто сказал правду. Оставив Ягой плащ, я быстро встал и пошел в избу. Я истосковался по домам... Мой недолгий Дом Вейа, в который мне только предстоит вернуться, не насытил моего голода. А это — Дом. Ее дом, куда она привела меня.

Ночь развела крылья и взлетела к небу. Я раздул угли в печи и запалил светец. Сел на лавку. Так спокойно. Просто и спокойно. Я понял, что она сказала, чуть раньше — на мой вопрос, отчего никто не сможет придти сюда, за мной? Она сказала так: «Здесь еще не этот Мир. И уже не тот, твой. Пограничье. Попробуй даже представить, куда ты идешь — если не из того мира в этот, или наоборот, х-ха! Удержаться посреди шага здесь?! Ни там и не тут — а где? Мало, кто может это, Дорога. А продержаться здесь без моего позволения не сможет никто». И все стало ясно. Принимаешь очевидное, Дорога. Значит, способен к учению. Как учил Шингхо? «Между самопознанием и самокопанием существует немалая разница, — сказал Шингхо. Ежели самопознание приводит тебе если не к полному осознанию порядка вещей или к пониманию какой-то одной, к принятию чего-то или же напротив — к отрицанию чего-то, то уж самокопание — вернейший способ попросту настроить себя на заведомо неверное состояние, которое никакого, как правило, верного понимания природы вещей или событий не даст, но уж душу вымотает напрочь. Теперь ты знаешь разницу между самопознанием, которого ты бежишь, и самокопанием, которому ты предаешься». Это он сообщил мне, кажется, на второй день после нашей встречи, которая произошла сразу после моего Перехода сюда. Он сидел на траве, прямо передо мной, смотрел в глаза, и такая покорность судьбе была в его позе, такая усталость — что становилось ясно видна некоторая нарочитость этих чувств. «Здравствуй, птица, — сказал я почему-то с двумя явно слышимыми «ц». «Ну, хоть не слепой и не немой, — сам себе сказал он в ответ, — а что дурак, то это, в конце концов, невелика редкость. И что — мне должно везти всегда? Экая нелепица была бы...»

Ягая не ведьма. Не волховка. Это она сказала мне, еще вечером. Я много спрашивал. Как всегда. Но ее сила велика. Это я видел сам. Вчера. И чувю постоянно. Она неспособна любить и не тоскует по любви. Как и я. Но я — не ее выходка уставшей женщины. Она не устала. Она делает то, что умеет и любит — убивает на границе. Путаает следы, выводит обратно,

если велено не убивать а велеть ей может только ее сила. Она не ошибается. Если бы я был выходкой — то уже утром лежал бы в траве, с перерезанной глоткой. Не сомневаюсь и не укоряю. Я так же легко убивал, обороняя свой Дом и давая выход родовой ненависти Вейя. Откуда мне и зачем знать, отчего так легко бьет она?

Стражница Пограничья, от которой я уйду утром. Мне пора двигаться на Замок Совы, — а заодно посмотреть, оставили меня воины Радмарта, или нет. Я был убедителен в последнюю встречу!

... Никуда я не ушел наутро. Его снова не было. Я устал сидеть в избе один и тихо пошел к влазне — за ней. Пока не настало завтра. Но на пороге ее не было. Двигаясь как можно тише, я обогнул избу — и увидел Луну. Такой дикой, такой ледяной и настолько огромной, в благородную желтизну, она не бывает даже в горах зимой. Насколько прекрасной она вышла из-за мохнатых вершин елей Синелесья. Полная, чудовищно красивая Луна, по пути на небо. И в ее свете, напротив нее, я увидел Ягую. Но еще раньше услышал.

Стражница пела. Ее низкий, горловой голос изменился в песне — он стал чуть выше обычного. Но сила его не оставила. Я не понимал слов — я просто оперся на стену избы и слушал.

Это была песня гордости, песня силы, которой впервые пришлось просить — пусть даже у кого-то, стократ сильнее. Ягая не умела просить, но она просила. Это не было заклятием — я чувал это кожей, чувал душой, которая замерла где-то в горле, подрагивающем в такт песне Ягой. Она рассказывала что-то Ночи, Луне, Кромке, Синелесью, что-то такое, что не знали даже они — и она просила о чем-то. И была услышана, думаю.

Дикая, неизмеримая сила, которая воплотилась в песне нежити, взмыла к Луне, скользнула вниз, метнулась среди елей, заставляя дрожать их лапы, вздыбила волосы в бороде Омутника, ударившись о речную гладь, лента ее голоса, лента ее песни, она сама становилась облаком и елью, черной гладью воды и полуночным небом — так пела в ночь на полнолуние Ягая — прося о чем-то.

Песня чуть не убила меня, герцога Дорогу. Не умея подпеть, не умея стать рабом — понимать, что ты просто не можешь этого. Того, что пелось в дикой, необузданной, страшной своей просьбой, песне — просьбой неумеющей просить.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Ночью она вскочила с полка — прямо с моей руки, на которой лежала и, казалось, спала, жестоко ослабившись.

... Расставивши тонкие, жесткие руки на столешнице, она низко опустила голову, рассматривая что-то на площадке, где одиноко ползла к капле меда букашка. Губы ее приоткрыты, шевелятся, лопатки натянули ткань исподницы горбом, спина выгнута по-старушечьи, пальцы когтями терзают столешницу. Прислушавшись, разбираю: «Лешего облыжно винит, от Лешего семенит, на Лешего грешит, от Лешего ворожит, на Лешем винь нет, я потропила след...»

Я встаю с полка и подхожу к ней — обходя стол. И я вижу, что букашка в площадке спешит к капле дегтя — это не мед. Волосок отделяет букашку от дегтя — и она пробегает этот волосок, хотя сначала показалось, что разминется со смертью.

— Бежит, когда нельзя бежать, дышит, где нельзя дышать... Тут, милый, ходят не дыша — твоя Тропленная Межа, — хищно кричит она, и ответом из-за елей, из темноты терпкой, свежей ночи чей-то тоскующий, смертно молящий вопль. Она только что убила человека. Утопила. Тропленная Межа — лютое в своей жадности болото. Обороняя кромку от

нестоящего, или свое счастье от помехи? Но человек этот уже, почитай, мертв, и я не стану силиться его спасти, как не стану мешать ей. Ее дом, ее грань, ее стража...

Она оборачивается ко мне, и я вижу, как в черном ее зрачке погасло пламя, кровавая искра. Она стояла спиной к огню в этот миг.

Утро так и не наступило. Наступали сумерки, а утро — нет. Ягая была дома и не была дома, сходились на ее дворе уводны, я видел леших, лещачих, Лесного Старца, который долго и строго присматривался ко мне, принохиваясь — недоумевал о чем-то. Видимо, одно говорили ему глаза, а чутье нежитя — другое. Он недоуменно пожал плечами на меня Ягой, вышедшей во двор, та резко ответила на непонятном языке, и Лесной Старец, смирившись, отошел, еще раз с силой потянув носом вечернюю сырость.

Я так хотел увидеть их, там, в другом мире. И теперь я вижу их и понимаю, что я зря боялся там. А я боялся. Боялся, что если мне когда-нибудь удастся перейти сюда, на Кромку, я привыкну к ним, и переход потеряет если не смысл, то часть очарования. Нет. К ним нельзя привыкнуть. Привыкнуть можно лишь к повторяющемуся. К людям, их лицам, поступкам людей, к примеру. К их однообразной глупости, рядящейся в разные обличья, к их предсказуемости, к их злобе. Все это надоедает очень быстро — стоит только один раз взять все это на заметку. Но кто скажет, что мелькание волн, падение осенних листьев, полнолуние, рябь, пробегающая по волнам ковыля в степи, раскачивание вершин сосен, если смотреть на них, лежа на поляне в чаще леса, кто скажет, что это — однообразно? Вы когда-нибудь угощали Дворового с руки? А смотрели сквозь речное зеркало в бездонные глаза берегине? Слушали, как аукают на разные голоса уводны, и сколько обличий может сменить Лесной Старец, заманивающий вашего ребенка, а?

Примелькается ли то, что мудро? Нет. Оно просто будет каждым раз мудрым по-своему. Вот и вся тайна.

И я смотрю на чудовищную в своей величине ель, часами. Даром, что каждая из них в Синелесье — исполин. Часами смотрю на ее лапу, на ее иголку... Странно ли то, что рассматривая ель целиком, я вижу ее иголки — каждую в отдельности, а смотря на иголку, я вижу всю огромную ель, гордо говорящую «Я здесь королева. Нас здесь тысячи, тысячи, но я королева!» И вторая, и сотая ель скажут то же самое. И все они скажут правду. И мнилко у разбитого камня сам рассказал мне будничную, но дикую историю — мать отвела его в лес и убила, похоронив под камнем. Вот этим самым. А Ягая подняла его. Сделала из него мнилко, дала дожить оставшиеся годы — до положенного срока. Кто же из нас жесток, а? Мать? Ягая? Обе? Важно ли это?

Росомаха, охотящаяся на детей, станет скучной? Эта безжалостная убийца, которая, остановившись, подперла надломанную ветвь ели сухой палкой и засмеялась?

И почему ничего против не имела Ягая, когда я час за часом сидел у Тропленной Межи, разговаривая с русалками и берегинями? Тропленная Межа — чудовищное в своей алчности болото, но это еще и озеро, которое потом становится болотом, в глуши Синелесья. Как я миновал эти места, придя сюда в первый раз? Меня вел Шингхо. С самого перехода. Склонный, ехидный, неожиданный друг. Он выполнял какую-то свою работу, думается мне. Так как сообщить мне, что я дурак и улететь вслед за этим, он мог сразу. Как он улетел тогда, со стены Замка Вейа. Я утомил его расспросами. Утомил неверием — он ругал меня человеком и шипел от собственного ехидства.

— Майорату Вейа был позарез нужен герцог крови Вейа, а тебе было пора выпасть из мира, где ты был всего лишь ненужным камешком в жерновах — и не перемолоть и не

использовать, — спокойно сказал Шингхо как-то раз, где-то через неделю после нашего знакомства.

— Крови Вейа?! — искренний почти вопрос, когда так хочется в это верить! — Я ничего не понимаю, сова, и от всего этого — страшно?...

— Не знаю, как тебе, думаю, нет, а мне в самом деле страшно! — рассвирепел тогда Шингхо. — При мысли о невозможности понимания — как такие упертые твари, как ты, могут силиться еще и править в мирах?!

Только теперь я понимаю, что это не оскорбление. Это жуткая загадка, несправедливость — здесь все верно, не налажено и педантично, а верно. И — люди. Не самое новое в мирах явление, но оно несправедливо для такого, как Шингхо. Даже для того, кто умеет просто принимать знание. И он, однако, проделал путь к переходу, чтобы встретить меня там и отвести туда, куда должен был отвести.

Затем он посмотрел на меня, подумал. Отвернулся, как это делают совы — на полукруг. И вдруг сказал, повернув голову ко мне и уставившись прямо в глаза, но не истово, как должно смотреть, делясь откровением, а так, полуприкрыв веки:

— Тебе бы поседеть, как луню, — негромко, думая явно о чем-то своем, более важном, сказал он. — В ваших дурацких сказаниях вы заставляете героев сидеть до поры, рассекаете их лица ужасающими шрамами, придаете их взору невообразимую тоску, пропахиваете у губ горестные складки. Если он остается жив, то, в общем, сразу понятно, кто перед тобой. Как с тобой вот.

— Кто? — спросил я. Я не успевал тогда еще за совой. Точнее, успевал еще меньше, чем потом, и он то и дело этим пользовался.

— Идиот, — сухо ответила сова.

Тогда, не выдержав непрекращающихся насмешек, я кинулся на него. Тот ловко схватил меня лапой за грудки, порвав когтями рубаху и пробороздив кожу и, совершенно почеловечьи, вдруг ударил лбом в переносицу и отшвырнул, как отшвыривают обделавшегося в руках щенка. Ослепнув от боли, я покатился по траве, хлюпая разбитым носом.

— Охолонул? — сухо спросил Шингхо. — Скажи спасибо, что не в глаз клювом. В задаточек. Распоясался.

... Здесь, у Ягой на дворе, неспешно двигаясь в танце «Восемь кусков парчи», я понемногу начал понимать, почему он имел в виду задаток. За гладкий переход на Кромку следовало расплатиться. Он отсрочил расплату. За герцогство тоже следовало платить — и уже не так. Просто так что-то дается очень редко, почти никогда, и он не хотел рисковать. Чем я был так ценен для него, что он сломал мне нос, а не дал, к примеру, склонится над омутом, вслушиваясь в бормотание Омутника, не дал прельстится зрелой женской красотой берегинь, чем? Не знаю. Я принимаю это, как данность. Не понимаю, зачем, я понимаю, почему. И от этого мне легчает на миг.

Шли они, шли...

Мы шли и шли к востоку — если смотреть от Синелесья и привел меня Шингхо — который тогда еще не представился, к невероятному... Замку? Срубам? Дому? Обиталищу? Обитатели? Гнездовью? Я не умею назвать это — и не сумею в одно слово вместить срубленный из диких в своей толщине, дубов и сосен, Дом, в котором жили сотни таких же сов, как Шингхо — не стану и пытаться. Десятки окон, десятки башенок, углов, гнезд — это было что-то невообразимое. Как оно возникло перед нами — я не помню. Я оказался прямо перед главным, судя по величине, входом, и Шингхо негромко сказал: «Взойди». Не

«войди», не «входи», а «взойди». И повторил: «Взойди в Дом Больших Сов». Значит, все-таки Дом. Пирамидальное сооружение, вокруг которого, из окон которого, на террасах которого стояли, сидели, вылетали или о чем-то беседовали Большие Совы.

«Предпоследний оплот величия», — сказал Шингхо. «Обязав нас уступать место — думаю, людям в первую голову, нас лишили Домов Совы, разбросанных раньше по всей Земле», — бесстрастно он это сказал. Почти равнодушно. От этого равнодушия веяло закатом чего-то огромного, чего-то уходящего — уходящего на той земле, куда я стремился, догоняя что-то — и вот снова оказался при каком-то исходе, от этого равнодушия становилось зябко... И ворохнулась мысль, что обитателям Дома есть за что меня ненавидеть.

«Взойди», — спокойно повторил Шингхо.

Я просто шкурой почувствовал, как напряглись ступени. Они негромко стонали — от сладострастного желания выпрямиться, подобно тетиве лука и скинуть меня с себя, очиститься от меня, избавиться от меня. Сейчас. В этот миг. Я обернулся. Сова спокойно смотрела мне в спину. Но он смотрел и на ступени. И на створки ворот, к которым я подходил. Они встретили меня тихим, но сильным стоном-скрипом, идущим из глубины тысячелетней неприязни — кажется, их личной! — ко мне, к таким, как я, кто ходит, а не летает, кто боится ночи, кто не понимает слов Лесного Старца, рыдающего на осеннем закате по еще одному уходящему дню. Но не хлопнулись, и я взошел. И переступил порог. Шингхо ту же оказался рядом со мной и пошел впереди меня. Я поспешил за ним. Он вошел в зал. Круглый, большой зал, где по стенам, на своих — ощутимо своих, привычных, законных местах сидели Большие Совы — одиннадцать сов. Двенадцатая сидела посреди зала на деревянном столце. Совершенно седая, более крупная, чем остальные совы, она упрятила голову в плечи и смотрела мне прямо в глаза.

«Взошел», — сказала она.

«Ты же не мог ошибиться, Старший!» — сказала Сова, сидевшая слева от меня третьей. Это была не лесть. Так оно и было. В чем-то он не мог ошибиться. Остальные молча поглядывали на меня и на Шингхо. И ничего не говорили.

— Нареките его как-нибудь, что ли, — усталым голосом сказал кто-то из Больших Сов.

— Я, я его нареку! — нехорошо вскинулся мой попутчик.

— Ну, хоть ты нареки, — неуверенно сказала справа Большая Сова, явно только чтобы поскорее отвязаться.

— Ладно, — низкий голос Старшего раздался в зале. — Нарекаю его Сововым... Совячьим... Совьим... Тьфу, пропасть! Совиным другом и да сопутствуют тебе... В общем, пошел вон отсюда!

Аудиенция была дана, и мы с Шингхо вышли из зала, двери которого тут же хлопнулись.

Обидно мне не было. Было... Туманно? Сдержанно? Я понимал, а если не понимал, то чувствовал, что что-то очень значимое произошло сейчас. Шингхо отвел меня в Оружейную, откуда я и принес палки для арниса. Но там было еще кое-что — посреди комнаты стоял стол. Круглый, невысокий, заметно прочный и долговечный, старый стол черного дерева — а на нем, ярусами стояли сотни фигурок. Я подошел поближе, почти не дыша, опасаясь нарушить равновесие их. Сотни, может, тысячи фигурок стояли, поблескивая в свете факелов своими литыми телами — тут были звери, птицы, нежити, звери, описание которых я видел лишь в bestiариях — словом, тут было если не все, что живет в мирах, то очень многое.

— Возьми свою, — сказал Шингхо.

— А какая здесь моя?

— Откуда мне знать, какая здесь — твоя? — сварливо спросил Шингхо, и стало ясно, что он не издевается. А просто не может сказать.

— Ну, меня уже нарекли, — я говорил, чтобы сказать — я никак не мог решиться на выбор. — А как мне звать тебя?

— Зови меня Шингхо, — так сова ответила мне сразу на два вопроса — прозвучавший и следующий — оставит ли он меня сейчас же после выбора. Нет. Не оставит.

— А что это значит?

— В переводе с языка Сов на ваш, это будет «Навязчи...», — он пощелкал клювом, словно что-то помешало ему закончить и закончил: «Настойчивый».

— У тебя одна попытка, — сказал Шингхо. — Если ты угадаешь свою, то она отделится от остальных.

На меня смотрел волк. Прямо в глаза мне смотрели черные, вырезанные в металле точки — глаза одинокого волка. Искусство изготовителя было выше всяких похвал. Я протянул руку и спокойно взял стоящую рядом сову. Она легко, не сдвинув сотни привалившихся к ней сверху, снизу, с боков, фигурок, отделилась от общего монолита, и за ней протянулась литая цепочка. Тяжелого литья цепочка и невероятно изящно и правдоподобно сделанная Сова — владычица ночи, с выставленными вперед лапами, был схвачен момент атаки — распростертые крылья и закрытые глаза. Приблизив фигурку к глазам, я увидел, что каждое перышко на тяжелом тельце хищной птицы выделано с такой дотошностью, что можно разглядеть каждую крапинку, любую черточку каждого пера. Я надел цепочку на шею. В тот же миг зрение померкло, я увидел какую-то комнату в каком-то замке — вначале на меня кинулся замок, а затем я, словно сквозь стены пролетел в покой. На кровати вздрогнул и вытянулся какой-то седой старик. Над ним, над его ложем, висел щит с изображением такой же совы, какая теперь красовалась у меня на шее.

— То есть, если кто-то вытянет неудачную для меня фигурку, это скажется на мне?

— Отчего же нет? — спокойно спросил Шингхо. — Может. А может и нет. Зато теперь ты знаешь, куда ты идешь и избавишь меня от своих докучных расспросов.

— Я? Знаю?

— Не избавишь... — горестно сказал Шингхо. — Тогда пошли. Нам пора.

Перед выходом из Дома Больших Сов Шингхо вдруг пронзительно крикнул, закрыв глаза. Я замер, а затем шагнул из дверей на воздух, и он взревел от сотен голосов Больших Сов, примолкших после крика Шингхо.

«Дорога!» — кричали Большие Совы.

— Вот теперь пошли, — как-то успокоено сказал Шингхо. — Теперь у тебя есть настоящее имя для этого Мира. Лучшего, кстати, из миров.

Спорить с чем-то, сказанным совой, мне не хотелось.

Не хочется до сих пор.

Меня зовут герцог Дорога, я ношу герцогскую цепь и золотую сову, и я повелитель куска земли в этом, лучшем из миров. Владелец нескольких замков, помимо разрушенного родового, деревень, заимок, селищ, печищ, даже нескольких городищ. Но свой дом Вейа возвели не в одном из городищ — а на отшибе. В Западных лесах, на отошедшей от подруг скале, которая теперь — и уже сотни лет — зовется «Дом».

— Почаще говори «Я не знаю, я не понимаю», не бойся произносить эти слова. Так тебе

удастся выглядеть не конченным дураком, и есть шанс, что к концу своей жизни, пользуясь этим советом, ты будешь что-то знать, — сказал Шингхо. Это он сказал мне, когда мы шли к землям Вейа.

И именно там нам навстречу выскочил единорог. Один.

Был вечер. Резкий, синий вечер, мы шли по опушке буковой рощи (точнее, я шел, а Шингхо то улетал от меня, тот возвращался, не упуская меня, по-видимому, из поля зрения), по траве, доходившей мне до пояса. Ветер, валясь с неба, с ветвей, кувыркался на этой мягкой травяной постели и скомканные простыни ее, как взбаламученные волны, разбегались по лугу. Медвяный, но терпкий запах травы утешал, смирял страх и тоску, которые я принес из того, старого мира и пока еще — тогда еще — не до конца скинул с плеч.

Ветер споткнулся и нырнул под одеяло травы. Ветви перестали шептаться, вечер затих — затихли даже кузнечики в своих кузницах, где они так спешили управиться со своими делами до заката.

... Он выскочил на лужайку, сверкая, как кипящее серебро — на последнем луче уходящего спатъ Солнца повис, казалось, отделившийся от его лба витой рог. Он был прекрасен. Я не видел драконов, но думаю, что и они, и единороги — как и некоторые другие, как Ланон Ши — это то, что человек всегда сопровождает словами: «Я онемел».

А я нет. Кипящее серебро его боков, сине-зеленый ремень вздыбленной по хребту шерсти, сапфирово-светящийся рог ошеломили меня и я негромко выдохнул: «На таком пахать впору». Это был просто набор букв, поймите меня. Я не умел тогда просто промолчать. Просто разрыдаться от великолепия картины мне не дано... Как быстро можно сжиться с маской, если она не твоя, но хоть частично верна... «На таком пахать впору», — сказал я.

— На единорогах не пашут — тяжело вздохнул Шингхо, давая понять, что мне снова удалось сделать невозможное — удивить его.

— А?

— Это поговорка. Такая поговорка. «На единорогах не пашут».

... И невозможно, невообразимо величественный единорог ушел в чащу, не шевельнув ни один листок на тесно росших деревьях.

... Играла, насмехалась полная Луна над Пограничьем, все чаще заставляя Ягук покидать дом и меня.

«Как с цепи посрывались. Полнолуние просто сулит невозможное некоторым людям. Оно сулит, а я выполняю...» Коса ее и лук с черноперыми стрелами не зря простаивали место в своем углу. А я молчал, молчал, молчал... Лишь по ночам, когда она вскакивала с моей руки, заставляя что-то внутри голодать и рычать зло и тоскливо, я поднимался и подходил к ней. К столу.

... Вот бежит вдоль брошенной Ягой синей ленте, букашка. А стражница несильно, но быстро постукивает ей вслед костяной иглой. Человек в лесу, прорвавшийся по лунному лучу, на кромку, бежит по лесу, бежит вдоль реки, спасаясь, раздирая шкуру о ветви терна, от тяжелой поступи идущего за ним великана — он не видит его, но земля вздрагивает прямо за его спиной. Бег, бег, слепящий глаза ледяной пот — человек спасается.

— Пощади его, — вдруг сказал я. Мне не жалко его. Мне хочется, чтобы она уступила.

— Почему? — сурово спрашивает стражница.

— Быть может, это второй Дорога? — неудачный, глупый шаг. Ягая отвечает, не

задумавшись:

— Второго Дороги быть не может. Голодай, Водяник! — и, прискучив постукиванием костяной иглы, втыкает ее в спину упрямой букашки, так и не взбежавшей на синюю ленту. Лишь потом я понимаю, что его и не гнали на нее — просто гнали там, где ей больше нравилось.

Нет утра. Оно не наступает. Отъевшийся, отдохнувший Бурун смотрит на меня спокойно и понимающе, как мне кажется. А по моим землям идут воины Хелла и лютует сорванный с Топей, Радмарт.

... Вот еще одна козявка ползет, мигая ядовитой окраской, по зеленому платочку, неслышно выброшенному на столешницу прямо из воздуха Ягой. А она спокойно роняет палочку желтой древесины, стараясь уронить ее на козявку. Приговор она читает негромко, я не слышу его, но зато слышу дикий бурелом в Синелесье, треск валящихся деревьев, я могу понять, как робко, скованный ужасом встречи, налетевшим с ясного неба ветром, под грустным взглядом полной Луны, идет по Синелесью прорвавшийся сюда дурак. Ядовитая зелень букашки — это те заклятья, что он старался на себя наложить — как потом сказала мне Ягая. И рассмеялась — негромко, искренне, качая в непритворном удивлении людской дурью, гордо посаженной, черноволосой головой.

— Отпусти его, — снова сказал я.

— Почему? — вновь пытается меня Ягая, роняя и роняя желтую, тяжелую палочку.

— Может, он очень нужен этому Миру? Или не нужен тому? — миг, молчание, ответ:

— Никто, ни один человек не может настолько быть нужен этому ли миру, тому ли. Нет, — взмах черных волос, она покачала головой, отрицая мой довод. Легкий стук палочки, упавшей на спину букашки. Все.

А на третью ночь я просто протянул руку в сторону очередной букашки и негромко сказал правду:

— Отпусти его.

— Почему?

— Я так хочу.

Она наклонилась над букашкой, словно вглядываясь.

— Да, он счастливец. Пусть. Все равно пойдет обратно. Пока его счастья хватает на вход. Но обратно он все равно вернется, не его это мир. Так ли, иначе ли — сколько ему счастья? — И огонек, кроваво тлеющий в ее зрачках, гаснет. Зато по ее красным, словно со зла накусанным губам, пробегает хищная, азартная усмешка...

Утро пришло все-таки. Просто надо было лишь один раз не поспать ночь — и утро пришло. Утренние сумерки мы с Ягой встретили на пороге. Сидя под моим плащом.

Удивительно тихое, неуверенное в себе, стеклянное по-осеннему утро вошло, не постучавшись, на двор к Стражнице.

— Мне пора. Мне пора уходить, — сказал я и примолк. Сколько раз уже в своей жизни я говорил эти слова! Теперь они выглядели, как подготовка к сегодняшним. «Мне пора уходить», — и дороги открывались передо мною. — Просто пора, Стражница. Хелла и Радмарт убивают людей. Убивают мой майорат. Убивают мой дом. Я ухожу.

— Да, ты уходишь — сказала Ягая сразу. Не думая. Не вздыхая. — Тебе пора, Дорога. Герцог майората Вейа.

— Герцог, взашей попрошенный из собственного дома, — невесело усмехнулся я, седлая Буруна. Ягая негромко рассмеялась.

— Хорошо сказал, Дорога, — она мягко, по-рысьи встала и одним движением оказалась возле меня, пересекши расстояние от крыльца до временной коновязи Буруна. Сняла с плеча свой браслет со змеями и молча одела мне на левое запястье. Я не стал отказываться. Хотя сам бы, скорее всего, не попросил.

Я привязал коня и вошел в дом. Собраться.

Хоть я и в самом деле герцог, а собраться мне довелось быстро. Ягая тенью скользила по избе, куда вошла со двора сразу после меня.

Я не жду, что она попросит остаться. Не жду. Не жду. Да она и не попросит. «Крыло полуночи» брякает по бедру, палки укрепились в своих перевязях на спине. Мне пора.

— Присядем, Дорога, — говорит Ягая. Наготу ее прикрывают только волосы. Не крыльцо встретить утро мы вышли с полка...

Это кожа бела не по-снежному. Белее. Эти волосы не иссиня-черны. Чернее. Эти губы не пунцово-красны. Краснее. Алее. Ярче. Жарче. Горячее. Какая полуночная прорубь отдала блеск твоим глазам, Стражница?

Я встаю и иду к дверям...

... И я выхожу из влазни на двор. Оборачиваюсь. Ягая стоит за мной, опершись тонкой, сильной рукой о притолоку. Она не бесстыдна. Но она так и не оделась. Молчим. Только тихо шепчет что-то Синелесье. Не птичьими трелями, не трескотней кузнечиков, не макушками елей. Само.

И я сам ловлю себя на том, что уже почти шагнул назад. В дом.

Рука Ягой легла на косу, и я понял: если я двинусь, только я двинусь к ней — обнять на прощание, резко, как обнимаются, расставаясь навек — в тот же миг я буду убит. Прощание уже было — в избе. Когда просто, сильно посунулся к ней, обхватил за плечи, потерялся лицом о ее черные волосы — ночь ее волос и запах полыни — она провела мне ладонью по лицу.

Все. Я ушел, не оборачиваясь, ведя Буруна в поводу, а за воротами вскочил верхом и ускакал. На Восток.

... Темно-синия листва и фиолетовые стволы деревьев в Роще Прощания. В роще перехода оттуда сюда... А теперь — и навсегда — от нас к ним... Роща, где протекает пограничный ручей Отчаяния, гоня темно-сапфировые волны, с его иссиня-черной галькой и валунами черненого серебра по его берегам. Роща, где навеки задремали бархатно-синие сумерки августовского вечера скандинавских фьордов, шотландских предгорий, славянского ельника в часы заката — да, можно отыскать сравнение, и все же — своя, неоспоримо своя темная синь плескалась между стволов деревьев и перебирала в замшевых пальцах изящной вечерней перчатки темно-синие листья... Невыносимо темно-синия, вечно сумеречная Роща, сразу падающая на самое дно души и остающаяся там навек. Безысходно, мучительно стремясь все снова и снова возвращаться к этой роще вечных сумерек, Роще Прощания, будет плакать душа осенними ночами — во время сбора урожая и на исходе весны, в тех днях, незаметно ныряющих в лето...

А зимой Роща спит. И не видит снов, быть может.

Я неспешно пересекал Синелесье. Отдохнувший Бурун не настаивал на отдыхе, а я жил в его седле. Мы не торопились, но мы и не останавливались. Поспешали, как и заведено, медленно. Понемногу учусь и я. Даже я.

... И туман провожал меня. Но на этот раз он не стоял стеной, не путал небо и землю, а просто тек по земле, доходя до конских бабок. Обычный, закатный туман. На закате же я выехал из Синелесья и углубился в Лес Порубежья, через который мне надо было проехать и

выйти в сторону хоженных дорог, селищ, печиж — я не нуждался в людях, но я хотел знать, что оставила мне война, узнать, двигаясь в Замок Совы.

... Браслет Ягой начал подрагивать на руке, когда стало садиться Солнце. И вскоре после того, как Солнце село окончательно, меня поймала Ланон Ши.

Ланон Ши, мечта, смертная боль поэтов, музыкантов, филидов — тех, кто искренне может любить, кто обладает Силой, не будучи сидом или нежитью. Но она не желала больше ждать поклонения и добровольной смерти — она была голодна и пела для меня. И в ночи, стоя возле окаменевшего Буруна, я увидел ее — поющего охотника за чужой кровью. «Чужой», как отстраненно... Моей!

Битвы тут быть не могло — пение Ланон Ши, имя ее и облик ее попросту сковали мне руки и ноги. Более жертвенно я бы не выглядел и связанный по рукам и ногам. Каприз прекрасной кровососки оставил мне речь, и я сказал. Что мог сказать ей я, герцог Дорога? Правду. Сидам лучше говорить правду. Ее сияющие глаза, острые зубы, пышное облако паутинно-светлых волос, фарфоровое лицо были уже в шаге от меня, когда я сумел-таки высказаться. Напоследок. Не от тоски, не от страха. Я сказал то, во что мне оставалось верить на последней поляне в моей жизни, под пристальным взглядом идущей, плывущей над травой гибели:

— Посуди сама. Неужели я прошел через границы, скитался по Мирам, сражался и убивал, не любил, не дышал, дышал, нашел свой дом, из-за меня гибли и погибли еще сотни — и все это только для того, чтобы насытить собой какого-то певчего упыря?!

Она остановилась на миг. Я так и не узнал, что она хотела мне сказать в этом Лесу Порубежья. Над моим плечом прогудело, лопнул твердый, загустевший янтарем от песни Ланон Ши, воздух и стрела-срезень, с острием в пядь шириной, ударила Ланон Ши прямо в переносье и словно расколола ее прекрасное, фарфоровое, матово-белое лицо, лицо японской куклы, на части, как кукольное же. На кровавые осколки. Вот и все. За моей спиной никого не было. В Лесу был я, Бурун и мертвое тело убитого наповал сйда. Я вскочил в седло и проехал дальше, на миг остановясь над телом убитой «Прекрасной Возлюбленной», не слезая с седла, выдернул из ее головы стрелу и положил ее в переметную суму. Черно-оперенную, аршинную стрелу-срезень, вылетевшую из пустой чащи за моей спиной.

Я не позвал ее. Не поблагодарил вслух. Не надеялся на то, что она когда-нибудь придет еще раз, когда будет нужна. Мне просто повезло. Вот и все. Так было надо. Принял это и поехал дальше.

Утром же мне на пути попался дурень. Тот самый дурень, которому повезло в ночь перехода — когда я правильно сказал, отчего его можно не убивать. Дурень грустно стоял посреди торной дороги, смотрел вокруг себя, не понимая, что более счастливым трудно и быть. Но можно.

Но его счастье было уже отмерено. Рано или поздно, а этот мир убьет его. Скорее, рано. Они чужие друг другу. Это просто баловень. Которому из-за глупого каприза удалось прейти на Кромку в ночи полнолуния. Ягая убьет его на обратном пути. Обязательно.

Бурун рысил прямо к дурню, тот зачарованно смотрел куда-то за мою спину. Миг спустя я понял — не за мою спину, а на меня — судя по всему, я был первым, кто повстречался ему на Кромке — кто доказал ему, что он перешел.

Как же он был... Он был... Гм... Как бы это... Сколько же тоски, боли, муки и надрыва нес в себе этот невысокий гость из другого мира! Даже его сигарета смотрелась умирающей.

Точнее, будучи обречена от рождения, она умудрялась еще и выглядеть умирающей. Умирая.

Сколько бед и тягот он перенес, сколько же побед было одержано над ним там, тем жестоким, чужим миром и сколько величайших надежд было возложено на этот! И он пришел, наконец!

И именно поэтому — из-за надрывов, разрывов, прощальных взоров, побед мира, его следовало немедля же воротить, дурака, обратно. Вот и все. Этому я научился у Ягой, Стражницы Кромки. Слушать себя и принимать себя. Понимать и принимать то, что чувствуешь — и я не ошибался. Дурака следовало вернуть. Я чуял это. Просто так. Сам.

Я поравнялся с ним, вскинул левую руку к небу и громогласно молвил:

— Привет тебе, мужественный странник! Я вижу, что тень того мира омрачила твое чело, и ты думаешь смыть его следы в этом?

— Да, ты прав! — горделиво сказал мне гость из-за Кромки.

— Следуй за мной, смелый странник! Я отведу тебя к мудрому Фиру Дарригу, который лучше знает, куда лежит твой путь! — говорить с дураком надо было именно так, как он того хочет. А он именно так и хотел. Я не Ягая, но человека я чувствую. Человека?! — Ибо я сейчас занят другими делами, а ты нуждаешься в провожатом! Спешу за мной!

И он заспешил. Он просто умирал от страха. Перешел, дурачок?

У первой же попавшейся корчмы я обронил: «Горе! Ляг в бурьян у дороги! В том доме сидит недреманное, неборимое зло, а от тебя все еще так ощутимо пахнет человеком, странник! Ляг в этот бурьян и жди меня здесь!» По правде сказать, бурьяном это назвать было трудно — это был махровый, матерый, ехидный и простецкий чертополох. Смелый странник лег в поименованный бурьян и стиснул зубы. Наверняка, в этот судьбоносный миг, он претерпевал муки и превозмогал испытания. Или как там? Я же подъехал к корчме, жестом отослал корчмаря обратно — тот выскочил прямо на тракт — и негромко позвал: «Дворовый!» Просто верь в то, что получится — и получится. Дворовый незаметной тенью вскочил на столбик у ворот корчмы.

— Позови почтенного Фира Даррига. Быстро. Скажешь ему, что герцог Вейа хочет заключить с ним сделку.

Дворовый повел усами и скрылся в подвале. Оттуда степенно, помурывив меня не дольше, чем следовало, вышел Фир Дарриг.

Я поклонился старичку, тот ответил тем же, подумав немного. Для приличия.

— Почтенный Фир Дарриг! Я понимаю, что оторвал тебя от наиважнейших дел, прости за это герцога Вейа!

— Герцог Дорога не может помешать несчастному сиду. Он волен отрывать его от дел и давать поручения, приказывать, требовать... — Фир Дарриг был явно в годах. Он умел говорить. Причем ставя слова в особом порядке — то есть, его речь была не закончена. Сид и есть сид. Он запросто может договорить так: «Требовать, но это отнюдь не значит, что он это получит».

— Достопочтеннейший Фир Дарриг! Герцогу неловко беспокоить тебя, но на руках у торопящегося по своим делам Дороги внезапно оказался безмозглый смертный. Тебе ли, знатоку, как людей, так и искусств сидов, не знать, как это бывает! — что обозначает примерно: «По твоей части. Не ты ли водил смертных с Холмов?»

— Откуда же мне знать! Я только краем уха слышал о том, что они иногда, если не лгут предания, переходили даже сюда! — сид округлил глаза в ужасе. За смертных.

— Мастерпишога по-доброму шутит над спесивым герцогом — как и должно доброму

по природе сиду. Преклоняюсь перед ревнителем традиций, ни на миг не забывающем о вежестве! Но спесивый герцог сейчас не располагает временем насладиться искусством уважаемого в мирах Фира Даррига! Смертный лежит в бурьяне, в тоске и отчаянии, не понимающий, что творит и, затаив дыханье, ждет решения своей судьбы от почтенного сида, да будут благословенны его предки! Герцог Дорога, как всякий глупый правитель, незаслуженно ставший правителем, к счастью, сумел догадаться, в чем спасение — могучий Фир Дарриг может спасти умирающего от ужаса дурака из-за Кромки, а потом герцог Дорога будет счастлив принять щедрого на добрые дела сида под сенью Замка Сова, лично показав Фиру Дарригу катакомбы под замком — и, само собой, не минуя погребов — если, конечно, там есть что-то, хоть немного достойное внимания искуснейшего из провожатых! — «Нет времени на пустую болтовню. Выведи отсюда смертного и я жду тебя в моем замке, где я вслух — для всех остальных сидов и нежитей Замка Сова — заключу с тобой договор, по которому ты сможешь пользоваться моим погребом, когда пожелаешь, не встречая преград со стороны постоянных обитателей».

Сид явно был наслышан о погребках Замка Сова. Уж всяко не корчме у тракта равняться с ними.

— Герцог Дорога потратил столько времени, уговаривая ничтожного сида, что мне просто неловко даже и упомянуть о том, что сид сказал в самом начале — прикажи, я повинуюсь! — лукавство загорелось в глазах сида. — Если Дорога спешит, то может статься, смертный оценит жалкое искусство Фира Даррига?

— Мало того! Он просто-таки обязан его оценить! Где еще ему может так повезти — не только ознакомиться с великим мастерством Фира Даррига, но и пресытиться им! — я поднял руку к сердцу, и Солнце прыгнуло с кольчуги на браслет Ягой. Сид отшатнулся:

— Зачем герцогу никчемный сид, когда Стражница отметила его своим вниманием?

— Стражница отметила Дорогу, почтенный Фир Дарриг. Но не смертного. Я понимаю, что награда ничтожно мала... — «Я понимаю, о чем ты, но Ягая не ждет этого обалдую на Кромке с распростертыми. Переведи его. За это я и позволяю тебе переселиться в мой погреб».

— Ничтожный сид повинуется герцогу.

— Недалекий герцог от всей души благодарит великодушного к нуждам глупых смертных сида, снизошедшего до назойливого в своей недалекости, Вейя! Я поспешу вперед, по своим ничтожным делишкам, а ты сыщи смертного и вызволи из тенет ужаса и неопределенности нашего лучшего из миров! — «Мне пора. Дурак валяется в бурьяне. Отведи его домой и так проучи, чтоб впредь было неповадно лезть, куда ни попадя.»

Я поклонился серьезному сиду, хранившему невозмутимое выражение, хотя все внутри него пело от восторга — возможность позабавиться и потом до конца дней вкушать награду за привычное дело. А что до Ягой — чтож, она благоволит к Дороге и уж всяко выслушает сида, если накроет их на переходе...

Сиды не нарушают слов и договоров. Я тоже не могу и помыслить о том, чтобы обмануть сида. Хотя оплата велика не по работе... Мы не лжем друг другу — нежити, незнати, сиды и герцог Дорога. И не лжет лучший из миров. Я хлопнул Буруна по крупу и ускакал вперед. На восток.

Меня ждал Замок Сова, мои воины, стянувшиеся, кто еще не убит, к Замку, вассалы, данники, захребетники, закупы, холопы, жены их и дети, само собой, — Соседи — кто еще мог ждать Дорогу?

Мы все вернемся домой. Вернее, мы все вернем дом Дороге, герцогу Вейа.
Герцогу погорелого майората.

Дед своего внука

«День, впрочем, как и любой другой, прошел не зря. Пусть я даже и не успел задать Белоглазому настоящий вопрос^[26] — это позволяет надеяться, что мы еще встретимся, до того, как я умру... Вот ведь... Никогда не думал, что мне суждено умереть у себя дома, что дико уже само по себе... А еще и не в одиночестве и, скорее всего, своей смертью. Х-ха... Можно подумать, что у кого-то бывает и чужая смерть... А значит, что я еще поживу... Успею поговорить и с колдуном... И, что более ценно, со своим внуком... Насколько же он не похож на меня! Насколько же это радует меня! Тут не удастся сказать, что-де, сразу же видно — это внук своего деда... Нет, это как раз тот случай, когда, ставшее для кого-то явным родство, заставляет удивленно воскликнуть «Вот как?!»^[27] А мне хотелось бы, да некому, говорить — да, дескать, так и есть...»

Двое сидели у костра, прямо на траве, неподалеку от порога дома. Двое — один старый и седой, как лунь, с длинной косицей, почти до пояса, падавшей с левого виска — жесткая сила чувствовалась в каждом его движении, несмотря на явно преклонные годы. Человек. Второй — молодость и порыв, изящество эльфа и сила молодого оленя. И, тем не менее, это были внук и дед, два Рори, двое мужчин у вечернего костра, занятых серьезным делом — приготовлением мяса. А так как серьезное дело требует внимания, то и разговор у них начал завязываться только после утоления первого голода.

— Хороший выстрел — негромко бросает старик. — Твоему прадеду бы понравился.

— Да полно тебе, дед... — Молодой смущен — ты бы сам сумел куда лучше.

— У меня было много возможностей для занятий этим. Так много, что я бы охотно отказался от большей их части. Но, повторю — это был хороший выстрел. Я так понимаю, что вы, эльфы, стреляете много лучше людей...

— Иногда, когда ты вот не договариваешь что-то, дед, меня так и подмывает уйти все-таки года на три к людям... Чтобы толком понимать, а не гадать по твоим обрывочным фразам и твоему мечу, чем же ты все-таки сделал себя таким, какой ты сейчас. И каким мне бы хотелось стать...

— Каждый раз, когда я начинаю трепать языком, забываясь на миг, что ты не человек, я потом просто не знаю, как бы только сделать так, чтобы мои слова забылись... Ты даже не представляешь, как тебе повезло с тем, кто ты есть... И еще — тебе повезло, что вокруг тебя хватает старших и мудрых, кто в состоянии тебе это объяснить... Ибо молодые никогда не довольны тем, что у них есть...

— А ты, в твои годы, дед — ты доволен тем, кто ты есть? Если этим недовольны только молодые...

Рори молчал так долго, что Рори — внук уже решил, что совсем пора извиняться, как вдруг дед молча встал, сломал в руках ветку, толщиной в запястье взрослого человека и кинул половинки в костер. Потом он снова сел и буднично проговорил:

— Даже если бы мне пришлось умереть много раньше, нежели, чем это может быть, я был бы счастлив тем, что почти что целый год, я был мужем матери твоего отца — мужем Хельги О'Рул.

Ни добродушного подтрунивания, ни улыбки переоценивающего себя юнца, в котором просто кричит буйная сила Жизни, кричит: «У тебя все будет лучше!» не может быть там, где беседуют о вечном двое мужчин. Особенно, если это дед и внук на Эльфийском Нагорье... Особенно, если внук слушает откровение своего деда, о том, что следует избирать маяком в своей жизни, если ты хочешь быть настоящим мужчиной. Но тут дед твой вскакивает, замирает, как пораженный громом — смотрит куда-то, в вечеряющие поля Эльфийского Нагорья... Что же ты увидел, дед?

«О, Хранители Нагорья... В чем я виноват перед вами или за что вы решили меня вознаградить? Почему, почему, уже в который раз, в эти осенние вечера, я вижу эльфийку, так похожую на мою... На мою Хельгу? На такую, какой она была тогда, когда только еще обещала вырасти в светлое пламя Эльфийского Нагорья?^[28] И всегда лишь по вечерам... И всегда нет никакой возможности догнать ее... Но ведь пару раз мы виделись прямо — таки, вплотную — но... Нет никакой возможности знать все, что преподнесет тебе Нагорье — и, как уже было говорено — то, что ты живешь тут, отнюдь не значит, что ты знаешь всех, кто тоже тут живет...»

Внук, кто она? — С удивлением Рори — внук понял, что дед обращается к нему. Он посмотрел по направлению протянутой руки Рори Осенняя Ночь. Кажется, никого... Нет, кто-то мелькнул, скрываясь за холмом, да, девичья фигура, да... Но уже поздно. И тебе остается только сказать деду, что толку от тебя никакого: «Я не знаю, дед. Я не увидел...»

«Мой внук — эльф. А это значит, что зрение его и слух много превосходят мои... Если он не увидел... То значит, это вижу только я... Тогда все это становится много проще... Но с другой стороны... Мой внук, к счастью не имеет такого опыта войн, как я — он просто мог не успеть сообразить, что я от него хочу... Жители Нагорья не любят, когда кто-то, пусть это даже не то, что зять Рори О'Рула, а и сам О'Рул, беспокоит их. Так что, метаться по Нагорью, чтобы решить, наконец, вопрос, кого же я встречаю здесь, не стоит... Да и незачем гоняться за той, что хотя бы так позволяет тебе верить в очередное чудо Нагорья... Тут нет причины думать, что дух Хельги неуспокоен или же чем-то оскорблен^[29]... Скорее, я просто вызываю ее образ, тоскуя по ней... Или мы оба тянемся друг к другу — она оттуда, где она сейчас, сюда... Но кто сказал мне, что там, где она сейчас, не так хорошо, что там можно и должно забыть Рори? Я, как всегда, слишком самоуверен^[30]...»

— Дед, я давно хотел тебя спросить... Ты расположен сейчас к разговору с твоим докучливым внуком?

Вполне. — Но улыбнуться у Рори Осенняя Ночь не получилось. А потому внук, решив, что дед соблюдает все традиции разговора старшего с младшим, сел на колени поднял руки и скрестил ладони на сердце. Рори Осенняя Ночь, сообразив, что сам виноват в появлении такого рода церемоний в их разговоре, сел напротив в такой же позе.

— Так что ты хотел узнать, внук?

— Я... Хотел спросить... Давно хотел... Как понимаешь, что ты нашел ту, которая навсегда?

«Держи себя в руках, старик... Он не понимает, что просто и легко вложил уголь тебе в рану, так и не зарубцевавшуюся... Он растет и, само собою, что такие вопросы должны беспокоить юношу — эльфа...» — Эти мысли пронеслись в голове Рори Осенняя Ночь, а вслух он сказал:

— Ты сам поймешь это. Даже не так... Вы, вы оба поймете это... Это говорят два сердца и подтверждают Холмы Эльфийского Нагорья... Я боюсь, что разочаровал тебя, но

другого ответа у меня нет.

— Я надеялся узнать больше... Такой ответ мне известен. Я не смею упрекнуть тебя, дед, но я и вправду, хотел бы знать больше. Но если ты не расположен к этому...

— Я больше не держу тебя, внук — мертво-спокойно сказал ты, пользуясь правом старшего прервать разговор... Прежде, чем ты начнешь говорить... Говорить убогим языком человека эльфу... Говорить молодости о том, что видит старость... Говорить молодой крови, что твоя тоже была молодой... Говорить то, что навечно должно быть спрятано двоими... А у тебя — за двоих.

— Рори Майский Лист просит деда простить его молодость и глупость, его дерзость, от которой он так охотно бы отказался и удаляется — И ты знал, знаешь, что Рори-внук не просто проговорил слова церемониального прощания младшего с прогнавшим его старшим. Нет... Ему действительно, страшно стыдно сейчас... И просто страшно, что он причинил тебе боль. А потому:

— Брысь! — Рывкнул ты и внук исчез. Теперь он куда спокойнее вернется домой и сможет заснуть.

Я ли ехал быстро, война ли не спешила, но мне пришлось замкнуть большой круг, чтобы найти ее следы.

Селище было вырезано начисто. Выжжено. Вычищено. Все, до единого человека, остались тут, у своих домов, в своих домах, на пути из селища. Волки Радмарта накрыли селище на заре — мы разминулись в одну ночь, судя по пеплу. И не пощадили никого. Что, собственно, неудивительно — кто слышал когда-то о жалостливых солдатах врага? Слышали? Хорошо, о разгулявшихся наемниках врага, ставших жалостливыми перед младенцем, в которого хорошо опробовать новый лук с полутора шагов, пришили его к матери? Тоже слышали? О ставших жалостливыми оборотнях Северных Топей, вековечных врагах человека, ненавидящих его с рождения, каждый — каждого, неистово, непримиримо не слышал и не услышит никто. Некоторых селищенцев оборотни Радмарта выловили далеко от селища, — может, догнали. Но скорее рыскали вокруг в поисках тех, кто мог понять, что творится в селище по пути туда и спрятавшихся.

Я был уверен, что в селище, вырезанном до последнего голбечника, не сыщутся видоки.

Я был прав.

След они оставили настолько очевидный, что даже мне, Дороге, было понятно: они ушли не туда, куда он указывал. Радмарт шел на восток, к Замку Сова. Но он был вынужден — вынуждал договор, вынуждало его естество — останавливаться, убивать, искать — терять время. Я мог легко догнать оборотней — Бурун просто рвался из-под седла, конь чуял погоню — ему передалось мое желание. Желание герцога, увидевшего своих людей сожженными прямо в домах.

Я не пошел за Радмартом — я должен был обогнать его. Но его путь теперь был ясно виден — он шел облавным кругом — все герцогство он охватить не мог, но старался отметить везде. Людей у меня будет поменьше, чем хотелось бы, но может быть, побольше, чем ожидалось — если воины Хелла не будут настолько же расторопны, как Радмарт.

А Осень старалась скрыть улыбку войны, натягивая паутинки на небеса и землю.

Селища, деревни, печища, усадьбы, заимки — много, много попадалось мне еще тропленных следов Радмарта. Много. Но меньше, чем я ожидал. У Замка Сова меня встретил немало воинов. Или тех, кто хочет ими стать. Или тех, кто ими станет. Это мой дом.

Ночь догнала меня в дубовом лесу. Очередная ночь. Я не спал. Майорат страдал и мучился и я, его государь, терпел такую же боль, мешавшую мне спать. Ненависть же Вейа достигла уже своего, как мне казалось тогда, апогея — я боялся выезжать на дорогу, чтобы не убить кого-нибудь просто так — настолько жадно «Крыло полуночи» искало оборотней Радмарта. Сам же Радмарт искал в ту же пору меня.

Он потерял меня у Леса Порубежья, рыскал вокруг все время, что я провел у Ягой, и мь чудом разминулись, когда я ушел от нее. Он искал меня один. Он не мог и помыслить, что кто-то из его оборотней убьет меня. Кто-то — а не он. За мой выкрик с обрыва. За растерзанного на стене Замка Вейа оборотня — это, как выяснилось, дало дорогу схожим попыткам — оборотней можно было убивать, и их убивали. Больше, чем они вообще могли ожидать. Убивали за майорат Вейа.

«Вейа-лала, лала-лейа, вейа-ла-лейа, ла-ла!» — всплыла в моей голове строчка давно

забытой песни.

Это я произнес вслух и с дуба над моей головой раздался знакомый, желчный голос:

— А ты хоть знаешь, откуда пошло это — «Вейа»?

— Шингхо!

— А кто же еще?! Кто еще мог не полениться и найти тебя, Дорога, в твоём убогом убежище? Я уже давно отчаялся понять, как ты уцелел. Тем более не могу понять, как ты до сих пор жив! Это же додуматься — прорваться из замка, пройти горы, уйти от оборотней и застрять на Кромке у Ягой! Как тебя не перехватил Радмарт — даже представить себе не могу.

— Радмарт? Он ищет меня?

— Он идет за тобой. Можно сказать, топчет твои следы.

— Я останусь тут и избавлю его от ожидания!

— Еще одно, не требующееся доказательство твоей непроходимой дури. Кого тогда будут ждать у Замка Совы, если Радмарт бросит твой труп здесь, в лесу?! Пока по-другому не получится, тебе не устоять против Радмарта. Куда ты шел? К Замку Совы?

... Я шел к Большим Совам. В этом мире у меня не было больше друзей, а Шингх оставил меня...

— Вы сами называли меня своим другом... Я не знаю, что вы подразумевали под этим, но я должен был придти к вам... — ответил я.

Шингхо слетел на землю и, склонив голову, посмотрел мне в глаза.

— Ты говоришь правду, — сказал он. Я даже и не подумал обижаться. — Но на самом деле тебе там нечего делать. Просто нечего. Шаг этот уже пройден. Мы идем теперь немного не туда. Точнее, совсем не туда. Вставай, Вейа. Времени почти нет. Только скажи мне — чему ты научился за то время, пока меня не было?

— Только слушать себя и принимать себя. Временами.

— Гм... Могло быть и хуже, конечно, так что и это утешает. Но могло быть и лучше... Нет, не могло, — решительно сказал Шингхо и схватил с тряпки кусок вяленого мяса. Проглотив добрую половину моего ужина, он негромко сказал: «В мирах нет воинов и не воинов, героев и не героев. Есть лишь полностью сложившиеся обстоятельства, идеальные для каждого, отдельно взятого человека. Само собою, что подготовленность тут играет немалую роль».

— К чему это ты? Извини.,- я почти вовремя спохватился и Шингхо удовлетворился лишь тяжелейшим вздохом.

— Вставай, Вейа. Ты торопишься. Твои люди уже почти собрались у Замка Совы, и нам надо — точнее, тебе надо, успеть еще кое-куда. Так что седлай своего коня и следуй за мной.

Шингхо тяжело оттолкнулся от листьев и взлетел вверх, описывая круги надо мной. Я быстро собрал свои разложенные вещи — плащ, чистую тряпицу, служившую скатертью, прицепил «Крыло Полуночи» к поясу и вспрыгнул в седло.

— Когда я соберусь умереть, — сказал Шингхо с ветки, на которую успел сесть, — я попрошу тебя сходить за моей смертью, Дорога!

Гнать коня ночью по лесу — спешиться или сломать себе шею. Так что я тронул Буруна не спеша. Шагом. Шингхо долго терпел, улетаая и прилетая, но дождавшись, когда мы вышли на опушку леса, сказал:

— С такой черепашьей ездой мы будем добираться до места неделю. Недели у нас нет. Делаем так. Я лечу вперед, ты идешь точно вслед за мной. Скоро рассветет, так что у тебя

прибавится прыти, я надеюсь. Двигайся, пока не доедешь до соснового бора. В нем — в том же направлении, ты найдешь Сломанную Сосну Лесного Старца — ее ни с чем не спутаешь, а мимо даже ты не проедешь. А какой-нибудь друид возле просто умер бы. По дороге у тебя будет несколько лесов и рощиц — проезжай насквозь, не останавливайся. Сосновый бор, думаю, даже ты отличишь от перелеска. К тому же, по пути тебе — точнее, поперек дороги, будет речка Зеленая. Бор начинается почти сразу за ней. Не останавливайся в пути, тогда у Сломанной ты будешь к вечеру. Жди меня там и никуда — вообще никуда! — от нее не уходи.

На этом Шингхо закончил разъяснения, тяжело оттолкнулся от земли, взлетел и полетел на юго-восток. Я направил Буруна четко за ним — можно сказать, вслед.

Рассветало. Бурун шел рысью, а я спокойно смотрел по сторонам — просто так. По привычке. Обидно будет проморгать дракона или единорога... Или сдуру не увидеть цепочку серых теней, вышедших мне наперерез, к примеру. Радмарт, думаю, тоже может двигаться с моей скоростью — если перекинется. А он так и сделает — я бы сделал именно так. Выигрыш и в чутье, и в скорости.

Время от времени я шлепал жеребца по крупу, добавляя скорости, и в конце концов, Бурун перешел на крупную рысь. В галоп его пускать нужды пока не было.

А дорога была хороша — бескрайние поля, почти степи — почти оттого, что обочь моего пути, а несколько раз, как и сулил Шингхо, поперек дороги, попались лесистые островки. Я проезжал их насквозь, бездорожно — как и велела сова.

Степи, степи... Почти степи — в конце концов, разве это так важно? Лес тут случайный гость, в этом вклинившемся в лесное раздолье, степном клине...

Ковыль волнами шел вслед за ветром, неизменно отставая, но не останавливая своего бега. Когда ветер упадет в траву на закате, он его догонит. А запах полыни, растоптанной Буруном, поднимался так сильно, так влекуще, что я с трудом сдерживался от того, чтобы остановить коня и спешиться. Упасть в траву. На спину. Просто смотреть в небо — молча, ни о чем не думая... Осень. Степь. Ковыль, рябью бегущий по степи, полынь, так пахнувшая с недавних пор Ягой, чабрец — все это настоящий искус. А степь это вожденная или почти степь — да какая разница? Какая разница, сид или нежить? Какая разница — Фир Дарриг или уводна? Ланон Ши или простой упырь? Перепев извечен... Что стоят имена и названия? Посадить, что ли, полынь вокруг Замка Вейя, когда я туда вернусь? Ведь это мой замок. Мой дом. Я не могу туда не вернуться. Он будет ждать меня, как ждут сейчас в Замке Совы, как ждут мести убитые при осаде воины и женщины и дети, которые ушли перед осадой и которых догнали-таки волки Радмарта — так сказал Шингхо. Как ждут мести и погребения люди сожженных селищ и убитые или погибшие при резне нежити, отказавшиеся принять позор и уйти. Как ждет погребения тот колдун, которого за ноги прибили на дверях его дома — вниз головой. Видимо, искали золото, а может, убили просто так. А простой травник не противник оборотням. Вряд ли он был старше меня. Я нашел его в одной из рощиц, которые пересекал по пути.

По степи, ножом рассекая ковыль, шел неутомимой охотничьей рысью огромный, серо-белый волк, с седым ремнем вдоль спины и совершенно желтыми глазами. Он на несколько часов отставал от темно-фиолетового всадника на черном, словно смоль, крупном боевом коне. Но расстояние неумолимо сокращалось. Волк временами останавливался, нюхал то траву, то воздух, но потом вновь неотвратимо шел по следу. Вот он сделал скидку в сторону, потеряв на миг запах всадника, беспокорно покрутился почти вокруг себя, нашел искомое и

вновь крупной, страшной пробежкой пошел вдогон. Остановился на высоком холме, долго всматривался вдаль и, видимо поняв, куда держит путь черный жеребец с темно-фиолетовым всадником, уже не приносиваясь, просто побежал вдогонку. Поравнявшись с распятым колдуном, помочился на стену дома, оскалил в улыбке белые клыки и вновь пустился в путь, неотвратимый, как пал в сухом лесу.

Степь понемногу все больше опиралась на холмы — до взгорий было еще далеко, но горизонт то становился ближе, то вновь убегал. Потом холмы неумолимо пошли под уклон, пахнуло свежестью от реки — пока невидимой. Я понял, что сосновый бор — цель моего пути — уже недалеко.

Еще немного — и начнет смеркаться. Я вновь пустил коня крупной рысью, почти галопом.

Серо-белый волк с седым ремнем сменил направление и побежал уже не охотничьей рысью, а очень быстро — в азарте погони. Если бы кто-то не поленился взлететь в небо и посмотреть с высоты полета орла, то увидел бы, что путь волка пересечет воображаемую линию пути герцога как раз в сосновом лесу.

Дорога остановился у берега реки Зеленой, порылся в котомке и, прося вслух разрешения у Водяного Хозяина перейти реку, бросил краюху в воду. Выждав некоторое время, чтобы увериться в мирном настрое местного Водяного, он спешился, снял броню, закутал ее в кожаный плащ и убрал сверток в непромокаемую переметную суму, которую затянул потуже, сверху пристроил меч, переместил вьюк на середину конской спины и вошел в реку, ведя жеребца в поводу. В воде он поплыл рядом с Буруном, пльвщим легко и охотно, держась за гриву. Пересек реку, отряхнулся, снарядился, вскочил в седло и снова поехал верхом, несколько раз шлепнув коня по крупу, отчего тот перешел на легкий галоп.

Радмарта задержала река: вьюк с мечом, притаченный к волчьей спине, неминуемо нырнул бы в воду, и ему сначала пришлось перекинуться в человека. Он переплыл реку, держа меч высоко надо головой. Правда, в реку он ничего не бросил и на середине своего пути угодил в коварный водоворот. Воронка и нелюдь спорили какое-то время, но свитое из железных веревок тело Радмарта превозмогло игру Водяного, и оборотень вышел на берег, отряхнулся, как отряхивается волк, выйдя из воды, перекинулся в волка же и побежал своим путем. Он срезал угол и немного отстал от Дороги — теперь придется приналечь, чтобы догнать всадника в лесу — кто знает, куда идет герцог, а в чистом поле его будет трудно догнать.

Я въехал в сосновый бор перед тем, как небо начало темнеть. Браслет Ягой чуть-чуть подрагивал — как тогда, на выезде из Синелесья — сам по себе, не в такт шагам Буруна. Я чуял погоню, и мне хотелось бы у Сломанной Сосны встретить Шингхо. Несколько раз я вставал на стремях, а пару раз — на седло и осматривался. Никого. Понятно и то, само собой, что Радмарта я первым не увижу. Оставалось положиться на свое и конское чутье и поудобнее пристроить «Крыло полуночи» у правого бедра.

Тяжкий стон, сквозь сжатые зубы и закушенные губы, стон, выжатый неумолимой болью, донесся спереди — прямо из овражка, в который шел Бурун. Ветер пахнул нам навстречу, и боевой конь всхрапнул — что-то не понравилось ему, но он не остановился. Его трудно напугать.

Уводны? Я видел их игры, могу себе представить, как легко они застонут терпящим смертные муки человеком... Да, возможно, уводна. Возможно, человек — все возможно.

Если бы стонали откуда-то сбоку — я бы проехал мимо. Но стонали прямо передо мной,

и волей-неволей, мне пришлось спускаться в овраг, чтобы не сходить с «тропы Шингхо» — ищи потом Сломанную в незнакомом бору!

Радмарт услышал трудный стон чуть ли не раньше Дороги. Он не мог ошибиться — стонала щенящаяся волчица. Кровная родня. Как бы не поспешал теперь Радмарт, он понял, что Дорога будет там много раньше его. И что он сделает — гадать не приходится. Ему не за что особенно любить теперь волков ли, оборотней ли... Радмарт закусил губу — чтож, он накроет Дорогу у трупы волчицы и поквитается сразу за все.

Бурун резко встал, и я увидел ее — крупную, серую волчицу, лежащую под вывороченным с корнем деревом. Она стонала, как человек. Схватки. Очень вовремя. Как раз у меня по дороге, не надо ни сворачивать, ни останавливаться. Чуть лишь толкнуть Буруна пятками. Но Бурун пошел вперед сам. Мой конь...

Мало ли беременных баб или молодых матерей пожгли оборотни Радмарта в своей облавной охоте на майорат Вейя!

Волчице некуда деться — разве что под копыта Буруна, зло прижавшего уши. Но тут потуги снова взяли волчицу в жестокое кольцо, и она закричала нутряным, кровью обливающимся криком. Бурун неуверенно всхрапнул и свернул в сторону. Тогда я спрыгнул с седла.

Что-то странно ценится эта тварь для волчицы. Очень странно. Выживает сильнейший: рожай каждая волчица с такими трудностями, волков было бы раз-два и обчелся. Схватка снова прекратилась. Волчица оскалила на меня зубы, подплывая кровью. Что-то словно подернуло ее рябью — и передо мной на листве оказалась молодая брюхатая баба, скорчившаяся и смотрящая на меня по-прежнему со звериной тоской. Свою дальнейшую участь она понимала ничуть не хуже меня. Она узнала меня, губы дернулись в ярости: «Вейя! Дорога!» — сухим от боли горлом рыкнула она. Отрубить этой сучке голову или просто ткнуть сапогом в живот, прежде чем вскочить в седло? Стоит большего? Кто из них стоит большего? Я шагнул вперед.

Радмарт не успевал. Он уже понял, кто рождает в лесном логове по пути государя Дороги. Всегда расступавшиеся на его пути ветви и кустарник, казалось, сговорились между собой — они сплетались в любовной неге как раз на пути у разъяренного оборотня, приглашали и его в игру и очень настойчиво — шерсть вожака летела клочьями, оставаясь на шипах осеннего терна.

Они убивали всех, кого могли поймать. Всех до единого. Они убьют и меня, если смогут. Что, тварь, ты не желаешь просить за своего щенка? За себя тебе просить бессмысленно. Тут я понимаю, что она уже попросила — став человеком. Это был шаг отчаяния.

Я не пожалел бы раненого оборотня. Но эта оборотниха мне лично ничего не сделала. Никогда не убивай просто так. Или только за то, что кто-то принадлежит к твоим врагам. И хотя левая рука уже просто вкипела в рукоять меча, я вскочил в седло и проехал дальше, вверх по склону. Не оборачиваясь, чтобы руки не оказались быстрее головы. Браслет Ягой просто-таки дернулся и затих.

В спину медленно рысившего черного коня с темно-фиолетовым всадником, не отрываясь и не мигая, смотрели желтые глаза Радмарта. Он больше не спешил. Он догонит Дорогу у замка Совы. А пока надо помочь оборотнихе.

Что да, то да! Шингхо не соврал и не преувеличил — Сломанная потрясла даже меня. Невообразимо толстое дерево со сломанной вершиной выросло на поляне. Даже сломанное, оно превосходило ростом соседние деревья — мачтовые, вековечные сосны. А сломано оно было, если верить своим глазам, где-то у середины. Как ему так повезло? Толщина его переворачивала все мои старые представления о соснах. Чтобы обхватить его, понадобилось бы много народу. За дюжину взрослых мужчин я, пожалуй, поручусь. Интересно, отчего сломана именно она? Она не одиноко стоит на каком-нибудь взгорье, где могла бы стать жертвой ярости какого-нибудь небывалого урагана — она стоит в лесу, защищенная своими, пусть куда более скромными, но товарками со всех сторон.

— За что ты пострадала, Сломанная? За гордыню? Или раньше ты стояла тут одна, а этот лес вырос уже после — это твои дети? — вслух спросил я. — Да, многое не так, как видится — ты еще жива и продолжаешь расти, увеличиваясь в толщине — значит, можно превозмочь и кажущуюся смертельной рану, ты это хочешь сказать? Или то, что на каждую силу может найтись еще одна — превосходящая? Стоя у твоих ног, Сломанная Сосна, можно учиться непрерывно...

— Да уж, — раздалось с ветки над головой. — Я думал, что тут спят любой друид, а заклинило целого герцога! Давно ли ты повадился сам с собою трепаться вслух, герцог? Или это еще не все твои сокрытые доблести?

— Шингхо...

— Мы не виделись почти целый день, Дорога. Скажи мне, чему ты успел научиться по пути?

— Что иногда для убийства требуется причина. Сегодня я такую не нашел.

— Чтож, не так плохо, как могло быть. Кстати, тебе это может показаться не вовсе уж безынтересным. Пока ты щадил оборотнику, родившую, кстати, Радмарту нового воина, погиб Фир Дарриг.

— Какой из них?

— А ты разве водился с несколькими, или ты приглашал в Замок Совы всех Дарригов, попадающихся тебе по пути?

Я понял. Погиб мой недавний собеседник, которого я подкупил и подрядил на проводы дурня из-за Кромки. Мне стало больно. Больнее, чем когда я нашел колдуна, прибитого на воротах собственного дома. И, кажется, больнее, чем когда я проезжал по горелым селищам своего майората.

— Как это произошло?

— Оборотни Радмарта, искавшие тебя, за версту учуяли дурака, которого ты решил опекать. Они пустились в погоню. Выполняя свою часть договора, Фир Дарриг встал на их пути.

— Они убили обоих? — чтоб твое имя забыли твои же родичи, ублюдок из-за Кромки! Маленький сид был обречен в схватке с оборотнями — но он и не подумал спастись. Дело тут не в погребях герцога Дороги. Но он вправе был рассчитывать на некоторые трудности с Ягой, а не на битву с волками Северных Топей...

— Нет. Фир Дарриг, пользуясь правом сида, открыл Кромку и успел выкинуть дурака отсюда. Но собраться для нового пишога он просто не успел. Они разорвали сида в клочья.

— Когда я поймаю первый десяток оборотней, я наделаю из их шкур барабанов! Но отчего сид не ушел вместе с ним?!

— Он выполнял ваш договор, Дорога. Он должен был удостовериться, что дурак в безопасности. Это задержало его. Договор должен быть выполнен, это Закон, а законы не нарушают, герцог.

— Да ну? А Хелла?

— А ты, к примеру, хочешь разделить его судьбу? Я бы не торопился на твоём месте. Если ты вошел в заброшенный дом, и на тебя с порога не кинулись оголодавшие упыри, это еще не значит, что все так и будет хорошо и дальше. К примеру, в погребке. Пойми — ты можешь себе представить одновременный сдвиг всей земной коры? Такой, чтобы городище Вейа оказался на корнях селища Сломанного Ясеня? Нет? Можешь? Отлично. Вот это что-то вроде того, чем является нарушение некоторых законов.

— Ясно. Тогда вот что, — я встал на стремянах, я не успел еще спешиться, и громко и четко произнес: «Сид Фир Дарриг погиб, выполняя договор, заключенный со мной, герцогом Вейа. Я, герцог Вейа, говорю во всеуслышание: я признаю наш Договор действительным для членов семьи погибшего сйда и почту за честь принять их в Замке Сова — или в любом другом, по их выбору. Я, герцог майората Вейа по прозвищу «Дорога», сказал и сказанное мною верно».

Шингхо помолчал некоторое время, а потом сказал: «Ты правильно сделал, Дорога. Но ты хоть представляешь себе, сколько детей может быть у сйда?»

Я не представлял. Мне было попросту все равно. Сид погиб из-за людской глупости. Принесла нелегкая сюда того дурака, за которого просто так заступился другой дурак... Просто так, конечно, ничего не бывает, но Ягая оказалась права — ходок из-за кромки был редкостным счастливецом. Надеюсь, он не угомонится и сделает еще попытку — чтобы Ягая смогла, наконец, остановить его раз и навсегда. А сколько сидов, нежитей, незнатей полегло в этой войне?! Люди никогда не были добрыми соседями Соседям, х-ха, хотя больше всего любят валить все жестокое, злое, неожиданное на них — нежитей, сидов, незнатей. Да им всем вместе не угнаться за человеком, даже если они зададутся такой абсурдной целью!

Шингхо понял, что подначка не удалась, и сердито, словно я задерживался ради забавы, сказал: «Слезай с лошади и иди следом за мной!» — на чем слетел на землю и пошел пешком.

Что я и сделал, будучи уверен, что долго наш путь не продлится. И я оказался прав, так как Шингхо попросту стал ходить вокруг Сломанной, бормоча себе что-то под нос на родном, видимо, языке — так как я ни слова не понял. Внезапно, прямо передо мной оказался сруб — но бревна были не положены друг на друга, а врыты в землю — одно к другому, казалось, нож не войдет между ними — но кто-то все же умудрился наткнуть в щели мох. Ни единого окна не было прорезано в стенах сруба — но прямо на нас смотрела, с высоты крыльца, огромная дверь, чуть приоткрытая. Как раз настолько, чтобы прошел взрослый человек или Большая Сова. На бревна же этого циклопического сооружения пошли явно старшие сестры Сломанной Сосны.

Дом был стар. Мне уже было понятно, что это не просто сруб, а дом. Вернее, Дом Очень стар. От ступеней, от бревен его стен, от петель на двери, даже от мха в пазах ощутимо тянуло дыханием тысячелетий. Я привязал коня к росшему тут же кустарнику. Шингхо одобрительно (как я вообще понимаю его эмоции — затруднюсь сказать!) покосился на меня и приглашающе простер крыло к ступеням крыльца: «Взойди».

Огромные, под стать Дому, ступени тоже не были в восторге от меня — как и ступени другого крыльца, на которое я всходил как-то — невообразимо давно. Если на крыльцо Дома Больших Сов всходил перешедший Кромку беглец, то на ступени этого Дома — чьего, интересно? — старался взойти герцог Дорога, уже получивший множество уроков и даже усвоивший часть их. Я поднялся наверх, Шингхо взлетел ко мне и, как и тогда, пошел впереди меня.

Но тут — ни вокруг Дома, ни в самом Доме, нам не попало ни единой Большой Совы. Казалось, Дом пуст. Но Шингхо уверенно шел и шел вперед, а я поневоле поспешал за ним.

Внутри Дома было сухо и прохладно. Не пахло, как можно было бы ожидать, прелой древесиной. Царил обязательный полумрак, хотя я ожидал, по чести говоря, или кромешной тьмы или же противоречащего всему внешнему, ослепительно-блистающего внутреннего убранства. Не тут-то было. Сухо, прохладно, велико — иначе не скажешь — и темновато.

Оказывается, я пробыл на Кромке уже достаточно, чтобы научиться принимать то, чего не избежать, как сейчас. Если на пороге Дома Больших Сов я подумывал о грядущей ужасной смерти, то тут я просто шел. Глупо было таскаться со мной столько времени, если бы меня хотели убить. Скорее всего. Или это было бы глупо по моим меркам? Мерки тутошних обитателей могут оказаться неизмеримо намного пространнее... Под стать Дому.

Шингхо остановился перед створками дверей, преградивших нам путь, что-то сказал по-своему и поклонился. Двери, терявшиеся во мраке, клубившемся под потолком, заскрипели и распахнулись.

Бок о бок — Шингхо подождал меня для этого на пороге — мы ступили в зал.

— Дом Великих Сов, — четко, но негромко сказал Шингхо, твердо глядя перед собой.

И тут я увидел их — сперва приняв за статуи, искусно резанные из темного дерева. По кругу огромного зала сидело, как и в первом Доме Сов, одиннадцать птиц. Двенадцатая, закрыв глаза, сидела прямо напротив меня — в центре комнаты. Перехватило дыхание. Что-то ненастоящее почудилось мне в происходящем. Нет, Великие Совы были самыми настоящими, самой настоящей была и Старшая Великая Сова. Не менее правдиво уверяли меня в этом стены и полы Дома — потолков я не видел, там царила непроглядная тьма. Но что-то говорило — негромко, но уверенно — здесь что-то не так.

Я шагнул вперед. Сова, сидевшая в центре зала, резко и хищно посунулась ко мне. Я не шевельнулся. Она не открыла глаз.

— Да, Шингхо, ты прав. Он умеет бить быстро. И он чувствует, что здесь что-то не то, — сказала Великая Сова, которая упорно не желала открыть глаза — Кое-что он может. Но чему он научился здесь, Шингхо?

— Я научился здесь тому, что надо принимать то, что неизбежно.

— Ты уверен? — голос Великой Совы явно таил издевку. Но здесь все словно бы издевалось надо мной, спрашивало жестким спросом, подавляло величинами и непонятностью происходящего.

— Нет. Но я научился этому. Еще я научился тому, что для убийства иногда необходима причина.

— Кое-что, кое-что... И все?

— Еще я понимаю, что мне легче убить человека, чем нежить. Это я понял сегодня. Вспоминая волчицу, что пощадил в Бору. Меня остановило не только то, что для убийства необходима причина.

— Гм... И ты уверял, что самое время приволочь его сюда, Шингхо? — негромко

спросила Великая Сова, повернув к Шингхо голову с закрытыми глазами.

— Да. Я и сейчас говорю это, — ответил Шингхо.

— Еще я знаю, что нельзя нарушать Законы. Что нет героев и не героев. И также то, что надо чаще говорить: «Я не знаю. Я не понимаю».

— Уже лучше...

— Еще я знаю, что название не всегда отражает суть, хотя часто соседствует с нею.

— Хорошо. Все? — Великая Сова кивала головой каким-то то ли своим мыслям, то ли просто так, по привычке. Остальные Великие Совы молчали и лишь посверкивали глазами.

— А еще я знаю поговорку. «На единорогах не пашут».

— Знаешь? — недоверчиво спросила Сова.

— Да.

— Повтори ее, если знаешь, — что-то совсем уже малопонятное творилось в этом зале.

— Я только что произнес ее, — что бы тут не происходило, я герцог Дорога, а не мальчик для забавы пусть даже самой Великой Совы на свете.

— Хех, дерзок. Хорошо... Скажи мне, откуда пошло слово «Вейя»?

— Я не знаю этого, — я вспомнил, что Шингхо уже задавал мне этот вопрос и при чем не так давно. — Но может, пришло время дать мне этот урок, Великая Сова?

— Может... Слово «Вейя», ставшее твоим именем здесь, происходит от слова «Хайя». Что оно говорит тебе, герцог Дорога, а?

— Это похоже на боевой клич.

— Да. Это он и есть. Точнее, был. Это был боевой клич одного чужака. Потом это слово долго странствовало, как и боевой клич, и как часто бывает со словами, стало меняться. Теперь это «Вейя» — твое имя — еще раз повторила Великая Сова.

— Спасибо, Великая Сова. Теперь я могу сказать, что я знаю это?

— Пока еще нет, хех. Так как никто этого у тебя еще не спрашивал. Смотри лучше, — не открывая глаз, Великая Сова махнула крылом и прямо передо мной возникла подставка. Мореного, благороднейшего дуба, тяжелая, прочная и сделанная без единого гвоздя. На ней возлежал двуручный меч. А еще я заметил, что пол зала выложен гранитным ромбиком. Да, важная деталь...

— Ну? — выжидательно спросила Великая Сова.

— Что я должен сказать?

— Лучше ничего, — тяжело вздохнула Великая Сова, но глаз не открыла, лишь чуть сместилась вправо, за подставку. — Пока помолчи. Посмотри на него. На меч. И еще раз вспомни, чему ты научился здесь, на Кромке. Шингхо клялся, что это ты тоже знаешь.

Я задумался. Меч. Сова. Великая Сова. Шингхо. Я явно откуда-то знал этот меч, но не мог сказать, что еще я выучил в своих зубодробительных уроках здесь, на Кромке. Разве что...

— Помолчи, — брюзгливо сказала Великая Сова. — Успеешь. Подумай еще. От этого кое-что зависит.

— Что? — все-таки я не говорил, а спрашивал.

— Судьба майората Вейя. А теперь заткнись. И думай.

Минуты кинулись одна за другой вокруг подставки. Вокруг Великой Совы. Вокруг меня. Молчала Великая Сова, помалкивал Меч, смотрели на меня Великие Совы, утих Шингхо. Молчал и я. Что еще я смог усвоить?

Ответ стукнул меня совершенно неожиданно. Как ему и положено. Раз меня

допрашивают, то это неспроста. А раз так — то это для чего-то надо, так как ничего просто так не бывает. И темнота под потолком на миг показалась мне разбросанными по полку черными прядями Ягой. Не хватало только ее звериной улыбки.

— Я не знаю этого меча. Но ты что-то должна сказать мне, Великая Сова.

— Да ну? — восхитилась Великая Сова.

— Да. Потому, что ничего просто так не бывает.

— Шингхо не соврал, хех. Да. А теперь еще немного послушай.

— Тебя? Меч?

— Шингхо.

— Вот он, меч, — как-то скучно сказал Шингхо, к тому же, словно бы и безо всякой связи с предыдущим разговором. Остальные Великие Совы тоже смотрели на меня, мягко говоря, незаинтересованно, словно они были вынуждены тратить на меня время, в этом небольшом, для них, выложенным гранитными ромбиками, зальце, вместо того, чтобы заниматься чем-то куда более приятным и интересным.

— Какой меч? — осторожно спросил я.

— Тут только один меч, — еще скучнее и монотоннее сказал Шингхо.

Меч тут и в самом деле, был один. Тяжелый двуручный меч, с длинным поперечником эфеса. Он был почти что ничем не украшен, лишь по длинной его рукоятки вился «кельтский», вытравленный на металле, узор. Узор был абсолютно четок и цел, могло бы показаться, что меч еще молод. Но это было не так. Меч был стар. Вытянутое, мертво поблескивающее лезвие его тоже не имело ни единой зазубрины — могло показаться, что меч этот так всю жизнь и провисел в этом зале. Но и это было не так — передо мной, на подставке мореного дуба, покоился меч, знавший цену мгновениям.

«А Великая Сова, сидевшая справа от него просто не открыла глаз», — вдруг подумалось мне. Будто бы это тоже что-то значило. Я уставился на Великую Сову. Та, казалось, спала. За спиной терпеливо ждал чего-то, безмерно надоевшее, но необходимое, Шингхо, а Великие Совы молча смотрели мне в глаза. Все до единой. Сидя по полукругу вдоль стены. Полукруг разрывался спящим на мореного дуба постели, мечом. А справа сидела Великая Сова, не открывшая глаз.

— И что? — спросил я. Они стучались в закрытую дверь, которую я боялся открыть.

— Что — «что»? — терпеливо спросил Шингхо. — Что «меч»? Это меч Рори. Рори-Чужака.

— И? — я тянул время, непонятно отчего, страстно желая, чтобы открыла глаз самая старая Великая Сова. Но она и не думала хоть как-то признать мое присутствие.

— Везет тебе, Шингхо, — раздался веселый голос слева. — И где ты только взял такое негибкое создание? Он, кажется, в самом деле не понимает, о ком речь.

— Запросто, — согласился Шингхо. — С него станется.

— Я не понимаю, о каком Рори вы говорите... — почти безнадежно проговорил я.

— О Рори О'Роурке. Рори Осенняя Ночь. Когда-то ты рассказал о нем.

... Калейдоскоп встал на свои места. Я понял, о ком они говорят. Мне стало страшно. Мне снится? А если нет? Страшнее?

— Но Рори Осенняя Ночь выдуман мной!

— В жизни своей не видел более упрямого существа! — в сердцах сказал кто-то сзади. — Ты что же — серьезно думаешь...

— Неужели ты хоть на миг способен вообразить, что простой человек — пусть даже

герцог Вейа и друг Сов способен одолеть в драке Северянина? Да еще так — загрызть?!

— Говорят, что когда-то эринские Дини Ши были богами... — цитата была знакомой, но что-то еще не складывалось...

— Ты всерьез готов спорить с тем, что пред тобой Полукруг Великих Сов и меч Рори Осенняя Ночь — потерявшегося когда-то в жерновах миров камушка — Дини Ши? Пройдя все, что прошел, ты можешь не верить?! — спросил Шингхо. Казалось, ему стыдно за меня, хотя остальные понимали его прекрасно и не думали укорять за тупость его приятеля-ученика.

— ... Затем стали витязями, не знавшими поражения в битвах, — вещал кто-то из Великих Сов негромко...

— Скажи мне, Дорога, что сильнее всего тебя выживало из того мира?

— Недоумение.

— А еще?

— Одиночество. Бездомность.

— Хватит человека! Скажи сам, наконец!

— Пустота.

— Отсутствие цели, проще говоря? Иначе мы не достучимся до него, — пояснила Великая Сова взволнованно заголосившим Совам. — Не достучимся, оттого что я проломил его башку.

— Да. И непонимание недостающей цели.

— Да. Именно. Теперь.

— Теперь... Она есть...

— Такой же упрямец, как и сам Рори. Сними меч с подставки, — молчавшая дотоле Великая Сова вдруг открыла свои абсолютно белые глаза. Но в голову почему-то не пришло назвать ее слепой. Я повиновался, не раздумывая, и меч проснулся. Полыхнуло в голове, проясняясь, что-то не то, чтобы забытое, а тщательно забываемое поколениями. — Думаешь, меч дался бы кому-то, кроме родовича Рори? Род Рори Осенняя Ночь пошел наперекор всему — упрямство Дини Ши, любившего Хельгу О» Рул — он мог любить, так как это был угасающий уже тогда род — эринских Дини Ши! Немного от сйда досталось уже и Рори Чужаку. И тот сид остался с Хельгой, а не ушел с братьями — и те отпустили его. Перекрестные браки. И род почти вымер. Кровь сидов почти выгорела в человеческих войнах. Род Рори стал родом Вейа, а затем почти прекратился.

— Но при чем тут я?! — я искренне боялся. Чего?! Не понимаю. Человек во мне отчаянно спасался от самого себя, видимо...

— При том. Что стало с тобой здесь, на Кромке? Ты понял свою цель, человек?

— Нет. Но путь к ней стал яснее.

— Да. Именно. Путь, но не цель. Последний Дини Ши Кромки, зацепившийся в крови людей и дремавший, пока в нем не было нужды. Просто переходил из поколения в поколение, до тех пор, пока род Вейа не угас — старый герцог умирал, а его наследник околачивался по другую сторону Кромки, занимаясь всякой ерундой. Ненужный там подчас самому себе.

— Сид?

— Сид. Если станет легче, можешь назваться нежитем. Разницы никакой. А еще горшком, кстати. Да, пару ты нам задал. Перекрестные браки Соседей и людей сделали что-то странное — раньше в таких случаях кровь сйда убивала людскую враз. А ты и сейчас еще

пахнешь человеком. Оставляясь сидом. Я не понимаю этого. Но принимаю. Как примешь и ты. Может, ты и меня не узнал? — в голосе Великой Совы явно звучал сарказм его величество. Калейдоскоп еще таил в себе несколько сюрпризов, судя по всему. Так как казавшаяся совершенной картинка вдруг стала еще четче...

— Белоглазый?! Фомор?! А как же одна...

— Рука, нога и глаз? Не та форма? — уже явно издевательски спросил меня Белоглазый. — А чем плоха Сова, а? И чем плохи Великие Совы вообще?

— А вы, все, следовательно... И не только вы все, думаю, что и другие совы, где бы они не водились...

И тут раздался хохот. Смеялся весь Полукруг Великих Сов. Хохот гремел и грозил разорвать или мою голову, или стены зала.

Я же просто молча смотрел на меч. На меч Рори О» Роурке. Рори Осенняя Ночь. «Упрямого старика», который пересилил даже душу сида и остался с любимой. Да это бы еще куда ни шло — самое дикое тут, что он смог полюбить. В нем, видимо, сид не так рвался на свободу. А я? А что — «я»? Я выполняю лишь предначертанное или живу сам? В этом духе я и задал вопрос Великой Сове. Белоглазый перестал смеяться и негромко сказал мне на ухо: «А такой вариант, что ты живешь, выполняя предназначение, тебе как? Прежде, чем задавать вопрос, Дорога, подумай сам. Получая ответы можно легко разучиться решать их самому».

Только потом, уже выйдя из Дома Великих Сов, где больше ничего интересного не было, я понял — Белоглазый просто пожалел меня и сделал вид, что отвечает на ухо — а я запомнил, какой слух у сов! Великие Совы или проявили большую тактичность, или же просто немного позабавились. Или совместили. Как и всегда — любой шаг Совы — урок. Мое дело их уяснять.

Кстати, меч Рори остался у Великих Сов. Его мне не отдали. На моем бедре висел «Крыло полуночи», и я просто почувствовал, как он напрягся, когда я спросил про меч Рори. «Нет, Дорога. Этот меч — меч Рори, хоть и меч твоего предка, но останется здесь. Меч твоего рода — рода Вейа — «Крыло полуночи» Не стоит оскорблять сразу два меча!»

Шингхо вывел меня к Сломанной Сосне, отужинал со мной — точнее, вместо меня, сердечно попрощался: «Ну, мне пора!» — и улетел. А я остался в лесу. Ночь лежала на сосновом бору и мне некуда было спешить. Да и было, над чем подумать... По словам Шингхо, Радмарт оставил преследование и шел сейчас на соединение с остальными оборотнями. Мелькала мысль догнать его — но я сдержался. В такие игры хорошо дерзать, если тебе не перед кем отвечать. Хотя, впрочем, это не совсем верно — ты все равно, всегда отвечаешь перед кем-то. Хотя бы даже перед самим собой — а это иногда труднее всего, признаться.

Что я чувствовал? Гордость. Боль. Сомнение. И обделенность... Да, обделенность — Рори О» Роурке способен был любить, х-ха. А я нет. Впрочем, что я терял? Не знаю. Значит — ничего. И довольно об этом.

Так я пролежал до первых лучей Солнца, закутавшись в плащ и честно норовя, время от времени, уснуть. Безуспешно. Пока по майорату шел Радмарт, мечтающий обезлюдить герцогство Вейа, а затем снять глупую голову Хелла — в этом я был уверен — я не мог спать. Радмарт охотился сразу на двух зайцев. Чем больше людей ляжет в землю — тем лучше для него и для таинственного вождя оборотней с Северных Топей. Людей, хех. От этого мне не избавиться, думаю. От этой привычки, приобретенной еще в том, старом мире

— делить на тех и этих. Хотя здесь, на Кромке, это было куда проще — здесь просто не было людей. Ведогоны, сиды и нежити. И незнати. И блудный герцог Дорога. Герцог погорелого майората. Насколько погорелого — я видел сам. На корню сгоревшие лядины хлеба, печища, селища и... Герцог погорелого майората.

А что до людей — только вчера ночью, пока мы с Шингхо ужинали, он дал мне короткий, но сложный урок.

«Привычка, — сказал Шингхо. — Заметь, что ведогонов людских ты, не рассусоливая, именуешь «человеком», «людьми». Которых тут нет просто-напросто. Волки Радмарта будут — и есть — оборотнями и тут, и у вас. И им прямой интерес убивать что людей там, что здесь — их ведогонов, тем более, что результат для человека — его ли самого порешит оборотень, или его ведогон — всегда один. Смерть. А оборотни ненавидят людей извека. И им есть за что. Это я так, на случай, если ты соберешься искать правых и виноватых в этом деле». «И не подумаю», — честно сказал я. «Вот в это я верю», — задрался Шингхо и вскоре улетел.

Утро робко вошло в бор. Я вскочил на Буруна и поехал своим путем.

Майорат действительно был погорелым.

Но я видел, что Радмарт и его оборотни, как и воины Хелла, спешат. Спешат к Замку Совы. Я не рвался повстречаться ни с теми, ни с другими — и рискнул пойти наперерез их облавной полудуге.

Мне повезло. Спустя несколько дней, усталый, запыленный, но живой и невредимый, я вошел в степи, которые дальше переходили в скалы, а там, в скалах, где-то на вершинах, стоял Замок Совы. Его будет искать Бурун. А я буду посматривать по сторонам.

Еще через несколько дней я подъехал к скалам. Степи не обманули меня — это были настоящие, осенние степи. Но упасть в траву я смог только несколько раз — останавливаясь на ночлег. И они честно и радушно дарили меня волнами ковыля, бездонным, синим, осенним небом, пробитым паутинками, ароматом чабреца и то и дело попадающимися метелками полыни, которую я нет-нет, да и растирал в руке — таясь от самого себя, жадно вдыхал аромат рук Ягой.

Стражницы Кромки. Я скучал по ней. Даже тосковал. По ее низкому голосу. По ее резкости. По ее звериной ухмылке. По ее хищным вскрикиваниям и горловому хрипу. По ее черным волосам и кровожадно-пунцовым губам. По ее... По ней.

Но я уже сказал и повторю еще раз, самому себе — я не люблю ее. И даже разлука с расстоянием не смогут приукрасить испытываемое мною чувство к ней. Как бы не вертел я, задумавшись, на левой руке ее подарок и не ловил себя на том, что когда-нибудь...

Степи кончились, как и обещал Шингхо. Скоро я неторопко, но быстро плутал в скалистых изломах, стараясь избегать троллей и тенгу, которые тут, в скалах, очень неприветливы. Что-то тут было — какое-то недоразумение, так и не улаженное — как и всякая пустяковина. И, соответственно, оно готово было и тянуться веками — как и всякая, нерешенная безделица...

Тропа становилась все уже и уже, наконец, скалы почти срослись и теперь негромко, как любое существо, у которого в запасе вечность, посмеивались надо мной. Я же терпеливо сносил их подтрунивание.

Ни тролли, ни тенгу не докучали мне. Но одной ночью некий тенгу вышел к моему костру, не отказался от кружки чабреца и долго и спокойно смотрел на меня. Ничего не говоря. С видимым удовольствием он пил Ча, есть, правда, не стал. Длинноносый,

глазастый, строгий с виду тенгу. Напоследок он сказал — единственное, что он сказал: «Мы, тенгу, не против твоего прихода в горы, Дорога. Не против твоего дома на скале. Но мы были бы рады и бесконечно благодарны, если бы ты пригласил войну спуститься в долину. Удачи тебе». На чем тенгу подарил мне маленький заварочный чайник и исчез в скальном разломе — я только и успел подставить под чайник сложенные ковшом ладони и поклониться горному лешему. Драгоценный чайник неглазированного фарфора, видимо, еще тех времен, когда фарфор ценился именно такой. Какой-то каллиграф набросал на его стенке легко и дымчато несколько иероглифов, читавшихся — это я знал — как «Фукуро».

«Сова».

Голые скалы сменялись горными рошицами. Я терялся в них, возвращался иногда чуть не на полдня пути, чтобы начать сначала. Наконец, в один из дней — монотонный дождь моросил с сердитого поутру неба — я вышел к горной долине. Она появилась без предупреждения — просто тропа протискивалась, протискивалась между скал, да и выскочила прямо в нее — скалы раздались, и широкое поле явилось мне. Напротив, на другой стороне поля, стоял на вновь замкнувшихся скалах Замок Совы. От долины — замкнутой неприступными скалами по кругу — его отделяло еще и чудовищное ущелье. Мои упрямые предки знали толк в неприступности, и, судя по всему, кровь сидов в их жилах тяготела к безлюдным, диким и невероятно красивым местам. Долина шла вверх — зимой, думаю, тут тяжело лежит снег, а по весне лавиной катится вниз. Так же — лавиной — можно скатиться от ворот замка на врага, буде кто-то войдет в долину — и остановить катящееся с верхнего края долины войско будет очень непросто — а отступать некуда. Если с боков еще подключатся лучники, а сверху ударит тяжелая пехота... То не хотел бы я быть на месте тех, кому дадут войти в долину. Я ударил Буруна по крупу и рысью поскакал к Замку Совы.

Вокруг замка было темно от раскинувшегося лагеря. Людей было много. Очень много. Женщин и детей, к сожалению, тоже. Но оборотни Радмарта и воины Хелла так и не смогли обескровить мой майорат.

Я проехал сквозь лагерь и приблизился к ущелью. Меня увидели со стен и через пропасть упал мост, на который и взошел, гордо избочив голову, Бурун.

В Замок Совы пришел, наконец, герцог погорелого майората.

Хельга О'Рул

... А ты... Ты и так Дома, Рори Осенняя Ночь, старик, старик проживший такую долгую жизнь, что понимаешь уже — то, что несколькими часами ранее ты сказал своему внуку — чистая правда.

«Люди не должны жить так долго, Рори — сказал ты, разводя костер. — Люди не должны жить по столько лет, сколько живу я. Они быстро забывают о том, что все-таки смертны и оттого наглеют. А за неожиданно разросшийся в длину жизненный путь, они легче и много больше совершают злых деяний, быть может, искренне веря в то, что успеют их исправить или искупить. А вот именно на это времени уже недостает»^[31].

То, что ты в последние годы не совершил откровенного зла, не умаляет правды твоих жестоких слов. Ты прекрасно понимаешь, старик, что это в первую очередь относится к тебе — живи ты не на Нагорье, а среди Людей столько лет... Да, ты сказал правду. Если тебе и есть чем гордиться — так это тем, что ты никогда не сказал неправды своему внуку, не смотря на его возраст. Ни разу за все время...

И тут костер негромко запел... Именно, что запел — не загудел, не зашипел, давясь зеленой веткой — он пел и ты узнал этот мотив... А вскоре, отделенная от тебя костром и несколькими шагами, появилась она — в том возрасте, когда она только еще обещала стать светлым маячком Нагорья. Это была она, сомнений больше не было, она, зрение твоё, уступая эльфу, ничуть не ослабло в твои годы — она, она, твоё самое волшебное в Жизни Чудо, Рыжее в Медь. Расстояние меж вами ты мог бы, не вставая, покрыть одним прыжком, но что-то удерживало тебя, что-то говорило, что нет, нельзя, нельзя спешить... И ты остался на месте. А Хельга подняла узкую ладонь, словно защищаясь и ты понял — твоё желание прыгнуть не прошло незамеченным. И тогда ты впервые заговорил с той, что видел уже не раз, заговорил, потому, что никогда она еще не приходила сюда и не стояла так близко...

— Я не стану спрашивать, не оттого ли ты приходишь, что мне пора собираться... Не стану спрашивать, сколько мне осталось... Не стану спрашивать и того, не обидел ли я тебя чем после смерти, моя Хельга... Я... Я лишь ломаю себе голову, почему ты всегда приходишь в том возрасте, в котором я не знал тебя... Больше всего я боюсь того, что это немой, но упрек... Что без моего появления тут, ты, Хельга... О, Хранители Нагорья неужели я прав? Если все предопределено — то я ничего не мог сделать... Если нет — то я изменил предопределение, поверь мне, Хельга, я изменил его... Обреченный на жизнь наемника, я получил самое большое чудо, на которое только была, есть и будет способна Жизнь — я получил счастье — я нашел тебя и свой Дом... Я был твоим мужем лишь немного менее года... Это ли не изменение предопределения? Так что, моя жизнь имела смысл, все, что было до тебя и после — все обрело смысл... А теперь, в старости, я еще и могу видеть нашего с тобой сына и отвечать на вопросы моему внуку и не лгать ему... Это ли не больше всего, на что может рассчитывать человек? Я не понимаю, за что мне выпало столько счастья... Но, думаю, что после смерти пойму... Как поймет и Белоглазый... Он тоже хочет что-то понять... Я же говорю... совсем не то, что должно говорить сейчас, если сейчас вообще должно говорить... Но я так тоскую по тебе, моя Дорогая Тень... Моя половина, половина души моей, которая столько лет прождала меня на Нагорье... И цена за то, что я обрел — лишь несколько стрел в боку, Хранители, как же это смешно... Несколько стрел и отказ от какой-то ненужной короны... Так просто было это понять... Только

соприкоснувшись пальцами, понять, что теперь это — одно, Одно, что навсегда...

— Так что же истинно ценно? Власть? Венец Короля? Сила? Богатства Горных Королей? Нет. Ценно то, что кто-то, кто дорог тебе, признает тебя действительно существующим. И сам является для тебя таковым. Не мираж, не химера, не миф — действительно существующим на этой Земле — Хельга перевела дыхание и открыла глаза.

Рори-Чужак, сбросив с плеча меч на вереск, стоял перед ней.

— На этой Земле и в этой Жизни — резкий голос Рори, вместо того, чтобы отрезвить Хельгу О'Рула, одурманивал ее.

— Да. На этой Земле и в этот миг. — Тут Хельга повела руками, как бы помещая в этот незримый круг Холм, Рори, кусок закатного неба, в овал, в абрис зеркала, в котором отразилась Жизнь.

— Холм — мой. Небо — мое. Он — мой. Я — его. Это все наше Навсегда — негромко пропела она. Рори чувствовал, что произошло что-то действительно важное. Истинно значимое.

— Что это? — Начал было он, но дочь Старого О'Рула прикрыла ему рот тонкими пальцами:

— Тихо. Это Обет. Его произносит девушка-эльф, когда находит Его и когда он находит Ее, чтобы стать Одним Навсегда. Молчи. Мы ждем ответ.

«Значит, счастье пряталось не в зубцах короны? А запуталось в этих, рыжих в медь, волосах?» Но тут Холмы ответили им.

... И небо взорвалось над ними ослепительными сполохами, полотнищами света, по сравнению с которыми Северное сияние — бледная моль пред роскошным махаоном.

— Я умираю всю свою жизнь — тихо сказал Рори — Но оно того стоило. Пусть даже это и в самом деле лишь сон, только сон, Дорогая Тень... Навсегда... — по изуродованному лицу Рори все еще мелькали блики взорвавшегося Неба. Но тут тонкие руки Хельги, встретившись за его шеей, потянули, развязывая, один конец его кожаной головной повязки. Повязки, без которой его никто, исключая знахаря одной из славянских княжон не видел. Седая прядь упала Хельге на руку и она, поймав ее, порывисто поднесла к губам и поцеловала, не отводя зеленых глаз от глаз Рори-Чужака. И Небо вновь лопнуло, озарив Холм закатным светом.

«Знать. Знать самое главное — для нее, для самой желанной ты — первый. И, поскольку она — эльф из Народа Холмов — последний и единственный. Но на тебя это набрасывает те же тенета... Тенета — не то слово, оно пахнет чужой, навязанной волей... Вы в одном Обете. С равными условиями. Хотя бы потому, что она — эльф из Народа Холмов... Хотя бы потому, что так честно и единственно возможно. Хотя бы потому, что ты любишь ее, дочь старого О'Рула, эльфа из Народа Холмов. И глупо звучит в горячей голове несказанное, но очевидное: «Навсегда. Это — Навсегда». Только она, лежащая на твоих худых, перевитых узкими канатами мышц, руках — навсегда. Она, разбросавшая рыжие, с отливом в багрянец, волосы, так идеально гармонирующие с облетевшими листьями. Она. Одна. Не закрывающая глаз под угольно-черными бровями. И ты, у которого было столько женщин, кажется, впервые... Это не так. Ты не ждал от себя, Рори-Чужака, воина, претендента на трон, внебрачного сына короля Рагнара Кожаные Штаны, воюющего всю жизнь, ты не думал, что способен на такую нежность. Не на те слабые, грозящие вот-вот погаснуть язычки ее, как бывало у тебя в жизни. А на ту нежность, которая появившись, обещает: «Ты думаешь, что задыхаешься от обилия меня? Нет. Это лишь слабейший из моих отголосков...

Предшествующее проявление... Ты еще не знаешь, на что способна твоя звериная душа и твое, х-ха, каменное сердце... Все — чушь, ибо я пришла!»

... Ты ошибся, сказав про многих женщин в твоей жизни. Но ведь при желании можно любую трапезу, хлеб с водой, назвать пиршеством. Разве в силах ты припомнить каждую трапезу в твоей жизни? Но Королевский Праздник с Подарками, которыми осыпают тебя на глазах всего света, ты будешь помнить всю жизнь.

... Подарки. Бесценные, которые не имеют и не могут иметь подобных себе — каждый вздох Хельги. Каждое прикосновение ее тонких пальцев к шрамам, сетью наброшенных на твое тело. И, лишь опустившись на колени, ты понимаешь, что все это время ты стоял, держа ее на руках. Столь невесома дочь Старого О'Рула.

... Подарки. Каждое слово Хельги. Ты, зверем грызшийся с Миром, твердо знаешь, что просто так ничего не дается. И ты согласен платить еще хоть десятком таких битв, как на обрыве Вратной. И без торга уже заплатив отказом от датской короны.

... Подарки... Опускающийся вечер на луга Холмов. Крадущийся от низин туман... Губы, ты не помнишь, кто и когда жалел, что у него нет тысячи рук, губ и глаз. Но сейчас ты можешь только посочувствовать ему. Потому, что вас двое и вы обойдетесь без тысяч губ и рук. Вам некуда спешить. Вам некогда останавливаться...

... Подарки... Поцелуй Хельги. Ее рука, накрывшая твою на завязке ее платья. Ты понимаешь, что это значит... Даже ни на секунду не заподозрив отказа. Просто она хочет того же. И ты целуешь ее пальцы, беспощадно рвущие завязки. Не мешая им. Отказ... Не может быть отказа, где двое становятся одним навсегда.

... Подарки... У эльфов не бывает свадебных обрядов обмена словами. Но Холмы, когда двое находят друг друга — навсегда, дарят им островок во мраке ночи, до утра освещая их холм закатным светом. Феерически красиво, малиновое, горящее, как тело Дракона, сияние, всю ночь держится над ними, а с лугов и низин стекаются и выются вокруг ароматы трав и цветов. И звучит, неведомо откуда, музыка, щемящий, зовущий душу ввысь, в Небо, напев... Эльфы знают ее источник, но кто осмелится выпытывать тайны Народа Холмов? Но ты не эльф, ты, не рассчитывавший на закатное сияние и аромат зелени вокруг, на миг оторвавшись от губ Хельги, видишь его.

... Подарки... Ты, воевавший всю свою жизнь, сейчас не можешь вспомнить... Да что там — не можешь даже попытаться вспомнить, где твой меч. Сейчас это тоже подарок. Но ты видишь сияние вокруг и вдруг понимаешь, что это не твое ночное зрение, а просто света более, чем достаточно, для того, чтобы видеть Хельгу. Лицо ее, цвет ее волос, приоткрытые губы, разорванные завязки... И тут до твоего слуха доносится отовсюду волшебная, держащая душу на грани вдоха и выдоха, музыка. И ты понимаешь, что Холмы признали выбор Хельги О'Рула. Она смеется. Смеется. На миг тебя охватывает злость на себя, на то, что ты не можешь предоставить Хельге более мягкого и достойного ложа, чем твои жесткие руки. На миг...

... Глупец! Только целый миг спустя, потеряв этот бесценный миг на раздумье, ты понимаешь, что дочь О'Рула не променяла бы твои каменно-твердые руки под ее хрупкой спиной на самую роскошную соболью постель. Целый миг потерял. Целый Миг.

— Хочешь увидеть тех, кто играет эту музыку? — Спрашивает Хельга.

— Да. Но жалко времени. Такое бывает один раз.

— Нет. После Обета — нет. Да, Рори, ты прав. Но Музыка и Песни играют только в Обетную Ночь. Это играют лепреконы. Воинственный народец и кладоискатели,

поудачливей Горных Королей. Но увидеть их можно только сегодня. И я хочу на них посмотреть — закончила, привстав на локте и другой рукой соединяя на груди ткань, Хельга. Рори лишь согласно кивнул. И они тихо, но не по-воровски, пошли туда, откуда, казалось и лилась Музыка и слышалась Песня.

... На камне со стесанной верхушкой, стоял малютка-лепрекон и, закрыв от удовольствия глаза, пел балладу, неожиданно низким и очень мелодичным голосом. А за камнем стояли его родичи — кто со свирелью, кто с колокольчиками, но большинство с шотландскими волынками и вели разговор. Именно — разговор. Разговор Инструментов и Песни. Они стояли, полукругом обступив камень. Глаза у всех были также закрыты и только острые, настороженный ушки и вертикальные между густых, кустистых, седых бровок, складки, позволяли понять, что они не спят и не очарованны. Рори, ни слова не говоря, поклонился лепреконам и, взяв Хельгу за руку, стал отступать к их с Хельгой месту-на-холме. Но тут лепреконы, не открывая глаз с необычайным достоинством и не прервав Музыки, поклонились Рори и Хельге в ответ.

— Отец говорил, что тот, кто в Обетную ночь найдет лепреконов и получит от них ответный поклон, будет счастлив в Обете — тихо проговорила рыжая Хельга О'Рул.

... Ты пришел в себя. Ты ничком лежал в зеленой, прихваченной первым заморозком, траве.

... Старый Рори Осенняя Ночь [\[32\]](#).

Старый Рори О'Рул

Холмы... Холмы, Океан, навеки застывший в своем беге — это мои Холмы, это Холмы моей Родины, Эльфийского Нагорья. Мои Холмы... Да, в чем-то, бесспорно, мои. Коль скоро я Король Эльфийского Нагорья. Я — Старый Рори О'Рул. И я уже который день чувствую за гранью, за Серым Ручьем, который по ту сторону зовут Вратной рекой... Что-то вновь грядет оттуда... Когда-то, уже достаточно долго, если мерить людскими мерками... Да нет... Не то. Если уж стоит назвать вещи своими именами, то как раз в беседе с самим собою... Уже довольно давно, более семидесяти лет назад, оттуда пришел к нам Рори-Чужак, Рори Осенняя Ночь, мой зять... Тогда я тоже чувствовал приближение чего-то странного из-за грани... Но в этот раз, похоже, что-то посерьезнее — тогда Рори прошел к нам на грани, не думая, куда он идет... А теперь же я предчувствую насилие над Гранью, так обычно бывало, когда какой-то, особо ретивый Человек, силился прорваться сюда, чтобы... Да мало ли было причин... Некоторые искали даже Ланон Ши. И кое-кому это удалось. А кто-то выбрался оттуда слепым, хорошо, если только на один глаз и если только на время. А кто-то и вообще не выбрался. В конце концов, не зря же Знающие постоянно твердят Ищущим, что не стоит докучать Народу Холмов^[33]. А Рори... Чтож, за Рори тогда просили... А потом за него просила меня Хельга. И будет о Рори. Поговорим о другом Рори... Точнее, с ним — со мною. Но что-то подсказывает мне, что то, что происходит сейчас, вернее то, что только еще собирается произойти, будет связано с моим зятем, Рори Осенняя Ночь. Интересно, что еще может выпасть на его долю? Когда мы говорили с ним в последний раз, он был уверен, во всяком случае, хотел верить в то, что умрет здесь, от старости. Чему сам немало и искренне потешался. А мне странно видеть, что мы с ним смотримся почти ровесниками — ведь для людей Рори Осенняя Ночь уже глубокий старик, ему перевалило за сто. Потому, должно быть, странно, что я выгляжу, как мне кажется, моложе его^[34]... Будучи много, ох, много старше его.

Кто-то за гранью, кажется, знает, что делает — Грань скоро откроется. И, судя по всему, хорошо знает — в том, что творится с Гранью, как могу видеть я, Король Эльфийского Нагорья — что ему делать дальше. Это не отчаянный рывок кого-то особенно жадного до лепреконевого золота или до песен Ланон Ши. Так что этот кто-то что-то задумал... Что может здорово сказаться на равновесии здесь... И там тоже. Но, судя по поведению Грани, его не очень это волнует. Кто же это? Ясно, что он не один, это, скорее, несколько друидов высшего посвящения. И, как я могу судить, они неспроста прекратили свои мелкие дрязги. Хранители Нагорья! Как же я не понял сразу — это ломаются истцы за ответом. А то и за Ответчиком. Что-то вовсе уж необычное должно было там произойти, если они так рискуют. Хотя, должен признать, прикрыты они хорошо, скорее всего, им удастся войти и выйти.

— Приветствую тебя, король! — Раздалось за спиной Старого Рори. Тот неспешно обернулся. За ним стояли двое, очень интересная пара — Рори Осенняя Ночь и Белоглазый, колдун, фомор и каким-то боком то ли друг, то ли приятель обоих Рори. Слова приветствия произнес колдун... Зять стоял молча, только поклонился. Что-то произошло с ним не так давно, что оставило глубокий след в его душе, в его сердце и не стоило требовать соблюдения обычаев, тем более, что кроме них на Холме Старого Рори никого и не было.

— Я смотрю, что мое Нагорье скоро станет проходным двором... — Желчно сказал Старый Рори.

— Станет. Но, может хоть тогда, став хозяином проходного, а следовательно, постоянного двора, ты научишься более радушно принимать гостей. — Спокойно ответил колдун.

Проще всего, конечно же, было спросить у Белоглазого, кто так усердно рвется в такое место, как Эльфийское Нагорье, но Старый Рори потому и не стал спрашивать... Если за каждой мелочью обращаться к кому-то, кто просто должен ее знать, недолго самому просто разучиться думать.

— Что хорошего ты хочешь сказать мне, гость? — Спросил Старый О'Рул.

— Это, судя по всему намек, что если, дескать, ничего хорошего, то собирай-ка ты, гость, суму? — Вежливо осведомился колдун^[35] — Я спрашиваю, поскольку ничего хорошего, равно как и плохого, смотря, с какой стороны считать, я не скажу. Пока не скажу. А все остальное ты и сам сможешь увидеть, если согласишься прошестьвоваться с нами к Грани, что у Серого Ручья, Король.

Они подоспели к грани, как раз тогда, когда она, наконец-то, открылась, повинувшись тем, кто так настойчиво в нее стучал.

Ослепительная, бело-зеленая вспышка полыхнула над водой. А потом, казалось, что прямо из нее, из ниоткуда, на воду Серого Ручья выплыла ладья. На палубе стояли трое, судя по белой одежде, это были друиды, а не филиды, как можно было ожидать. Друиды высшего посвящения. Из тех, кто уже имеет право на надзор в том числе и за политикой страны, равно как и за воспитанием молодежи. Свита их внимания явно не стоила — кельты и есть кельты... Судорожно вцепившиеся, как по команде, в амулеты и обереги, в священных узорах на лицах, в татуировке... Ни друиды, ни Король не обратили на них никакого внимания.

— Так. — Негромко сказал Белоглазый. — Теперь, я считаю, что мы можем появиться. Вы, кстати, как предпочли бы? В дыму и пламени? Или выплывем из тумана?

— Как хочешь — досадливо сказал Старый Рори. И тут же вокруг них за клубился, потек, хищно примериваясь к бортам ладьи, к каждому гребцу, как тем казалось, густой, изумрудного цвета, туман. Теперь и друиды несколько присмирели, величавость и властность не то, чтобы оставили их, но стали как-то менее напыщенными. Что до гребцов, так часть их повалилась на корму, а часть так и остолбенела, держась за обереги и что-то бормоча серыми от ужаса, губами. Тут взорам пришедших и предстали, медленно выходя из тумана, трое.

— Я — Король Эльфийского Нагорья, Рори О'Рул, известный также под именем Старого — начал Рори. — Со мною мой зять, Рори Осенняя Ночь и Колдун из рода фоморов Севера, по имени Белоглазый. Кто вы, что так дерзко прорвались на мои земли? — Голос Рори О'Рула, низкий и густой, его величественная осанка, золотой обруч на голове, два его спутника, выглядевших под стать Королю — высокий, начинающий сесть мужчина, в густо-фиолетовом плаще с капюшоном, с совершенно белой радужкой глаз, что, однако, не давало почему-то повода решить, что он слеп и Рори Осенняя Ночь — самый старший из всех троих на вид, одетый в черную кожаную безрукавку, в черные же кожаные штаны и короткие сапоги, с тяжелым мечом-двуручником на плече — все это вместе создавало картину могущества и силы, которые могут проявиться в любой момент, разбуженные неосторожным словом или жестом. После краткого мига молчания, самый старший из жрецов, сказал:

— Позволит ли Король Соседней Страны, Великий Рори О'Рул, сойти мне и двум моим спутникам на его землю? Как он уже понял, только крайней важности дело могло заставить нас собраться вместе и столь дерзостно нарушить покой Соседней Страны.

— На мою Землю сойдешь ты, старший по возрасту и двое твоих спутников и собратьев по Белому Кругу. Гребцам же я запрещаю сходить на берег. Если кто-то из них ослушается, то пусть потом пеняет на себя. Если ваше дело окажется суетным и пустым, то я сурово накажу всех, кто столь дерзко прорвался в Эльфийское Нагорье — медленно, тяжело, булыжниками в камнепад роняя слова, ответил Старый Рори.

С борта ладьи упала сходня, четко на край воды и земли, то есть номинально, оставаясь все же на корабле. И только трое, как и было позволено, друидов, сошли и тем самым, задели ногой Землю Эльфийского Нагорья.

— Прикажет ли Король говорить здесь, или он пожелает сделать это как-то по своему усмотрению, еще? — Спросил опять-таки, старший из друидов. — Негоже, само собою, в спешке решать важные вопросы, словно всадникам, гонящим неистовых коней.

Но если мы уже утомили и тем более, вызвали гнев Короля Соседней Страны, то мы поступим так, как он прикажет!

— Уж не велеть ли мне устроить праздничный пир, о друид? — Сухо, сверля глазами старшего, спросил Рори О'Рул. — У тебя мало времени, друид. Я хочу услышать от тебя только одно слово, только одно, по которому я и буду решать, что мне делать дальше — позволить вам продолжать речи, отпустить без вреда или же строго наказать. Одно слово, друид.

— Дракон. — Спокойно и с глубоким поклоном, ответил старший из друидов.

Старый Рори свел ладони перед лицом, что-то проговорил, на грани слышимого^[36], затем чуть развел их в стороны и между сухими ладонями Короля Эльфийского Нагорья появился пронзительно-голубой свет. По мере того, как Старый Рори разводил руки, все дальше друг о друга, сияние принимало форму шара, висящего меж ладоней эльфа. Ослепительно-голубой шар горел в руках О'Рула и он жадно всматривался в него. Неожиданно он резко свел руки вместе, шар погас, а Рори стряхнул с ладоней ослепительно голубые искры, которые упали на берег, на лету оборачиваясь кристаллами сапфиров... Ни Рори, ни его окружение ни друиды не обратили на них ни малейшего внимания. Но один из гребцов, не вынеся соблазна, кинулся на берег. Не успела его нога коснуться земли, как Рори что-то негромко сказал и обратил на гребца сложенную лодочкой руку. Человек дико вскрикнул, схватился за свои, потекшие кровью, глаза и навзничь упал в воду. Никто в ладье не шевельнулся, чтобы помочь тому выйти из воды.

— Вытащите его. — Приказал Рори гребцам. — И дайте ему в руку то, зачем он так отчаянно кинулся... Утром он узнает, что стоит нарушенный приказ О'Рула^[37]. Потом он развернулся к Белоглазому и, отвечая на невысказанный вопрос, кинул только несколько слов, спокойно, без каких бы то ни было признаков гнева или страха:» Браган. Браган вернулся. Через столько лет, Хранители Нагорья...»

... Лицо Хельги... Ее зеленые глаза... Густо-зеленые попоны и плащи прекрасной конной процессии... Зелень Грани... Зелень Холмов... Зелень моря... Голос Ланон Ши... Все это, сменяя друг друга, появлялось в голове Рори Осенняя Ночь. Что-то надломилось этой ночью и он спокойно ждал, чем все это кончится. А в том, что скоро это кончится, он был уверен. Он поднял на прибывших друидов абсолютно лишённые какого бы то ни было, выражения, глаза и вдруг спросил у старшего: «Где я мог тебя видеть, старик?»

Если ответ и последовал, то Рори не слышал его... В ушах его пела Музыка Обетной Ночи, кричали, улетаая навсегда, журавли... И прекрасные всадники горячили вороных коней, в поисках его, Рори Осенняя Ночь, с уже заседланным под него конем, чтобы пригласить его,

счастливейшего из смертных, в свою печальную, полную выедающей душу тоски, дорогу. Его, вновь доказавшего, на этот раз им, что он достоин ее... Этой дикой, невыразимо прекрасной тоски — тоски по потерянному прошлому, этой, единственно достойной, цели... А Хельга... А Хельга и была... И была и есть и будет той тоской, которая... Или каждому из них своя тоска? Своя цель? Но общая, неистовая, тяжелая, но вечно живая, цель дороги? Темно-зеленая попона его, Рори Осенняя Ночь, коне... Темно-зеленое одеяние Старого Рори... Яркая зелень жизни Холмов... Золотой ободок короны Короля Эльфийского Нагорья... Золотые обвалы листьев с деревьев Эльфийского Нагорья...

Рыжее в Медь Чудо Эльфийского Нагорья, точнее, только еще обещающий стать им, светлый маленький маячок... Бродячий Огонек Болот-За-Гранью... Все это проходило и, обрываясь, падало в никуда...

... Жесткие ладони Белоглазого сжали плечи Рори Осенняя Ночь и тот, словно проснувшись, еще раз обвел друидов уже разумным взором и вновь спросил: «Где же я видел тебя, друид? Я ясно помню твое лицо... Но не помню, откуда.» Старший друид только поклонился и промолвил: «Великий воин делает мне честь, говоря, что где-то встречал меня и ясно помнит... Но, боюсь, что я недостоин такой чести — мы не встречались допреж».

Низкий голос О'Рула прервал эту странную беседу. Он спросил:

— Что же хотят люди от Жителей Нагорья?

— Такие гости, как Ланон Ши, Лепреконы и прочие достойные представители Соседней Страны, всегда приходили от вас к нам, о Король. Но если ко всем остальным мы привыкли и полюбили их, то дракон, который тебе, явно, знаком, так как Король нарек его имя... Дракон нам не нужен, прости нас, Король... Самим нам не совладать с ним. Мы пришли за твоим судом о том, справедливо ли пребывание дракона на нашей земле или же нет и готов ли Король Соседней Страны помочь нам, людям, рискнувшим обеспокоить его в его Стране?

... А в голове Рори Осенняя Ночь продолжали звучать оставшиеся неслышимым для других, слова фомора: «Ждавшие столько лет подождут и еще немного, Рори...»

— Вы будете ждать нашего решения здесь, друиды. Мы соберем Совет Холмов. Такие вопросы, как Дракон и что с ним делать, не стоит решать в спешке.

— Мы повинемся воле Короля Соседней Страны. — Спокойно ответил старший друид и низко поклонился.

Совет Эльфийского Нагорья

... Наконец, собрались все, кто имел право голоса на Совете Холмов. Давно, очень давно Рори О'Рул не собирал такого Совета, предпочитая решать вопросы сам, что, впрочем, ему отменно удавалось. Рори Осенняя Ночь и фомор с совершенно каменными лицами, сидели по правую руку Короля. Далее Совет располагался по кругу — таким образом, самый незначительный сид, тем не менее, оказывался к Королю ближе всех.

На Совете присутствовали Лепреконы, прислали своих представителей Клураканы, сразу за ними негромко шипели в усы два Кайт Ши, сразу за ними сидели представители Корриганов, за ними расположилась грустная Бэньши. Далее сидели двое Поков, двое же из народа Шифров. А замыкал круг Фир Дарриг, одинокий, но не ставший от того скромным или незаметным. Он горделиво восседал по левую руку Короля и время от времени обводил Совет важным, самодовольным взором.

Я начну с того, что я очень признателен всем, кто нашел время и возможность прийти на Совет — начал Старый Рори, таковы были традиционные слова. Рори являлся отнюдь не номинальным владыкою Нагорья, но, тем не менее, каждому Сиду не Эльфийского рода, казалось, что они как-то менее подвластны Рори О'Рулу. Прекрасно зная это, Рори никогда не забывал погладить их по шерстке, не считая нужным насиловать волю тех, кто так и так был ему подвластен.

— Совету известна причина, побудившая меня созвать вас здесь. Браган, старейшина драконов, Великий Вор, снова вернулся. Но вернулся он на земли людей, что странным показаться не может — ибо Браган прекрасно понимает, где легкая пожива. Судя по всему, он хочет остаться на сей раз, навечно. Скоро, как только он обоснуется, к нему явиться его супруга. А потом захват Изумрудного Острова Драконами будет делом времени. Друиды, пришедшие сюда дали понять, что подозревают здесь нашу злую волю, а потому просят справедливого суда и помощи. Теперь я желал бы услышать мнение Совета.

Воцарилась недолгая тишина. А потом слово взял старший Кайт Ши.

— Люди-и-и-и — протянул он — просят суда... И подозревают... А не много ли они на себя берут? Тот, кто сегодня так дерзко пришел просить, завтра примется требовать... Мое мнение — гнать их взащей, а в проводники дать почтенного Фир Даррига... Чтобы обратный путь отучил их даже думать о том, что можно являться сюда... — Дальше Кайт Ши показал два длинных, белоснежных клыка и негромко зашипел, показывая, что его речь окончена. Совет безмолвствовал. Рори О'Рул понимал, что Кайт Ши высказал, скорее всего, общее мнение. Но вопрос был более серьезен, нежели виделось Кайт Ши. На то Рори и был Королем Эльфийского Нагорья.

Кто еще выскажется? — Спросил он Совет. И неожиданно поднялся шум. В общем гаме можно было лишь расслышать выкрики «Пусть сами решают!» «Что нам за дело до их забот!» «Они подозревают, видите ли! А даже если и так, что тогда? Уж не обязан ли Народ Холмов объяснять, отчего он сделал то, или это!»

Дождавшись апогея, Рори вскинул вверх свой посох и малиновая вспышка и страшный грохот привели Совет в чувство.

Я приказал высказаться, а не устраивать здесь людскую ярмарку! — Негромко произнес Рори О'Рул — Если Совет не желает видеть завтрашнего дня, то я сам скажу, что происходит и что мы будем делать, если никто не хочет высказаться — он нажал на последнее слово.

Неожиданно встал маленький, но очень важный Фир Дарриг:

— Высокий Совет! Вы не хотите видеть того, что несет нам, а не людям, явление Брагана. Само собою, людские дела нам безынтересны, но поглядите дальше... Через несколько лет ни одного человека не останется на Изумрудном Острове. Мы перестанем иметь возможность добывать пищу, которую некоторые из нас добывают у людей. Мы не сможем больше получать от людей подарки и приношения. Те же из нас, кто постоянно живет среди людей, обречены на очень незавидный удел. Я могу еще бесконечно перечислять те неприятности, которые грозят нам, но, я думаю, да нет, я уверен, что высокий Совет куда лучше никчемного Фир Даррига понимает, что грозит нашим народам. — И Фир Дарриг, важно оглядев Совет, сел на свое место.

Вновь воцарилась тишина. Все явно склонны были согласиться с Фиром, но никто не хотел высказываться «за», сразу же после того, как драл глотку, доказывая, что им это неинтересно и предлагал проучить наглецов. Тогда встал фомор Белоглазый.

— Высокий Совет! Скудоумный колдун, которому позволили присутствовать среди вас на Совете, считает, что мнение Совета... гмм... Несколько переменилось теперь. Я думаю, что я не ошибаюсь и все склонны принять точку зрения почтенного Фира Даррига — последовал легкий поклон фомора в сторону Фира и тот немедля же, ответил тем же. Фомор же помолчал немного и продолжил:

— Коль скоро никто не счел нужным возразить мне, я думаю, что основная загвоздка теперь в том, что делать нам в этой ситуации. Если мы согласны с тем, что Браган опасен и нам, то мы должны принять меры по его устранению. Скорее всего, что помощи людей при этом ждать не приходится. Так что, я думаю, что мы должны признать правоту друидов и право их на такие притязания. Осталось решить, как же именно мы поможем людям, а по большому счету, конечно же, себе. — И фомор снова сел.

— Это дело не наше! — Вскочил лепрекон Рон Зеркало — Это дело героев! Это дело Дини Ши, которых, кстати, нет на Совете! Они, как и всегда, предпочитают не встречать в то, что касается Нагорья, а преследуют свои, достойные всяческого уважения, цели. Но нам от того не легче! Я думаю, что высокий Совет согласен со мной! Или этим делом занимаются Дини Ши, или нам придется собирать войско и обескровить Эльфийское Нагорье на много лет! — И Рон уселся, всем видом показывая, что в любой миг он готов вскочить снова и продолжить спор.

— Какую помощь получит тот, кто вызовется решить вопрос, который теперь стал вопросом, напрямую касающимся Эльфийского Нагорья? — Неожиданно прозвучал резкий голос Рори Осенняя Ночь.

— Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что любую, которую только сможет предоставить Нагорье — Ответил Старый Рори и обвел Совет взглядом. Тот согласно загудел. — Но что хочет знать мой зять и что он желает предпринять?

Зеленый мох кельтских лугов... Рыжие по осени буки и тис... Золото, валом лежащее под ногами... Зелень плащей прекрасной кавалькады... Зеленоватое по вечерам Небо над Ореховой Запрудой, куда последние годы ты так пристрастился ходить после заката... Рори Осенняя Ночь встал и сказал:

— Я много раз сожалел о том, что ничем не могу отблагодарить Нагорье, за то, что оно

сделало для меня и со мною. Ничем, потому, что последнее время я не уверен, что изгнание Ланон Ши^[38] было чем-то значимым или полезным. Поэтому я, Рори Осенняя Ночь, говорю вам, высокий Совет. Я отправлюсь на Земли людей и постараюсь изгнать или убить дракона, пока зло еще не упало в полной мере на нас и людей. Себе же я попрошу... Себе я попрошу двух спутников по своему выбору и право решать, что делать с Браганом самому.

— Будет тебе дано, что ты просишь — Низкий голос Старого О'Рула прогудел над онемевшим Советом.

— Со мной пойдет мой внук, Рори Майский Лист и фомор Белоглазый, мой друг. Но просить колдуна идти со мной я осмеливаюсь лишь из соображений безопасности для Майского Листа, буде возникнет в том необходимость и его возвращение домой, буде меня постигнет неудача. Я, Рори Осенняя Ночь, все сказал.

И в полной тишине Рори Осенняя Ночь пошел к выходу из Дома Совета.

Браган

«Мой друг... Смешно... Я так и онемел, когда Рори назвал меня своим другом и доверил мне своего внука... Это звучит тем более дико, что мой род исконно враг Людям. И я, собственно, отнюдь не добрый волшебник из сказки людскому детенышу на ночь... Но что самое дикое, так это то, что согласен с ним. Я его друг — и я сделаю все, чтобы его внук вернулся домой. Я, фомор, некромант, по имени Белоглазый. В который раз Рори удалось удивить меня... Но что-то, все-таки, мешает упиваться этим редким чувством... Уж не то ли, что глаза старшего друида, глаза, которые что он, что все остальные люди так ни разу и не подняли на Народ Холмов, что, в общем-то, верно... Так вот, не то ли мне мешает упиваться удивлением, что при известии о том, кто идет на Земли Людей, я ясно увидел злорадство, тайное, безмерно глубокое торжество, полыхнувшее в синих глазах друида...»

Эти мысли преследовали Белоглазого, пока челoveчья ладья несла их к тому берегу, откуда и начиналась тропа в сторону логова Брагана. Там люди оставят их, а они примутся за свое дело... Белоглазый был не прочь поучаствовать в приключении с Браганом, но Рори Осенняя Ночь ясно дал ему понять, что не простит ему никакой помощи, кроме той, которую он уже попросил у колдуна. Колдун смирился. В конце концов, его помощь могла оказаться никак не менее важной, в случае гибели Рори. Вырвать мальчишку из лап Брагана или просто заставить его вернуться домой, а не лечь рядом с дедом... Второй горелой деревяшкой...

Ладья уткнулась в песок и заговорил старший друид.

Отсюда вы, отважные, сможете начать свой путь туда, где вас ожидает страшная опасность и бессмертная слава... Слава вам обеспечена в любом случае... Ибо мало кто так же достоин ее, как отважный старец и его молодой внук! Да пребудет с вами победа! Мы же будем ждать вас на обрыве у реки Вратной, где и находится Грань в ваши земли — при этих словах Рори Осенняя Ночь слегка улыбнулся, но промолчал — ожидать вас с наградой, достойной победителя!

На этом речь друида закончилась. Рори Осенняя Ночь легко перепрыгнул с борта ладьи на берег, за ним последовал его внук, а фомор, как оказалось, уже стоял на берегу.

Ладья тронулась в обратную дорогу. Рори что-то вновь пробормотал по поводу своей памяти, которая отказывается отвечать на его вопросы, фомор же предложил, что может, вопросы сложнее, чем те, на которые способна голова Рори и дело отнюдь не в памяти, а Майский Лист робко поднял руки к сердцу, тем самым прося позволения у старших говорить. Те кивнули одновременно. И молодой Рори быстро выпалил:

— Кельты сказали мне, на ладье, что шкура дракона неуязвима... Во всяком случае, для стрел. Я пока не понимаю, отчего мой дед выбрал именно меня, но я надеюсь, что не стану помехой...

— ...отважным старцам — закончил фомор. — Что взбрело в голову твоему деду, Рори, боюсь, он нам и сам не сможет сказать... Так что, остается лишь уповать на то, что он снизойдет до объяснений и мы сообща поможем ему уловить сложную мысль.

— Нечего тут объяснять — хмуро сказал Рори Осенняя Ночь. — Чем трепаться, внук,

сходил бы вперед, до логова Брагана и разузнал, что там вообще происходит. Мы пойдем вслед за тобой, но мы именно, пойдем, а ты побежишь. — Тут Рори Осенняя Ночь умолк. С момента высадки на берег, внук с трудом узнавал деда. Голова того скрылась под черной кожаной косынкою, исчезли его скупые, но все же, по временам, появляющиеся улыбки. Тон стал резким и носил исключительно форму приказа. Рори Осенняя Ночь вновь примерял шкуру Рори Чужака. Услышав приказ деда, Рори Майский Лист, не помня себя от восторга, поклонился и рысью, а не галопом, побежал по указанной тропинке. Рори что-то одобрительно проворчал себе под нос^[39].

Вот теперь, я думаю, самое время просветить меня, уважаемый дед! — Сказал Белоглазый. — Ибо я уже отказываюсь тебя понимать. Ты просишь помощи и берешь с собою колдуна, которому ясно даешь понять, что его роль сводится к услугам няни и мальчишку, который только-только стал интересоваться противоположным полом... Хотя... Зная твой высокий ум, стоит радоваться тому, что ты не взял с собою Рона Зеркало и Фира Даррига^[40]. Теперь я хочу знать...

— Колдун... Ты не хочешь знать, ты хочешь услышать подтверждение своим мыслям. Ты совершенно прав... Для меня это — блистательная возможность умереть не в своей постели. Для моего внука — это живая легенда на всю Жизнь, а так же кровь, кишки и прочие прелести войны, что, я думаю, остудит в нем некую ненужную пытливость в этом вопросе... А без твоей помощи, Белоглазый... Без твоей помощи я не могу поручиться за жизнь Рори. Я не случайно назвал тебя другом и тем более, не случайно назвал твое имя на Совете. Кто, кроме тебя, сможет выкинуть мальчишку отсюда, если его дед падет в неравной битве?! А еще... Еще я думаю, что тебе приятнее идти со мной открыто, нежели красться... — И колдун промолчал в ответ.

Тут вернулся, совершенно бесшумно, Рори-внук. Дед знаком позволил тому говорить. И Рори-внук кратко обрисовал сложившийся расклад.

— Дед, там узкая, шагов семь или восемь, расселина в скале. Как она глубока, я не знаю — мне думалось, что ты не требовал от меня такого. — Дед кивнул, соглашаясь и внук продолжил:

— У входа несколько стрел... Они воткнуты в землю и просто лежат на земле. Что, по-моему, подтверждает правоту кельтов — стрелы Брагана не берут. А высота расселины равна, по-моему... Если поставить на плечи друг другу человек семь, то седьмой дотронется до конца расселины. Склоны ее внутри крутые, почти отвесны. А снаружи гора более полого. Так же по внешним склона горы растут деревья. А еще перед входом валяется великое множество костей животных, а так же немало обрывков веревки.

— Это говоришь, на что ты смотрел. Теперь говори, что ты увидел.

— Я только лишь думаю, что кельты приводят животных Брагану в жертву. А так же про то, что стрелы его не берут.

— Хоть что-то. Внук, как глубоко стрелы воткнулись в землю?

Очень неглубоко...

— Там каменная почва?

— Нет...

— Ясно. Тогда понятно, отчего стрелы не берут Брагана... Их метали с предельного расстояния, трусы. То, что там не лежит никакого оружия, только доказывает, что я прав. То, что там лежат обрывки веревки, доказывает то, что его уже начали кормить. Станным будет, что он не позовет сюда своих сородичей...

На этом Рори смолк и все трое пошли в ту сторону, где ждал их неуязвимый Браган и бессмертная слава в веках...

Уши юного Рори горели ярким огнем... Как много он пропустил! Как много он попросту не понял! Никогда ему не сравняться со своим дедом. Ни секунды, как и свойственно юности, не веря в их поражение, Рори поклялся себе, что с этого момента он начнет запоминать каждое действие своего деда^[41]... Неожиданно дед резко взял влево. И не потрудился объяснить свой поступок. Фомор или понял цели, которые преследовал Рори Осенняя Ночь, или ему было просто все равно. Рори же внук только сильнее задумался, что же хочет его дед... В таких напряженных раздумьях он пребывал до тех пор, пока они не вышли к пологому склону какой-то горы.

— Пришли. — Негромко бросил дед.

— Куда? — Так же негромко спросил Рори.

— К жилищу Брагана, мой юный эльф... — промурлыкал проклятый фомор. — Если, конечно, ты не нашел тут логово какого-нибудь другого дракона...

— Спрашивай — кинул Рори-дед.

— Отчего мы пришли к задней части горы? — Рори задал этот вопрос, чувствуя, что ответ очень прост и его просто засмеют.

— Я похож на дурака? — Голос Рори Осенняя Ночь был резок и строг. Даже фомор промолчал, хотя вопрос Рори был просто-таки искушением для ответа. — Я похож на героя дурацких легенд, которые идут ко входу в неизученное логово дракона, а то и вовнутрь и там кличут дракона полным голосом, как заблудшую корову? Это в сказках, сопротивляясь огню, герой поражает дракона мечом. Я не герой. И не собираюсь похоронить тут ни вас, ни умирать сам. Я желаю посмотреть на Брагана, а так же придумать, как его одолеть. Если это вообще возможно. Рори, со мной.

Дед не оборачиваясь, совершенно бесшумно двинулся к вершине горы. Внук последовал за ним. Фомор спокойно сел на землю и приготовился ждать.

Дед и внук, совершенно бесшумно достигли вершины горы, не очень высокой. Там Рори лег на живот и пополз к самому краю. А внук последовал его примеру. Рори Осенняя Ночь внимательно осмотрел вход — он чуть полого шел вглубь горы. Высота и ширина его соответствовали тому, что сказал внук. По внешним склонам горы росли высокие, толстые и, что удовлетворяло Рори Осенняя Ночь, явно прочные, деревья. План его понемногу складывался. Тут раздалось мычание коровы, оба Рори посмотрели вперед, с вершины горы, на которой они лежали. Ко входу в логово Брагана несколько мужчин гнали корову, с мешком, накинутым ей на голову. Это было и понятно — вид и, что главное, запах, явно привели бы несчастную корову в панику, а тогда ее не удалось бы загнать к Брагану никакими силами...

— Теперь молчи и смотри. — Обратился Рори к внуку, хотя тот и так молчал и смотрел во все глаза. На корову. Рори же, тяжело, но негромко вздохнув, смотрел вниз, на выход из логова Брагана. Кельты же, напоследок ткнув корову в зад копьём, кинулись бежать от логова. Корова же, напротив, побежала вперед. Пробежав несколько шагов, она встала. Тут же из логова послышался скрежет, что-то огромное, грузно, но быстро, выбиралось из черноты внутренней части горы. Жесткая рука Рори легла на холку Рори-внука, тот вздрогнул и понял, что уже стоит на четвереньках и также понял, что и сам толком не знает, что он хочет предпринять. «Если ты не перестанешь уподобляться этой корове, то в следующий раз я тебя на рыбалку не возьму.» — Тихий голос деда произвел эффект, равный

пощечине. Рори-внук молча растянулся на животе. И тут Браган, добрался, наконец, до выхода. Голова его, на длинной, могучей шее, была увенчана двумя иссиня-черными рогами, вдоль хребта шел явно острый, золотой гребень. Сложенные крылья Брагана лежали вдоль его тела, превосходя само тело длиной. Толщина его шеи, то есть, именно та часть тела драконов, которые так легко перерубают мечи героев, в самой тонкой ее части, равнялась объёму рук взрослого человека. Цвет Брагана завораживал — багряный с золотом дракон был прекрасен. Но тем опаснее он был... От восхищения очень недолго до поклонения, жертвы уже начались и глупцы не понимают, что обезопасив себя от одного дракона, сами же призывают сюда его сородичей — приходите! — кричат они — здесь легкая и вкусная добыча!

Пока эти мысли вертелись в горячей голове Рори-внука, Браган резко кинул свою голову вниз, к корове. Он схватил ее поперек спины, мотнул головой, как собака, ломающая хребет крысе и уполз обратно со своей жертвой, так и не выползши из пещеры целиком.

... Подняв голову, фомор увидел перед собою обоих Рори. Щеки младшего горели великим стыдом, Рори же дед был спокоен, как филид на суде.

— Что скажете, отважный старец и его молодой внук?

— Нечего говорить... Если мы не хотим торчать тут неизвестно, сколько, то мне нужен пишог... Мне нужен маленький, отчаянно блеющий ягненок прямо перед входом в логово Брагана. Именно, маленький...

— Будет блеять — спокойно сказал Белоглазый. — И будет даже пахнуть овчиной.

— В лоб Брагана не взять. Если он опустит морду, то будет закрыт целиком, весь. Он покрыт по спине, шее и бокам толстой чешуей. Даже я не возьмусь ее пробить. — Времени на скромность у них не было. Если Рори Осенняя Ночь, на спор поднимавший на спине тяжеловооруженного всадника вместе с конем, говорил, что не в состоянии пробить чешую Брагана, то это значило, что так оно и есть и не стоит тратить на это время. — Имело бы смысл вкопать колья на его пути, чтобы он пропорол брюхо, но что-то подсказывает мне, что если мы устроим земляные работы у входа в его дом, Браган проявит живейший к ним интерес. Так что, план таков. Поперек входа, от растущих по внешним склонам, деревьев, я натяну веревку. Дальше будет блеять ягненок. А мой внук, стоя на расстоянии верного выстрела напротив входа, будет стрелять в Брагана, целясь в глаза и ноздри. Можешь истратить все стрелы, но заставь его поднять голову! Он должен поднять ее, когда будет прямо под веревкой. Ты все понял? Думаю, что да. Тогда беги туда, куда я велел и жди дальнейшего развития. Как только Браган появится в поле видимости, начинай стрелять. Никакой рисовки бесстрашием. Если ты будешь ближе от входа, чем я приказал, то клянусь — по возвращению на Нагорье, я публично тебя выпорю. Все, беги, внук и да пребудет с тобой милость Хранителей Нагорья.

Майский Лист скрылся в рощице, что росла прямо напротив горы Брагана.

Фомор и Рори Осенняя Ночь смотрели друг на друга, криво улыбаясь. Первым заговорил Рори Осенняя Ночь:

— Колдун, я прошу лишь присмотреть за Рори. Никакой помощи, кроме бараньего пишога. Я уже дал понять, что не приму помощи, но, даже боясь тебя задеть, повторю это. Это моя охота. Это мой Долг Нагорью. Я знаю, что мне немного осталось жить и я не хочу уходить, не расплатившись.

Фомор только молча кивнул головой и пошел вслед за Рори — внуком.

Рори же дед, как только остался один, присел на корточки, поставив меч перед собою и

держась за острие. Закрыв глаза. Что-то прошептал одними губами. И резко встал, кинул меч на плечо и побежал в сторону склонов горы Брагана. Там он, выбрав два дерева на разных склонах, чьей толщиной и прочностью остался доволен, соединил их веревкою, которая бунтом лежала в его заплечной сумке. А потом, высмотрев в рожице своих помощников, махнул рукой. Он увидел, что его внук уже положил на тетиву лука первую стрелу, с двумя остриями, а колдун разводит руками в воздухе перед собой. И тут же, прямо перед входом в пещеру, жалобно заблеял маленький ягненок... Именно маленький... После коровы Браган мог и не заинтересоваться чем-то боле крупным. А ягненок...

«Мне никогда не удастся забыть того, что я увидел, даже если бы я зачем-то захотел это сделать... Я видел, как человек становится сильнее дракона... И я понимаю теперь, отчего люди подчас забывают о том, кто же, все-таки, правит Миром. Когда рогатая голова Брагана появилась из расселины, Рори-внук тут же пустил в него стрелу. Она ударила точно в ноздрю дракона. А потом стрелы пошли потоком, это и была стрельба, которую Народ Холмов называет «Эльфийский Дождь»^[42]. Ягненок продолжал блеять, но Брагану, смею думать, было не до него. В дикой ярости это чудовище шло вперед, не набирая, однако, скорость, очевидно из опасения повредить перепонки крыльев в тесной пещере. И тут, наконец, стрела Рори нашла его глаз. От дикой боли Браган вскинул голову и бросился к выходу. В ту же секунду веревка, натянутая как раз на уровне его нижней челюсти впиалась ему под горло, не дав опустить голову, хотя бы на миг. Этого мига хватило и даже боле, чем. Рори Осенняя Ночь прыгнул с боковой стены расселины, где прятался до сих пор, прямо на шею Брагана. Упав на его шею, Рори обхватил ее ногами, а сам же откинулся как только мог, вниз — и почти лежа на шее Брагана вниз головой, одновременно с резким подъемом тела, на всю длину вогнал свой двуручный меч прямо под челюсть Брагана, в то место, где не было чешуи, так надежно скрывавшей все остальное тело дракона, за исключением, быть может, живота^[43].

Кровь... Крови было с избытком... Рори-внук с таким ужасом посмотрел на это, что мне стало ясно — Рори Осенняя Ночь достиг результата, к которому стремился. Его внук, я думаю, не скоро захочет вновь воевать... От дикой, смертельной боли, дракон взревел и из пасти его столбом ударило аспидно-черное, с багровыми прожилками, пламя. Черно-багряное пламя... И кровь, струями, фонтанами заливавшая Рори Осенняя Ночь. А потом, через несколько мгновений, дракон замер и, простояв миг совершенно спокойно, обрушился на землю. Рори Осенняя Ночь соскочил с него в последний момент, прежде чем Браган раздавил его. Браган, то чудовище, которое вынудило кельтов столь нагло ломиться в Грань, был убит так быстро, что будь с нами какой-нибудь бард, он бы умер от разочарования — ягненок, стрела, веревка и единственный удар меча. И все. И куча падали на земле, еще курящаяся дымком нежно-алого цвета и все еще сочащаяся кровью. И седой старик, переваливший за вековой рубеж, одним движением выдергивает из головы Брагана меч. Да это крайне скучно...

— Фомор! Фомор! Ко мне! — Донесся до Белоглазого призыв Рори. Рори — внук, повинувшись приказу деда, не двинулся с места.

— Фомор, ты думаешь, что люди простят меня за то, что я за полдня избавил их от кошмара, которому они уже начали, отчаявшись приносить жертвы?

— Уверен, что нет. Так что я забираю с собой вас обоих и мы идем на Нагорье.

— Нет. Вы уходите. Я же иду туда, где меня ждет великая награда — на обрыв реки Вратной... — Сказал Рори Осенняя Ночь.

Рори Осенняя Ночь

Какое сладкое бездумье... Хотя обычно, оно-то и настораживает меня больше, чем напряженная (не умри со смеху, фомор!) работа головой... Я не терплю пустоты... И, видимо поэтому, она так часто приходит... Самый победоносный ее приход, пришелся, само собою, на смерть Хельги О'Рул... Интересно, что меня ждет там, после смерти? Я уже знаю спасибо фомору, что я — только подкидыш, подобранный Рагнармом Кожаные Штаны... Так что, даже и не знаю, к кому себя относить... В любом случае, теперь, после встречи с друидами, я полностью уверен в том, что смерть в своей постели мне не грозит.

Эльфы сами решают, куда им идти после смерти — или уплывать на Север, или оставаться тут же, становясь Хранителем или же Ожидающим... Ожидающим своего часа, своей половины... Чтобы уйти или остаться вместе. Может ли Хельга ждать меня? А что, если наши миры после смерти просто не пересекаются? И мы будем обречены на вечную разлуку... Тогда после моей смерти пусть Рори О'Рул с фомором попробуют привязать меня к Эльфийскому Нагорью — тому месту, где были Мы. А пока же мне предстоит получить свою Великую Награду, которую я, как истинный человек, не пожелал делить на троих. Кстати, место, где мне ее вручат, как раз то, что надо... Оттуда, семьдесят лет назад стрелы кельтов и викингов, скинули меня в воду Вратной, которая потом оказалась Серым Ручьем... Я уже узнаю места, хотя и пробежал здесь больше семидесяти лет назад. А за мной гнались шавки Рагнара и вольный кельтский клан... Чтож, они сделали для меня больше, чем я мог бы попросить у какого-нибудь своего невидимого покровителя... Но почему и чему радовался старший друид? Само собою, такое трудно не заметить. Поэтому только мой внук не понял этого. А вот что понял и что знает фомор — собственно, уже не очень важно. Фомор и Рори уже дома, а я уже вижу тех, кто даст мне награду. Честно и искренне, поскольку со мной нет ни внука-эльфа, ни колдуна-фомора. Мы все здесь, в чем-то, люди... А глаз Брагана в моем мешке, я думаю, убедит их в том, что я выполнил свою работу, а не измазался в коровьей или оленьей крови... Вот и они... Вот они, три высших друида и с ними... Хранители Нагорья! Это же тот самый вольный кельтский клан, который помог мне попасть в Нагорье. Теперь куда^[44]?

... Время размышлять уже вышло. Рори поднялся на самую вершину обрыва Вратной и молча кинул на лету развернувшийся сверток к ногам друидов.

— Великий воин ждет своей награды? — Вкрадчиво спросил старший друид. — Но где же спутники героя? Погибли? Ушли? Что, награда достанется только тебе?

— Осталось только спросить тебе, друид — не бежали ли те, кого я выбрал себе в спутники... — Резкий голос Рори ударил, как кнут и друид отшатнулся. Они с Рори смотрели друг другу прямо в глаза. Рори был человеком, так что смотреть, по крайней мере, можно было не опасаясь последствий, как то было бы нужно при общении с Народом Холмов.

— Я далек от безрассудных вопросов, воин — начал было друид, но Рори перебил его:

— Как далек и от того, чтобы говорить правду? Само собою, что тебе хочется накрыть здесь всех троих и концы... Во Вратную... Только я опасаюсь за разум твой, друид — ты

хоть представляешь себе, что случилось бы, если бы вы убили тут фомора и нас с внуком? Представим, что тебе это удалось...

— Неужели я похож в делах магии на жалкого любителя, который четверо суток подряд жарит живых кошек, чтобы вызвать старшего Кайт Ши, чтобы насолить затем соседу, приказав Кайт Ши навестить соседскую скотину? Но вызвав сида, выясняет, что тот и не думает ему подчиняться? Разве я похож на такого человека, Рори? Не притворяйся глупее, чем ты есть... Этого и так достаточно... Это же надо... Он спрашивал, где он меня видел, убийца... Неужто ты думаешь, что трудно просчитать твои ходы? Когда ты почувал, что что-то не так, ты просто должен был отправить спутников отсюда! А сам, влекомый желанием понять, что, все-таки, тут намечается, ты просто-таки обязан будешь сюда явиться? Ты, человек, без Соседей! Я не думаю, что ваш Король пойдет огнем и мечом, чтобы отомстить за человека — людям? Ведь не станет же он истреблять тех, чья смерть так невыгодна ему самому? А сам я готов платить.

— Я узнал тебя, друид. Ты был здесь семьдесят лет назад. И ты тогда ушел от меня живым, я поскользнулся на грязной от крови и требухи твоих соплеменников, земле и только разрубил тебе ногу... Чуть ниже пояса, потому, что я бежал за тобой, храбрец! А ты же визжал, как свинья, которой подпалили хвост. Я помню тебя. И, само собою, что я догадываюсь, кого ты привел сюда, друид. Мне не ясно только одно — почему право мести вы оставили за собой? Я, что ли, гнал вас по Холмам Изумрудного Острова?

Говоря все это, Рори уже понял, что надо сделать — в первую очередь, должны быть убиты друиды. Пусть первым умрет даже не тот, кто все это затеял. Но, если ему нужен хотя бы один шанс на победу, то друиды должны умирать быстрее всех. В спешке. Лежащий на земле глаз Брагана служил хорошим зеркалом. Друиды стояли вокруг него треугольником, видимо, готовясь кинуть какое-то заклятье, после которого воины клана легко забьют Рори, как ту свинью, с которой он осмелился сравнить их старшего. Меч Рори лежал на его левом плече и левой же рукой Рори держал его за рукоять. Строго за ним стоял один из друидов, как будто напрашиваясь на то, чтобы быстрее всех прибежать на тот свет или ту его часть, где после смерти принимают недалеких друидов. А кельты же стояли вольно, по кругу, особенно же много их скопилось у края обрыва — видимо из соображений помешать Рори прыгнуть в воду. А чуть поодаль расположились стрелки. Да. Охота была проведена по всем правилам. И обложен он был просто-таки выше всяких похвал. Люди Изумрудного не учли только одного — нечеловеческую силу и скорость столетнего старика. И старик ударил первым. Конец его меча вдруг, прямо по плечу, как засов входит в скобы, скользнул назад и горло первого по очереди друида, взорвалось фонтаном крови. Не прекращая движения, Рори резко кинул меч вправо, почти что полным оборотом сняв голову второму друиду. Оскалившись, один старик кинул другому: «Начинай визжать» и, не договорив, прыгнул вперед.

— А где же дед, о колдун? — Спросил Рори Майский Лист, когда они с колдуном оказались на берегу Серого Ручья, шагнув в какую-то воздушную круговерть, вызванную Белоглазым.

— Твой дед как раз получает награду — раздался низкий голос Старого Рори О'Рула — Я ведь угадал, колдун? И награда соответствует людским ценам за помощь?

— Думаю, что да. — Внешне фомор был совершенно спокоен. — А так же я уверен, что это то, чего он сам хотел.

— Проще говоря, мы позволим им убивать моего деда? — Негромко произнес Рори

Майский Лист.

— Я хотел бы помешать этому. Но я уверен, что твой дед первый воспротивился бы этому, Рори! — Голос фомора все-таки дал трещину... Это был тот момент, когда все согласны друг с другом, но ждут лишь чьего-то позволения сделать то, чего всем хочется. И оно пришло.

— Открываю Грань, стойте рядом. — Низкий голос Старого Рори прозвучал, перекрывая монотонное бормотание Серого Ручья. Но Грань не поддалась^[45].

— Быстро за мной! — колдун уже бежал подальше от берега Серого Ручья. А за ним... За ним спешили оба Рори и еще довольно большой отряд Жителей Нагорья.

... — Так ты и не успел взвизгнуть... — Рори удовлетворенно вогнал кулак в живот старшего из друидов. Тот сломался на кулаке воина просто пополам, хрустнул хребет, а изо рта хлынула кровь, пополам с недавним обедом. Увидев это, Рори Осенняя Ночь бросил еще, стряхивая тряпку тела друида со своей руки: «Лучшее обрамление для твоей рожи, старик.»

В следующий миг кельты, добежав до него, бросились, как оголодавшие псы. А псы... Псам никогда не сравняться с волком, даже если они кидаются целой стаей. Рори резко упал на колени, с огромной скоростью описывая мечом завывающий круг — его меч по дороге подсек ноги тех, кто не успел отпрыгнуть. Но и сам Рори пострадал — чей-то топор на излете достал его по спине. Безрукавка лопнула и потекла кровь. Рори, вращая двуручником, кинулся напролом из круга. Продолжать бой на ставшей мокрой траве было нельзя. Каждая ошибка стоила бы жизни. А потому Рори отскочил к глазу Брагана. И тут лучники сказали свое слово — дождь стрел обрушился туда, где только что был Рори — он успел упасть, но когда он вскакивал, то понял, что стреляли не все — половина заставила его упасть, а вторая кинула стрелы на уровне колена... Попали не все, но несколько вонзились в грудь. А кельты вновь накатили на него. Один на всех, стоя у глаза Брагана, Рори, одной рукой вращая поющий двуручник, другой ломал древки торчащих из тела стрел. Но боя, на который был способен тридцатилетний Рори, уже не могло повториться — каждый успех Рори чего-то стоил ему. Отрубленная голова предводителя — еще одного рубца на лице. Пробитая грудь одного из нападавших — разрубленной ключицы. Чьи-то отлетевшие в сторону руки обошли еще парой стрел, на этот раз в спину. Но Рори-Чужак еще надеялся тогда... Рори Осенняя Ночь ни на что не надеялся. Он поставил своей целью не умереть, пока не упадет последний из нападавших. И, судя по всему, у него это неплохо получалось. И вот уже только лучники держат его в кольце... Старик выпрямился во весь рост, стоя над телами убитых, вскинул высоко свой меч, левой рукой, ибо правая была перебита и его дикий клич, крик рваными легкими, прогремел над полем битвы: «Хай-й-й-й-й-я-я-я-я-а-а-а!» И стрелки не выдержали этого противостояния — когда Рори Осенняя Ночь двинулся к ним, они пустили еще несколько стрел и бежали, бежали, как и должно бежать псам — не оборачиваясь. Они не видели, что Рори упал. Не видели, как чуть в стороне из ниоткуда выбегают Старый Рори, Рори Майский Лист, Белоглазый...

— Стойте! — Старый Рори вдруг встал и крестом раскинул руки. — Мы уже опоздали. Не стоит мешать им...

Те, кто спешил за ним, покорно встали, не понимая пока, что же имел в виду Король Эльфийского Нагорья...

... — И тогда мы увидели... Как с того места, где лежал пронзенный стрелами, Рори Осенняя Ночь, встал человек, а точнее тот, что всю жизнь Рори ждал момента своего освобождения. Встал навстречу кавалькаде темно-зеленых всадников на прекрасных конях.

— Дини Ши! — негромко воскликнул Белоглазый. Спутники его молча смотрели, как один из всадников, чьими глазами на Мир смотрела дикая, лютая, безнадежная и оттого наиболее живучая, наиболее ищущая, Тоска, протянул Рори Осенняя Ночь узду свободного, заседланного коня, которого за миг до этого он вел в поводу.

— Дини Ши... Он, все-таки, нашел свой путь и вышел. — Белоглазый говорил негромко, но его слышали все, кто бежал на помощь Рори.

Но Рори не сел на коня. Он что-то негромко, неслышно сказал предводителю всадников и тот, кивнув, отъехал, вместе с заводным конем. И кавалькада всадников тронулась своим путем. А Рори Осенняя Ночь продолжал жадно всматриваться во внезапно за клубившийся перед ним туман.

— Ланон Ши... — Негромко отметил Белоглазый. Они видели, как Рори низко поклонился Ланон Ши, ответившей ему тем же и с тем исчезнувшей.

— Дини Ши, который не поехал со своими братьями и Дини Ши, который отказался разделить Бессмертие с Ланон Ши. Что еще ждет нас сегодня? — Это спросил Фир Дарриг.

— Вот я и нашел себя... Вот я и понял, что же на самом деле влекло меня сюда... Золотой поток листвы на деревьях Эльфийского Нагорья... Осеннее Солнце над Холмами... Тоска, по следам которой можно гнаться всю жизнь... Или все бессмертие. И для этого не надо ехать непременно на великолепном вороном жеребце, в окружении своих братьев... Моя тоска да пребудет со мной — ибо я могу выбрать свой путь сейчас. Я останусь тут, на Эльфийском Нагорье, хоть Бродячим Огоньком... Я знаю, по следам чего я пойду...

За спиной Рори Осенняя Ночь раздалось негромкое: «Стоит ли обрекать себя на такое бессмертие, Рори-Чужак?»

Рори обернулся... Да, слух Дини Ши, который видел в предмете вечной погони не утраченное всецелье его народа, а любовь этого, только еще обещающего стать светлым маячком Эльфийского Нагорья, не обманул его. Девочка, становящаяся на глазах девушкой и только потом той Хельгой О'Рул, которую знало Нагорье. Тем, Рыжим в Медь, Чудом Рори-Чужака.

— Рори неспешно шагнул к ней:» Ты пришла проститься со мной, мой эльф, моя жена, моя Хельга?»

«Нет, Рори. Я уже выросла и знаю теперь кто ты. Ты больше, чем Дини Ши, который преследует свою прекрасную цель, свою величественную цель, свою Память о великом времени... Нет, Рори, я пришла не проститься. Я пришла за тобой».

— И тогда лепрекон Рон Зеркало громко, навзрыд, заплакал^[46].

Телега поскрипывала на ухабах, петляла на каменистых тропах... Человек в колодках, с грязной тряпкой поверх рубленой раны правого плеча, смотрел в небо. Он не хотел смотреть по сторонам. Не хотел видеть землю, которой его лишили, пленив. Судя по черным синякам под глазами и белому лицу, судя по произвольной дрожи пальцев, было видно, что рана его, покрытая тряпкой не одна. Еще один тяжелый удар пришелся ему в голову. Телега остановилась, стих мерный топот сотен ног, весь день неотступно преследовавший слух человека в колодках. В самом деле, небо над ним уже начинало темнеть... Еще немного — и оно станет черным, как пряди волос...

О ком думал пленник? О чем вспоминал, о чем жалел? О чем может вообще жалеть сила, угодившая в дурацкий капкан? Неистовство — удел глупцов. Пленник им не был. Он не переставал надеяться. И не переставал обдумывать, как передать пленившим его воинам Хелла и оборотням Радмарта последнее «прости».

— Что скажешь теперь, падаль? — спросил его оборотень, легко вскочивший на телегу и приготовившийся скинуть пленника, вместе с колодками.

— Что можно сказать научившемуся болтать псу? — негромко, но четко сказал пленник.

— Эти слова дорогого стоят, — усмехнулся волколак. — Примерно... Нет, даже и примерно не скажу. Но это вот — в задаток, — и сапог с силой ударил пленника в живот. Из прокушенной губы побежала по подбородку прерывистым ручейком кровь. Оборотень зло хекнул и легко скинул пленного на землю — весил тот явно не очень много и не отличался могучей статью. От удара пленный потерял сознание. Оборотень подхватил его под мышки и поволок к горевшему костерку.

У трещавшего с аппетитом сыроватыми ветками костра сидел башнеподобный герцог Хелла, его Советующий и Радмарт, державшийся подветренной стороны и сидевший от огня дальше своих собеседников.

Хелла смотрел в огонь — втянув голову в могучие, облитые кольчугой, плечи. Крупнозвенная кольчуга казалась на нем шелком — так велик и могуч герцог Хелла. Но лицо его — еще недавно лицо сильного, волевого человека, склонного, быть может, к необдуманному поступкам, — теперь словно расслоилось. Из-под ставшего маской лица порывистого здоровяка, любящего жизнь и ее радости, смотрело жестокое лицо убийцы. А оно в свою очередь сменялось лицом испуганного, больного, потерявшего что-то дорогое — может, память — человека.

Перемены в Хелла видели оба собеседника — и Советующий, и Радмарт. Но Советующий был вынужден бороться с этим — словами, наговорами, травами — под видом простой заботы о здоровье повелителя, он, не насторожив Хелла, должен был спасти его рассудок — речь шла уже не о пустяках. Хелла затеял что-то странное, позвав оборотней с Северных Топей — при этом совершенно неожиданно, безо всякого Совета — просто изъявил свою волю и скоро уже мчался на Северные Топи приговоренный к смерти преступник. Оттуда он вернулся бы свободным, искупившим вину человеком — но что-то пошло не так, и он не вернулся. А одним теплым вечером пришли оборотни во главе с Радмартом.

Перемены видел и Радмарт — не им ли он улыбался, как улыбаются знакомым, пусть

хоть даже и опасным знакомым? Как встреченным неожиданно зловещим союзникам, которым просто радуешься — если не боишься. Радмарт не боялся. И оттого темные, почти черные губы оборотня подрагивали судорогой.

— Что пленник? — спросил Хелла внезапно. Так задают самому себе вопрос, вслух, убеждаясь в собственной реальности.

— Привести? — не обратил внимания на интонацию Советующий и поднял было руку, чтобы позвать стоящего поодаль слугу.

— Нет, — неоправданно резко отрезал Хелла и тем же тоном обратился к Радмарту: «Отчего ты бросил преследовать Дорогу? Отчего не убил?»

— Проще и разумнее раздавить змею вместе с выводком, чем оставить гадючьи яйца зреть в тепле и покое, убив только саму змею, — спокойно ответил Радмарт. — Мы накроем и войско Дороги, и бежавших от нас. Накроем всех, на кого он бы еще мог надеяться. Тогда Договор вступит в силу, герцог Хелла.

— Герцоги рода Хелла не страдают скверной памятью, оборотень! — сурово ответил Хелла. Советующий озабоченно покосился на правителя. Радмарт же дернул верхней губой и опустил желтые глаза.

— Не все, что я говорю, говорю только я. Моими устами говорит Глава Северных Топей, государь Хелла, — сказал он, помолчав. Хелла никак не ответил на это, и Советующий сказал вместо него:

— Радмарт, герцог помнит, с кем он говорит и с кем связан через тебя. Нет нужды утомлять герцога повторением очевидного.

— Прекрасно. Завтра к полудню мы будем в пределах Замка Сова. Там дивное местечко для резни. Некуда скрыться — замкнутое скалами поле и Замок на скале. Не думаю, что он может вместить всех беглецов. Многие достанутся нам легко. Мне непонятно только, отчего Дорога не устроил нам ни единой засады, ни единого камнепада, пока мог? В его условиях это было бы мудро.

— Спроси его сам, Радмарт, — ответил Хелла величественно. Чересчур величественно чтобы это было необходимым.

— Мне не до разговоров с Дорогой, герцог Хелла. От меня он может ждать только смерти, — и я не думаю, что она будет легкой!

— Как бы то ни было, если лазутчики ничего не напутали, то завтра мы будем стоять на пороге его Замка Сова. На поляне, — веско сказал Хелла.

— Странно мне, что тенгу, которые не жалуют чужих, позволили и Дороге, и его сброду мало того, что пройти — так еще и отстроиться тут — я говорю про сам Замок, который они позволили построить предкам Дороги, — негромко сказал Радмарт. — Что такого особенного в роде Вейа?

— Род Вейа очень древний, Радмарт. Возможно, там бурлят крови тех, кому не в силах отказать ни духи гор, ни тенгу, ни Ямамба, ни тролли — никто. — сказал Советующий.

— Да, должно быть. Странно то, что наследник Вейа, Дорога, перешел к нам, а не родился здесь, или не пришел, скажем, из каких-нибудь здешних земель, пусть даже очень далеких...

— Видимо, Вейа вырождаются. Если последыша пришлось выдернуть из соседнего мира, — громко сказал Хелла и рассмеялся. Радмарт опустил голову и прищурил в издевательской усмешке желтые глаза. Советующий же думал о чем-то своем.

А костер с аппетитом хрустел сыроватыми ветками.

Пленник же валялся в своих колодках в лагере оборотней. Понимая и принимая, что сбежать сегодня ему не удастся, а завтра бежать уже поздно. Завтра они уже будут на месте.

— Что говорят наши лазутчики? — спросил я у старшего над гарнизоном Замка Совы. Можно сказать, теперь моей правой руки, после смерти Грута. Именно он принимал здесь беженцев, пока меня не было, устраивал их, готовился к обороне замка — и во всем этом, надо признаться, преуспел. Он даже успел разбить самостоятельно беженцев на сотни — что было нетрудно, однако. Многие из них умели сражаться, а уж хотели этого почти все. Даже бабы и малые дети. Мой приезд встретили таким ревом, что я подумал об обвале... Ночь я просидел в Замке — вместе с начальником гарнизона, пытаюсь предугадать ход мыслей Хелла и вырабатывая свой план. Мне вспомнились слова Белоглазого в Доме Великих Сов «Хелла под заклитием, — спокойно сказал он. — Уверен в этом также, как если бы сам его накладывал. Отсюда эти странные поступки — завоевание пустых земель — а какие еще могут быть земли после того, как по ним прошли оборотни, сожжение замка Вейа и погоня за самим Дорогой, с приказом не брать его живым. Хелла не придется насладиться объединением и долгим правлением в двух майоратах, превращенных в один. Да, это будет один майорат — волков — оборотней Северных Топей, под правлением их вожака. Именно так. Это их мастера стараются замазать всем глаза, их мастера внушили Хелла воспользоваться правом государя приглашать любых союзников, это их мастера делают вид, что оборотни пришли только по просьбе Хелла. Чушь».

И что может быть в голове у безумного Хелла? Или, правильнее спросить, что в голове у его Советующего? Или Радмарта? Или вожака оборотней на Северных Топях, а?

Утро большого облегчения не принесло. Наворопники показали, что весь счет войск Хелла вышел примерно на десять тысяч мечей. Из которых тысяча — оборотни Радмарта. Потрепали их изрядно, нечего сказать, изрядно. Это учитывая то, что общего сопротивления не было — просто захваченные врасплох или не успевшие сбежать селищенцы и городищенцы, брали посильную дань. Как могли.

Наш счет вышел на семь тысяч мечей. Окажись у меня тогда, при штурме родового замка, время — не пришлось бы бегать по майорату, обрекая на смерть своих подданных. Майорат Вейа был бы готов выставить ничуть не меньше воинов — а теперь, после первого удара Хелла и нашего отступления, условия старались диктовать они. Я приказал, как только приехал, забрать в замок всех баб и детей, стариков и хворых — чтобы их не было видно от входа в долину.

Булькала вода, грелось масло, нагревалась смола. Жужжали точила, слышался по всему замку скрип натягиваемых тетив, постукивали древки копий и сулиц, охалками разносились стрелы, у камнеметов расположились стрелки. Драли чистые тряпки, варили зелья, травники просто сбивались с ног. Готовили подстилки для раненых.

Мирились, прощали обиды и прощались.

Отойдя на тысячу шагов от входа в ущелье, надрывались мои люди, копая длинные, глубокие ямы, убивая дно в них обломками копий, ненужными, поломанными мечами, просто заостренными кольями — неважно, сколько воинов Хелла и Радмарта влетит в них — нам надо было как можно сильнее сократить разницу в мечах. Любой ценой. Чуть дальше — для тех, кого минует кол на дне ямы, заливали поле варом — он вспыхнет, когда придет время. И еще...

Это был очень лукавый приказ. Коварный приказ Дороги. «Я жду любого, кто в

состоянии натянуть тетиву, отличает стрелу от меча, или в состоянии спустить крючок самострела. И не боится умереть».

Лукавый приказ. Через несколько минут, помимо воинов и вооруженных захребетников, помимо основного войска Дороги, перед ним стояло около восьмисот детей, девок, отроков, стариков, баб и прочих, кому не было завтра места в сече. Вот тут-то и наступила основная трудность: умереть не боялся никто, но вот натянуть тетиву...

Отобрать удалось около четырехсот человек. Они тут же, по ночной заре, ушли — под предводительством десятка опытных воинов. Они засядут почти над входом в долину — в скалах. Детям — отрокам и отроковицам — проще оседлать скальные седла, проще спрятаться, но труднее ждать и сделать все вовремя. Поэтому с ними ушли матерые рубаки, способные сами справиться с командованием и не нуждавшиеся в понукании.

«От вас требуется одно — стрелять. Стрелять без перерыва, когда придет ваш срок. Ваша главная цель — оборотни Радмарта. Убивайте их. Только их. Остальных — только если она полезут к вам, на скалы. Убейте как можно больше серошкурых. Усейте ими поле, стрелки герцога Дороги. Но помните — того, кто покажет, что он в самом деле, дите — неповиновением, торопливостью или страхом, я прикажу казнить после боя. Во всем слушайтесь старших — ваших полусотников. Идите и да пребудет с вами удача».

Спустить тетиву может каждый из них. Обратней около тысячи, может, тысяча с небольшим — четыреста попаданий — хорошая работа. А если больше? Об этом можно только мечтать. Когда оборотни поймут, в чем дело, на скалы бросятся все. После этого про стрелков можно забыть. Но если все пойдет, как я хочу — то оборотням и воинам Хелла будет не до них — им надо будет, как можно скорее, выйти из-под обстрела и встречать войско, которое побежит от замка на них — с тяжелой пехотой во главе и с сотней всадников. С сотней и еще одним — мной. Больше нам не на что надеяться. Обстрел с тыла, атака, ловчие ямы, вар на поле и сшибка, а там уж, как получится. Так как придется оставить часть войска в замке — чтобы было, куда отступить, если придется и если останется, кому.

Меня беспокоили волки Радмарта. И почему-то то и дело всплывала оборотниха, крутящаяся в родовых муках. И то, что она родила Радмарту еще одного воина. Я не жалел, что не убил ее, не хотел вернуться в тот момент и все же убить, но воспоминание о ней не оставляло меня. Чаще этого я думал лишь об оборотнях Радмарта. Для старших нужно особое оружие. Но старший там только Радмарт. И еще — меня жгло воспоминание об убитом ни за что Фир Дарриге — благородном, маленьком сиде в красной курточке, который так хотел поселиться в моем погребе... Я не сгоряча посулил натянуть десять барабанов шкурами волков Радмарта — я натяну их, даже если барабанить придется мне одному. Во все десять.

— В общем, так, — подвел я общую черту, когда работы были завершены, воины накормлены и отошли ко сну, заняли позицию лучники и ко мне в комнату пришли их сотники, десятники, старосты — все, кто распоряжался ими, под водительством начальника гарнизона. — Как только последний обозник войдет в долину — вы — я кивнул главе стрелков, сидевших над входом в долину — начинаете бить. Залпами. Не останавливаясь. Быстро вас оттуда не снять. Заставьте их досыта нажраться ваших стрел и болтов. Не спускайтесь вниз до моего приказа — или пока Замок Совы не загорится, побежденный. В долине вас просто перережут. На скалах от вас куда больше проку. Вы, — я указал на главу тяжелой пехоты, — бежите за мной. За конницей. Строем. Клином. Свиной головой. Больше крика, больше грома — нам надо если не напугать, то приободрить Хелла и Радмарта — хотя, после стрел в зад, бодрости будет хоть отбавляй. За ними пойдете вы — я кивнул

сотникам легковооруженных воинов. Странно, что они просто не сели у долины осадой. Там было бы безопаснее ждать, пока голод не выкурит нас из долины. Не сглазить бы, но похоже, что они настроены все сделать быстро. То, что Хелла спятил — понятно. Но что с головой Радмарта? Ненависть к людям затмила его разум? А Советующий? Неужели они не понимают, что мы просто вынудим их сражаться, — подымаясь вверх по долине — если они не хотят попасть под молот, будучи прижаты к скалам? Кстати, это мы и должны сделать в конце — загнать их снова под стрелы и раздавить о скалы тех, кто останется. Радмарт и Хелла, думаю, будут искать моей головы сами. Ничего. Я буду рад повидаться с обоими. Я не настаиваю на пленении кого-то из них, или их воинов. Ни к чему. Надо раз и навсегда отучить соседей думать о майорате Вейа как-то иначе, нежели как о строгом соседе. Конница идет луком — обращенным в долину. Того, кто осмелится сломать строй или обогнать меня, я повешу на воротах за детородный уд. Когда они будут здесь? — я спрашивал молчаливого наворопника.

— Государь, будут у входа в долину завтра днем, между полуднем и вечером.

— Понятно. Значит, войдут, приготовятся — хоть как-то — где-то к вечеру, я думаю, они думают начать битву на стенах Замка Совы. Лысую им козлиную задницу. Как только последний обозник войдет в ущелье, мы начинаем бой. Вы, — я обращался к группе поджигателей, можно сказать, смертников, — все они были, как я понимаю, из семей, столкнувшихся в этой войне с оборотнями Радмарта. Последыши вырезанных семей, осиротелые отцы и дети, братья и мужья, кто еще? Какая разница... — Когда на вар забежит как можно больше оборотней Радмарта или воинов Хелла, или конницы — поджигайте его и дальше решайте сами. Скорее всего, впереди будет конница — что останется. Вы сами выбрали свой путь, и я уважаю вас за это. Можете попытаться уйти в Замок Совы — усилить гарнизон. Можете сражаться. Но подожгите вар вовремя!

... Они окажутся между моим войском и оборотнями Радмарта — теми, кто выскочит из-под стрел, из ловчих ям и проскочит поле с варом. И воины Хелла, конечно... — Все свободны. Все по местам. Всем отдыхать. И удачи — всем. И каждому, — я сжал в кулаке Цепь, словно закрепляя свое пожелание печатью. Начальники молча поклонились мне и вышли. Я остался один.

Встал. Хлопнул в ладоши. Возникший слуга побежал в кухню — за Ча. Мне не хватало Грута. Молчаливого, опытного Грута — я чувствовал, сколько дыр в моем плане...

Мне не хватало Шингхо — язвительного и мудрого.

Мне не хватало Ягой. Мне не хватало Ягой. Мне не хватало ее сейчас. Сегодня. Завтра в битве. И тяжело лежал на руке подаренный ею браслет. Но не дрожал. Он просто был со мной в этот час — час страха, час желания оседлать Буруна и просто уехать. Послать Хелла Цепь и уйти. На границу, должно быть. За смертью. При мысли оставить Цепь другому, что-то взвыло в моей груди — я уже говорил, что здесь я понял цену словам? Это был вой ярости и презрения. Это был я сам, ярился я сам и презирал себя сам. Государь майората Вейа. Герцог по прозвищу «Дорога».

Последний наследник крови Дини Ши Кромки. Непонятный и непонятый даже Белоглазым, сид.

... Последние дни она перестала убивать находников из-за кромки, не вставая из-за стола. Не роняла палочку, не гнала на синюю ленту, не пускала встречный пал, не пугала, нагоняя в Тропленную Межу, воем великана, идущего по пятам... Нет. Она выходила навстречу сама. Оставив лук в избе. Глаза в глаза. Чтобы не ошибиться. Чтобы убить. Или пропустить счастливец.

... Жесткое, стройное, обнаженное тело в облаке угольно-черных волос. Коса в руках. Выверенный, умелый удар. Красивая смерть.

... Она выходила им навстречу, так как устала. Устала ждать — отгоняя это, смеясь над этим, не веря в это — но мучительно желая услышать бесцветный голос Дороги — герцога майората Вейа, сида-бродяги: «Не трогай его. Я так хочу».

... Этого не должно было быть и не могло быть. Она не хотела, чтобы так было...

... Где же теперь Дорога? Отчего так горит то место, где раньше лежал подаренный ему браслет? Змеиный браслет Ягой, стражницы Кромки? Что еще может выкинуть беспокойный герцог погорелого майората?...

— Утро вечера мудренее, — перед пленником стоял Радмарт, — но утро, которое будет, тебе ничего не даст. Только еще день страданий — и смерть ночью, после того, как Дорога будет уничтожен вместе со своим гнездом.

— Герцог Дорога, — спокойно сказал пленник. — Государь майората Вейа. Завтра я увижу, как он поломает вам спины. А тебя, Радмарт, я думаю, он постарается взять живьем. Равно как и охмуренного вами, псами северных грязных луж, Хелла. Это будет славная битва, и мне жаль, что я не увижу ее.

Радмарт колебался лишь миг — желание убить пленника явственно горело в его желтых глазах. Он ударил его — сапогом, с силой, с отяжкой, в бок. Над печенью. Еще и еще раз. Пленник молчал, лишь скрипели зубы и текла по подбородку из закушенной губы, кровь.

— Что тебе еще остается, Грут? — весело спросил Радмарт. — Только попробовать взбесить меня или стражу — чтобы тебя убили в ярости. Ничего у тебя не выйдет. Ты останешься в живых до падения Замка Совы. А потом я попомню тебе ворота Замка Вейа.

— Значит, вас все же можно обучать, — задумчиво произнес Грут. — Всего несколько недель плена, а ты уже перестал звать Замок Совы гнездом и осилил его правильное название...

Радмарт рассмеялся и отошел. Грут остался лежать на холодающей земле. Колодки терзали его руки и шею, как огонь — их не снимали ни на миг. Он спокойно думал о том, что если завтра его государь что-то спутает или что-то пойдет не так, он, Грут, не станет дожидаться забав оборотней. Проще простого откусить себе язык и умереть, захлебнувшись собственной кровью. И все. На этой мысли он то ли заснул, измученный и телесно и духовно, то ли впал в забытие. Сам он уже несколько дней не задавался этим вопросом.

Хелла, Радмарт и Советующий расстались почти дружески. Решено было штурмовать Замок Совы, а не ждать смерти Дороги в осажденном замке — или отчаянного прорыва. Все трое были уверены, что Дорога будет ждать штурма в замке — это было самое разумное, что можно сделать. Будет штурм — волнами. С камнями, тараном, зажигательной смесью — Замок Совы не чета Замку Вейа — стены его ниже и тоньше. Кроме того, в стенах Замка Совы будет давка. Паника и все, что бывает вслед за ней, когда загорится кровля и постройки во дворе, Дороге останется только удавиться на своей Цепи. Ничего, Хелла готов взять ее и с удавленника. Размолвку — а точнее, несогласие — вызвало лишь время начала штурма. Хелла настаивал на утренних часах, Советующий промолчал — последнее время его не слушали. Радмарт изначально не принимал его всерьез и считался лишь потому, что за Советующим стоял Хелла. А Хелла все больше и больше отстранялся от реального мира, и Советующий радовался хотя бы тому, что герцог пьет те травы, что он ему дает. Радмарт потребовал ночной атаки. И Радмарт же и разрешил спор: «Хорошо, герцог! Оборотни лучше себя чувствуют ночью, твои воины — днем. Пусть будет вечер!» Хелла согласился с предложением и ушел вскоре в свой шатер. А Радмарт отправился в свой лагерь, попутно наведя пленного Грута.

Эта ночь больна. Больна тоской. Тоской по черным локонам стражницы. Смешно. Скажи я кому, что я не люблю ее, описав свои чувства — меня высмеют. Скажут, что я лгу сам себе. Словно я когда-то лгал себе! Но то чувство, что испытываю я к жестокой пограничнице, не любовь. Нет. Что угодно — страсть, тоска, влечение плоти — но не любовь. Как и она. Я знаю, что она думает сейчас, сегодня, под этой убывающей Луной, обо мне. Теплом веет от подаренного ею браслета... Я тоже скучаю по тебе, Ягая. Я смотрю на черные, взъерошенные, кажется, размышлением о завтрашней битве, облака — хотя им плевать на все битвы! — и вижу в черных рваных полотнищах твои раскиданные по ветру волосы...

Эта ночь больна страхом. Я боюсь, что я сделал все мыслимые ошибки при расстановке сил. Недоучел все, что необходимо учесть в первую очередь. Напутал с расстояниями. Не там выставил стрелков. Не там нарыл ям и разлил вар.

Все может быть, х-ха. Все. Даже то, чего быть не может. Единственное, на что я могу рассчитывать, — что совершая ошибки, я хоть что-то сделал верно и мне удастся сократить мечи Хелла и, самое важное — Радмарта, прежде, чем я постараюсь раздавить их о скалы.

Эта ночь больна обидой. Что мне не дали просто жить в Замке Вейа. В своем доме Хватит об этом.

Эта ночь больна ненавистью. Ненавистью к тем, кто завтра сорвет с меня Цепь и браслет Ягой. Если я буду убит.

И эта ночь больна уверенностью. Что я погибну герцогом, в Цепи и браслете стражницы Кромки. Это то, в чем я могу быть уверен. И этого отнюдь не мало. Будь здесь Грут — мы бы поломали спину Хелла и Радмарту. Уверен в этом. Уверен. Уверен.

Но Грут мертв. Я прошел в свою спальню и громко, но без крика, позвал: «Большак». Невысокий старичок, лохматый, но державшийся с большим достоинством, вскоре предстал предо мною. В шерстке на груди что-то отливало серебром, а левое запястье — золотом, но это, должно быть, шутили блики светильника.

— Большак...

— Большак Совун, — спокойно сказал Большак.

— Прекрасное имя для Замка Совы.

— Именно потому, герцог. Что ты желаешь сказать мне?

— Всем нежитям замка. Да, прибыла ли семья сида, которую я пообещал приютить в Замке Совы — или любом другом, в знак благодарности к ее погибшему старшему?

— Да, герцог. Они не держат на тебя зла, я уверен в этом.

— Прекрасно. Что вы — нежити — собираетесь делать завтра? Я хочу сообщить, что будет битва: сначала в поле, а дальше — никто не знает.

— Неужели герцог мог подумать, что нежити, незнати и сиды — Соседи — отличаются от своих павших братьев — павших в Замке Вейа? Что мы хуже знаем, что такое честь?

— Знаешь, Совун... Я так не мог думать. За то время, что я здесь, на Кромке, я кое-что понял. И вот что — считай, что все сказано трижды. Ты хочешь сливок? Просто посидим. Или ты хочешь чего-то другого? Само собой, что ты сам можешь все, что угодно, выбрать в кладовых, но я просто хочу угостить тебя.

— Тогда сливок, — решил Совун. — Благодарю тебя на щедром приглашении,

герцог, — маленький нежить поклонился. Я ответил тем же. Скоро мы сидели за столом. Совун ел сливки — очень аккуратно и тщательно, я же потягивал Ча. Говорить было не о чем. Перед приходом рассвета я сидел в кресле, положив ноги на подоконник. Большак уже давно ушел. Я был один. Собирать меня было некому. Грут был мертв. Да и я, к тому же, был в броне и при мече. Как и при палках для арниса на спине. «Гроб, государь», — я грустно хмыкнул.

В дверь постучали — негромко, но слышно.

— Да. Разрешаю войти.

— Прости, государь, — на пороге возник глава гарнизона. — Я осмелился побеспокоить тебя. Утро, государь...

— Да, уже утро... Что, они уже вошли в ущелье?

— Пока нет, государь. Пока они только в пути. Здесь будут после полудня. Государь спал?

— Государь не спал. Ему было о чем подумать, начальник гарнизона... Что ты хочешь от меня?

— Государь, я думал, ты пожелаешь проверить готовность Замка Совы к обороне, а воинов — к битве.

— Да. Пошли, — это никому не нужно. Пусть это идет вразрез со всеми правилами и трактатами о войне — это никому не нужно. Это уже сделано — за меня. Им, начальником гарнизона, чьего имени я так и не удосужился узнать.

— Как твое имя, начальник гарнизона?

— Сила, государь.

— Хорошее имя...

Больше я ничего не сказал ему. Как и кому-то еще. Я молча обошел воинов — посмотрев в глаза каждому из них. И даже матерям тех отроков и отроковиц, которых я с легким сердцем послал почти на верную смерть — на скалы над ущельем. Мне нечего стыдиться. Герцог лучше знает, где и кто пригодится. Вот и все. И в их глазах я читаю ту же мысль. Так надо. А еще там читается вера — не только у матерей. У всех. У каждого, кому я гляжу в душу. Вера в меня. В государя майората Вейа, герцога Дорогу, который проиграл битву у Замка Вейа.

Видимо, кровь Дини Ши изрядно разжижела за века. «Не знавших поражений в битвах» так, кажется. И тут я понимаю, что битва — это не один штурм. Не один бой. Не резня на стенах Замка Вейа. А что-то иное. В конце концов, что такое война, если не битва, длиной в войну?

— Государь, со скал машут серым стягом! — передо мной стоял воин — из числа тех, кто остается в Замке Совы.

— Прекрасно. Мы уже заждались, — я потянулся. Я сказал правду: день прошел в ожидании. Мучительном, изматывающем ожидании. Но не в том ленивом, которое звучало в голосе герцога Дороги. А в тяжком, удушливом ожидании, преисполненном страха и метаний — внутренних. Что, если они не войдут в ущелье, а просто обложат долину и будут ждать? Или пошлют разведчиков, которые найдут мои ямы и вар? Кстати...

— Передай Силе, что герцог приказывает: послать конника к стрелкам на скалах. Предать мой приказ: «Если войдут разведчики — не стрелять. Спрятаться. Не дать себя заметить. Убивать, только если подойдут к засаде вплотную — и найдут ее. Убивать, если найдут ямы и вар и пойдут обратно с вестями. Тогда убить всех. До единого. И продолжать в

том же духе, пока не пойдет войско. Тогда — как было условлено вчера.» Ты все понял?

Воин поклонился. «Иди». Воин исчез. Он видел перед собой заскучавшего воителя. Не воина даже, не просто государя — а воителя, жадного до битвы и уверенного в победе. Так-то, х-ха. А через миг появился Сила. «Снаряжаться, государь!»

— Что ты, дасу подери, имеешь в виду, Сила?!

— Только одно, — серьезно сказал Сила и поставил на стол сверток. Развернул... На меня смотрела личина совы — мой шлем! С помятым ухом — мой шлем, из Замка Вейа, слетевший от удара убитого мной оборотня!

— Откуда он?!

— Его принес к нам большак Замка Вейа — Гёрте. И тут же ушел обратно. Он велел передать его тебе перед битвой, государь. Прости, что мы не посмели сказать тебе раньше — если надо было это сделать! — Сила опустил глаза.

— Все было сделано отменно и вовремя, начальник гарнизона, — я встал, подошел к столу, одел подшлемник, принесенный Силой — не мой старый, другой, затем кольчужный капюшон, а сверху — шлем родовых доспехов Вейа — голову совы, атакующей жертву — с закрытыми глазами. Гёрте жив! Может, не только он. Но как же вовремя, надо сказать... Я пошел вниз. К лошадям. Пора было седлаться.

Седловка закончена. Тяжелые всадники на конях. За ними идет тяжелая пехота — копейщики. Острие тарана Вейа составим мы, конница. А сзади нас подопрет пехота.

«Все помнят, что они делают? Или кто-то нуждается в том, чтобы я освежил его память?» — «Все, государь!» — лязг железных, напряженных глоток. — «Тогда все».

— Желтый флаг, государь! — голос со стены.

— Вошли в ущелье? Сразу?! «Их ненависть оказалась сильнее их разума», х-ха, лучшее надмогильное слово! — принесенная со старого мира эпитафия, которую произносили над павшим берсерком. — Х-ха, воины! Сегодня удача идет к нам лицом! Поле будет нашим, а дурак Хелла еще проклянет тот день, когда приволок сюда этих паршивых болотных шавок! — и воины рассмеялись. Искренне. Зло. Честно. Это был смех оскаленных перед последним боем сердец. Смех свирепых глаз, переполненных слезами ярости. Душ, истово ждущих своей доли на брачной постели. Морене сегодня будет не до скромных даров Ягой!..

— Что, Грут? Вечереет? Поднимите его! — приказал Радмарт. Оборотни со смехом подняли Грута на ноги, но тот упал, хотя старался удержаться, старался до хрипа из судорожно сжатого рта.

— Поставьте в телегу бревно — торчмя. И привяжите его к нему — он жалел, что не увидит битвы. Так вот — он ее увидит!

— Спасибо, Радмарт, — спокойно сказал Грут. — Не каждый день доведется увидеть, как вырежут сразу столько оборотней. Не говоря о дураках Хелла.

— Что еще тебе остается сказать, Грут? Ничего. Прощаться не будем — я вернусь за тобой, когда смогу принять тебя в стенах Замка Совы, ха!

Опираясь на бревно, Грут равнодушно смотрел на строй латников Хелла, как раз входивших в ущелье перед долиной, где стоял Замок Совы. Он ни о чем не думал. Он не боялся. Он ничего не хотел. Но где-то в самой мутной воде на дне своего сердца он утопил желание докричаться до Вейя, до своего государя — с убивающим, высасывающим все соки его, Грута, души, отчаянием — передать герцогу свой совет для битвы при Долине Сов. Тот, что герцог Дорога воплотил в жизнь — немного изменив. Но этого Грут не знал. Поэтому приказал себе — своему сердцу, уму, душе — молчать. Не сглазить. Оборотни тронулись вслед за латниками Хелла, легкая пехота уже вошла в долину — вслед за конницей. Обоз тяжко пополз по камням — Хелла никого не оставил перед ущельем. Он был настроен победить и спокойно войти в Замок — или погибнуть. Всем. И обозникам тоже. Грут закрыл глаза — поднявшаяся пыль все равно закрыла обзор.

— Синий флаг, государь! — крикнули со стены. Обоз начал входить в ущелье.

— Вперед. Шагом, — я тронул Буруна пятками и слегка похлопал по крупу — тот тут же тронулся вперед, за ним, за вожакон, потянулись остальные кони. Немного, казалось, качнувшись назад, преодолевая тяжесть брони, строй латников сделал первый шаг.

— Можно двигаться, государь, — шепнул Советующий Хелла. Войска Хелла уже вошли в долину полностью. Обоз намертво закупорил ущелье и теперь, в криках и ругани, силился протиснуться вперед, вслед за воинами. И тут со стен ущелья, со свистом, с гулом прошитого в сотнях мест, вечера, в оборотней Радмарта ударил рой стрел и болтов. И еще. И еще. Стрелки Дороги били на выбор — вниз со склонов. Оборотни Радмарта оказались в долине немного впереди войск Хелла — и теперь воины Хелла мешали оборотням прорваться на скалы и передуть юных убийц герцога погорелого майората.

Повинуясь приказу вождей, стрелки ударили стрелами и болтами по воинам Хелла, вначале не пострадавшим. Сказывался юный возраст и малая опытность — не получалось у молодых бить четкими, общими залпами, что если и не дает намного более высокого попадания, то во всяком случае, устрашает больше — своей смертельной деловитостью. Но хватило и того, что было.

— Из-под скал, воины! Вперед! — рев глотки Хелла прокатился над стопами и воплями гибнущих, раненых, избиваемых и ожидающих того же, его ратников и оборотней. Потрепанное войско Хелла кинулось вперед, а стрелки Дороги били им вслед — предпочитая некольчуженные спины оборотней. Первой вышла из-под стрел конница — злые восточные всадники, на невысоких, свирепых лошадях. За ними, выровняв строй — насколько это вообще присутствовало у них — бежали оборотни.

— Сигнал, государь! — со стен Замка Совы пропел рог.

— Рысью, детки, — как-то странно скомандовал я, хлопнув Буруна посильнее. Умный жеребец чуть ускорил шаг. Латники наддали и почти бежали вниз по склону. Дальше склон станет круче — и тогда они просто помчатся под тяжестью своей же брони. А мы, конница, полетим. Как стая стальных, разъяренный шершней. Нас еще не видно, нет, х-ха — Хелла сейчас еще легко поднимается в гору. Нас пока не видно. Их тоже. Зато...

... И тут передние ряды конницы Хелла — поредевшей еще под Замком Вейа — на всем скаку вломила в первые ряды ловчих ям! Сзади все спешила пехота, но ее обогнали оборотни — и, поняв, что происходит, передние кинулись назад, но все новые и новые ряды наступающих мешали им, скидывали во рвы, где терпеливо, молча ждали кровожадные подарки от веселого герцога Дороги — колья, ломанное железо мечей, обломки копий — все, все они нашли свою жертву — голодным не остался не один. Злые всадники, свирепые лошади, оборотни, перекидывающиеся в последние моменты жизни и силящиеся перескочить через головы проваливающихся — мешанина, вот что это было. Гости ям Дороги. Оставшиеся ночевать. Умиравшая мешанина. Приказов никто не слышал — Хелла старался остановить атаку, чтобы обойти ямы, но понял, что смысла в этом нет — ямы кончились, а падать просто некуда — они заполнены. Считать потери было некогда.

Пора бы спросить: чем думал Вейа, когда вырыл ямы поперек своего будущего пути — когда разгонится и конница и пехота? Чем? Головой. Ямы будут закрыты — телами тех, кто упал в них и кого притоптали вровень с краями, сотни следующих за ними воинов Хелла. Озверевшие оборотни и остатки конницы наддали — и толпой, не строем, мчались вверх по склонам — легкие на ногу оборотни на подъеме не отставали от лошадей. Под ногами зачавкало. Звериный нюх воинов Радмарта крикнул: «Смерть!» — и не ошибся — вар, сверкающий под лучами заходящего Солнца, вспыхнул, казалось сразу весь — и везде. Пламя, лизнувшее низкое над долиной небо. Смерд. Горящие тела, горящая шерсть оборотней, горящие гривы лошадей и плащи всадников — пламя легким, звериным скоком летало по толпе.

Радмарт, прошедший колья, чудовищным прыжком выскочил за вар за миг до того, как он вспыхнул. За вожаком спешили, но не успевали, оборотни Северных Топей. Пламя взяло свою дань. Оборотней Радмарта встретила полусотня поджигателей — легковооруженные ратники с воем и рыком кинулись на них — избегая всадников, искали оборотней... Они не стали ни бежать, ни ждать Дорогу. И полегли все — под клыками волков Радмарта, под мечами тех, кто не стал перекидываться — но всадников Востока уже не было среди тех, кто выскочил из огня. Здорово досталось и тяжелой пехоте Хелла — надеясь пожать урожай побогаче, поджигатели выжидали так долго, как могли — оттого Радмарту и его нелюдям удалось частично проскочить сквозь предложенную огненную купель. Вар выгорел, черным дымом стлался горелый ковыль, смердом тянуло от грудями лежавших черных, обугленных комков — тел оборотней, всадников и тяжелой пехоты — потери Хелла и Радмарта были ужасны. Но и оставшиеся все еще были грозной, а теперь еще и взбешенной силой — как показалось бы при взгляде на Хелла или Радмарта.

«Вперед!» — выл Радмарт. «Назад нельзя, только вперед!» «Вперед!» — гремела над полем глотка Хелла

... И свирепый хохот Грута Одноносого мешался с воплями стрелков Дороги.

— Вей-й-й-я-я-я-я! — ответила долина. И земля загудела. Теперь это почувствовали не только оборотни. Земля дрожала, а воздух, вечеряющий воздух осеннего горного дня рвался

и метался ключьями от дикого, многоголосого «Вей-й-й-я-я-я-я!»

Я не видел, как воины Хелла и Радмарта валились в ямы и умирали в огне. Но я это слышал — вой умирающих и покалеченных несся над долиной, то усиливаясь, то чуть утихая. Потянуло смрадом — перед этим выли особенно громко. И я погнал Буруна в галоп, пока еще сдерживая его.

Сотни спасшихся оборотней, тяжелая пехота Хелла, легкие латники Хелла — это войско успело прийти в себя за те мгновения, что оставались им до встречи с конницей Вейа. Нелюди и ветераны — страшная смесь. Да, они потерпели большой урон — но умирать просто так не собирались. И Хелла, и Радмарт и Советующий, как, должно быть, и каждый из оставшихся, уже понимали, что склон перед ними наиболее круто идет вверх — лавина, которая обрушится оттуда, сомнет их. Место для встречи с латниками и тяжелой конницей Дорога выбрал наиболее удачное. Если кто-то удержится — то их будет немного. Остатки же нагонят на стрелков на скалах и на пробку обоза — и просто раздавят о скалы. Все. Оставалось надеяться на упрямство тяжелой пехоты Хелла. На мастерство легкой пехоты Хелла. Оставалась одно — оборотни еще могли встретить и конницу Вейа, и тяжелую пехоту — около шести сотен полулютков стояли позади Радмарта, воя от ярости. Расступиться и пропустить лаву Дороги! И тут...

... Мы как раз выскочили на взгорье, откуда видны были ряды войска Хелла, как вдруг с неба упала Великая Сова. И села прямо перед оборотнями Радмарта — стоявших теперя впереди всех. Я узнал ее — это был Белоглазый. Вот так... Я поднял руку с мечом, резко отмахнув и понемногу стал натягивать поводья. Остановится враз мы, конечно, не могли, но постепенно скорость угасла и мы встали. За нами, конницей, тяжело ступала тяжелая пехота, замедляющая шаг и слышался топот легковооруженных ратников — этим встать было проще всего. Теперь меня и Радмарта разделала от силы полусотня шагов. Та же полусотня разделяла меня и башню Хелла — он вышел вперед, к Радмарту — узнать, что еще готовит им щедрый на неожиданности вечер. И он оказался щедр!

Великая Сова рассмеялась прямо в глаза Хелла и отвернулась — повернув голову к оборотню.

— Я буду говорить с тобой, Радмарт. Так как Хелла и ты — одно и то же, — жестко вбил Белоглазый клин между оборотнями и ведогонами. — Или Хелла не понял еще? Вижу, что нет. Советующий же его — такая же игрушка, как ни странно. Вы хорошо постарались, Радмарт.

— Что ты хочешь, Белоглазый? — вызывающе спросил Радмарт. Хелла же просто шагнул вперед, подняв на плечо свою палицу.

— Уж не думаешь ли ты, оборотень — или, точнее, не думал ли Вожак Оборотней Северных Топей, что ему удастся провести нас, фоморов? Когда Хелла решил завоевать майорат Вейа — ни с того, ни с сего, благоприятным момент не был! — мы уже насторожились, хех. А уж приглашение оборотней... Вы хорошо потрудились, Радмарт. Но вы забыли о нас — или думали успеть. Скорее, второе. Так вот — вы не успели. Хелла и Советующий под заклятьями оборотней, да, — на этих словах воины Хелла отступили от оборотней и от своего обезумевшего, оказывается, вождя. Никто не позавидовал бы им сейчас — из-под их ног уходила земля и каждое слово, сказанное Белоглазым, все сильнее раскачивало уходящую землю. — Но герцог Дорога — Друг Сов. Начиная войну с ведогонами, Радмарт, вы вышли за пределы Закона. Вы не могли этого делать. И не надо кивать на Хелла, хех — что это-де, его приглашение сорвало вас с болот. Кто может

провести фомора? Ваши кудесники? Смешно! — Белоглазый со вкусом посмеялся и резко оборвал смех. — Мы пришли, Радмарт. Дорога под защитой Великих Сов — не говоря уже с Больших. Хелла, ты понимаешь мои слова, — не вопросом, приказом, огромные глаза фомора ткнули герцога прямо в сердце. Оно застонало, заныло, пелена поползла со взора великана. Он пошатнулся и прохрипел: «Да, фомор... Я понимаю тебя. Очень хорошо понимаю». Советующий же Хелла просто закрыл лицо руками и сел в траву.

— Ты переступаешь черту, Радмарт. То есть, вы уже за ней. Оборотни не должны вмешиваться в дела людей, — спокойно сказал фомор.

— Нас призвал герцог Хелла, Великая Сова.

— Это ложь, но все равно. Ты хочешь провериться с Большими Совами, Радмарт? Или уж прямо с Великими?

— Дорога оскорбил нас. Он умрет.

— Он сделал и еще кое-что, хех. Так что спрашиваю еще раз — ты хочешь провериться с Совами, Радмарт? Повелитель Севера будет тебе очень признателен. И твоей подруге, братьям, сестрам. Всем. Ну?

— Мы сразимся с Дорогой один на один, — уступает Радмарт.

— Хех, мало того — если ты будешь убит и Дорога вырежет твоих оборотней, глава Севера не сможет даже отомстить ему — вы нарушили закон. А мы, фоморы, сейчас стараемся восстановить равновесие. Не кивай на Хелла — он сам ответит за свои дела, а точнее, за ваши. Да, он под заклятием — но это его не оправдывает. Спасти он может, отдав Дороге свою Цепь, хех. Что скажешь, Хелла?

— Ты знаешь, что я скажу, — Хелла стал самим собой. На миг, но перед фомором встал величественный государь майората Хелла.

— Дорога! — Позвал Белоглазый. — Подойди ко мне, герцог Дорога!

Я спешился, кинул поводья Силе и пошел вперед. К позвавшей меня Великой Сова.

— Здравствуй, Друг Сов, — спокойно сказала Великая Сова, когда я подошел и встал перед ней.

— Здравствуй, Великая Сова, — ответил я. Вечерело...

— Герцог Дорога, за тобой право выбора. Ты можешь решить, что будет — как вы решите свои дела с Радмартом и Хелла.

— Мои дела с Радмартом я решу так, как он того захотел, — это сказал я. Герцог Дорога. Маленький сид, хотевший переселиться в мои погреба, встал перед моим внутренним взором. Я не хотел признать поражение оборотней и дать им вернуться в свои болота.

— А что ты потребуешь от Хелла?

— Об этом я буду говорить потом. Радмарт вправе быть первым — по непонятной причине, он считает за собой право оскорбленного. Пусть будет так.

Радмарт опасен. Очень опасен. Невероятно, нестерпимо, необыкновенно опасен... Сила, клокотавшая в нем, просто чувствовалась в каждом его движении — я уже говорил, что понял цену словам здесь, на Кромке? В руках оставшегося человеком — странное на вкус сочетание — секира, длинное, окованное древко, лезвие — от кончика до кончика в этом полумесяце никак не меньше локтя. Свободное, быстрое движение — вот что такое Радмарт. Звериная мощь и скорость нежитя — вот что такое Радмарт. Оскаленные в мертвящей улыбке клыки и желтые, бело-желтые глаза — вот что такое Радмарт. Загнанный в ловушку, обманутый слуга, вчерашний победитель, сегодня он будет драться за жизни

своих соплеменников и родных — вот что такое Радмарт. Убитый сид, мечтавший поселиться у меня в доме. Мой дом, разрушенный и сожженный. Убитые Соседи. Убитые ведогонь. Сгоревшие печища и селища, городища и усадьбы, выкошенные под корень. Растерзанные бабы и девки. Жуть, тоска, заливаемая кровью, неугасимый голод, гнавший их вперед — вот что стояло передо мной и звалось «Радмарт». Я убью его. И вдруг он поплыл — поплыл в воздухе, поплыли его четкие очертания — он на глазах становился просто сгустком тумана, а его секира — красным лучом. Красная же корона вилась языками пламени над его головой. Он злился. А я нет. Меня уже не было. Был спокойный, жестокий разум, отслеживающий все движения Радмарта — как телесные, так и мысленные. Все стало просто. «Радмарт опасен» потеряло смысл. Он просто был — рябил, тек над травой — и он был смертен ничуть не хуже любого из здесь присутствующих. Перемена в нем не испугала меня. Мало того — даже не насторожила. Все равно. Все одно.

Далеко-далеко, в золотящемся дожде заходящего Солнца, в черной тени под огромными елями, стояла, подняв к небу тонкие, жесткие руки Ягая. Облако волос ее, не скованное нынче даже обручем вольно вилось вокруг ее стана, рвалось с плеч в небо — ветер лютовал этим вечером у границы Кромки, обнаженное тело стражницы чисто и четко белело на фоне синих еловых лап. «Где ты, Дорога? Что ты, Дорога? Покажись, отзовись, откликнись!» Она нашла герцога, хищная улыбка раздвинула ее губы и пропала. И снова мелькнула. Да, она была права. Она не ошиблась в Дороге.

Радмарт шагнул было вперед и замер — вокруг фиолетового силуэта Дороги внезапно потек зеленоватый свет. Он, казалось, сочился из колец его брони, от железных пластин сапог, от совоголового шлема, от лица — мертво-спокойного сейчас. Дорога был окружен зеленоватым облаком уже с ног до головы — оно коконом окутало его. Ошибиться Радмарт не мог. Недаром он был Старшим. «Дини Ши!» — в ярости рыкнул он.

— Да, — хохотнул фомор. — Именно. Твой повелитель, Радмарт, надеялся на то, что кровь его ослабла, хех. Поэтому вы здесь. Хотя так и так вы были бы здесь — все вы. Ибо ты раб, — и в этих словах отчего-то не послышалось оскорбления. А скорее, тоска охватила Радмарта, свирепого оборотня Северных Топей. Он мягко прыгнул вперед, как только Великая Сова топнула и произнесла: «Начинайте». Схватив секиру правой рукой за конец древка, Радмарт послал ее по кругу, целясь в голову герцогу Вейя, который спокойно шагнул внутрь этого полукруга стали и дерева. Лишь присел слегка — и на обратном движении секира смахнула с него шлем. Ответный выпад Дороги, метнувшегося вперед-вбок, Радмарт уклоняется, отчаянно изгибая корпус — кажется, ушел, нет. «Крыло полуночи» жадно лижет обнаженную руку оборотня. Кровь неуверенно выглянула из лаза расступившейся плоти, осмотрелась в вечернем свете — и, счастливо булькнув, побежала, потекла, хлынула, заливая бок нежитя. «Раз!» — крикнул Сила. Оборотни Радмарта молча, свирепо смотрели на поединок их вожака и Дини Ши, проснувшегося, наконец, в последнем носителе Древней Крови. Удары Радмарта легли градом, весенней россыпью — но Дорога ушел из-под него, упал на бок и прокатился по земле — секира Радмарта клевала землю, как голодный дятел долбит лесину, но не догнала герцога, тот откатился и вскочил на ноги, в длинном выпаде достав концом меча живот Радмарта. Кольчуга оборотня лопнула, меч Дороги метнулся назад — казалось, ему не к спеху, этому быстрому герцогу. Этому хищно поющему мечу. Радмарт отчего-то замешкался — в этот миг, единственный за весь поединок, он мог достать голову герцога. Мог. Но не стал. Перед его глазами отчего-то вынырнула оборотниха, которую Дорога пощадил в лесу. Неуместное воспоминание привело Радмарта в ярость.

Дорога больше не подставится! А она даже не была ему родней. «А кровь?» — спросил кто-то в голове вожака. Ответить было нечего. Он отплатил Дороге жизнью за жизнь. И все. Больше он этого не сделает. «Два!» — крикнул Сила. Секира крушила небо над Дорогой. осенний вечер выл от боли, от тяжких ран, которые нанес ему разъяренный оборотень. Словно сжалившись над ним, мучимым вечером, Дорога быстро шагнул вперед, рукой схватил опускающуюся секиру за древко и по рукоять, по эфес, вогнал меч в живот оборотню. Снизу вверх — и отступил назад, отпустив рукоять «Крыла полуночи». Радмарт постоял миг и мягко упал на спину, которая проросла стальным побегом. Но он был еще жив, глаза его горели голодом и яростью — он послал секиру над землей, в одном, последнем порыве — подсесть ноги Вейа и уронить его наземь — ближе к рукам и клыкам. Дорога перепрыгнул секиру и ногой выбил его из руки оборотня.

— Ну, вот и все, Радмарт, — сказал я. Оборотень, чьи губы пузырились кровью, усталос посмотрел на меня. Ярость ушла из его глаз. Тоска. Тоска и боль. Я снова видел его четко, законченно. Красное пламя отступило и угасло. Передо мной на траве лежал издыхающий оборотень.

— Отпусти... Отпусти... на Север... моих воинов... Дорога... Пусть они уйдут... Я же не убил тебя...

— Странная связь, — спокойно сказал я. Оборотень умирал, а я отчего-то должен был слушать его. Просто слушать. Напоследок.

— Я же пощадил тебя, Вейа! — оборотень собрал остатки сил.

— Ты пощадил меня, отдавая долг ценной оборотнихе, волколак. Мы квиты. Жизнь за жизнь. Я тебе ничего не должен. Но разве ты пожалел моих людей? Разве твои ратники пожалели Фира Даррига? Твои волки лягут здесь все, до единого. На Север дойдут лишь слухи о суровом майорате. Они станут опытом и знанием. Умирай, Радмарт. Ты ничего не можешь больше сделать. Я не скажу «Умирай спокойно».

— Выходка, достойная человека, — усмехнулся оборотень. В его угасающих глазах вновь искрой затлела ненависть.

— Или Дини Ши, «не знающих поражений в битвах». Бой на стенах Замка Вейа — это еще не битва, х-ха. Это лишь один бой, — можно было выдернуть меч, и оборотень быстро истек бы кровью и умер, но я не стал этого делать. Отвернувшись от рычавшего проклятия Радмарта, я подошел к Великой Сове.

— Что теперь, Дорога? — спросил Хелла.

— Теперь? Цепь, — я протянул руку. — Цепь — и ты уйдешь домой. Правда, один — твои люди будут отстраивать Замок Вейа. Каждое развлечение чего-то, да стоит, Хелла.

— Цепь?! — башня по имени Хелла просто затряслась от неукротимой ярости. Я знал ее. По себе. Но мне нужна была победа. А она висела на Цепи.

— Что скажешь ты, Великая Сова? — спросил я.

— Поединок, — негромко сказал Белоглазый. Ваши Цепи равноценны. Хелла виноват по Закону — и ты вправе требовать его Цепь. Но он здесь по праву Войны — и он может взять твою. Вы оба — равны. Происхождением и в чем-то — кровью. Подбери свой меч, Дорога, если желаешь.

— Не желаю. Радмарт досмотрит все до конца. Ему будет, на что посмотреть.

— Тогда... Возьми этот, — и Белоглазый взял из воздуха меч Рори Осенняя Ночь. «Право друга» — поспешно сказал он, когда меч выпал в его лапу. И он передал его мне — я принял его на вытянутые руки. Меч молчал. Кровь сида улеглась, и Хелла и не думал течь и

рвать. Его не окутало пламя. А глаза его, наливавшиеся кровью, были глазами вошедшего в рассудок человека. Жестокая ухмылка комкала его пухлые, чувственные губы — губы любителя радостей этой жизни. Гигант. Полукровка — я чуял это. Кто-то из исполинов явно щедро влил в вены рода Хелла свою кровь. Кто? Какая разница... Я поднял меч по слову Белоглазого. Сегодня мне везло на поединки, как Хелла — на сюрпризы. Радмарт прохрипел за спиной: «Прошу тебя, Хелла... Убей его». Просто и достойно сказано, спору нет. Хелла — просто чудовище. Шанс мне дает только длина меча. Парировать его удары — смерть. Сначала двуручника, потом моя. И палица Хелла падает возле меня — я успеваю отодвинуться — на пядь. Хотел бы на локоть. А лучше — на сажень. Но не тут-то было. Скорость ударов Хелла просто ужасающа — пока я вижу их, я живу. Ошибись я — все. Споткнись я — все. Замешкайся, отпрыгивая — все. Это будет просто — тяжелый хруст и небо погаснет. Ему не нужно, для взмахов его страшной палицы, кажущееся необходимым для этого время — он машет ее настолько легко, что это кажется ненастоящим. Но вой воздуха, который попадет под удар, вой рассекаемого верхковыми шипами воздуха дает понять, что все здесь очень даже настоящее. И палица, и Хелла, и... И я спотыкаюсь.

Дорога чудом отпрыгнул от удара и поскользнулся — Хелла поторопился ударить и промазал. Взвыв, он ударил еще раз и шип палицы рвет с шеи Дороги Цепь герцогов Вейа. Она, серебряной змеей, летит к ногам Хелла. Дорога падает на землю, спиной и почти тут же вскакивает — меч он не выронил и держит его перед собой. И тут с неба рушится дикий, ранящий слух, вопль: «Цепь на земле!» И с небес, прямо на Цепь, падает еще одна сова — Шингхо. Цепь Дороги лежит меж его лап — ни одним когтем он не касается ее, но стоит над ней, широко расправив крылья. «Прекратить!» — второй, дикий, неистовый крик издал Белоглазый.

— Цепь на Земле, — повторяет он уже негромко. Я ничего не понимаю, но Белоглазый объясняет: «Цепь на земле. Ее может поднять Хелла — она ближе к нему. Есть ли у тебя, герцог Дорога, кто-то, кто может подхватить ее и передать тебе?» Я молчу. Кто? Шингхо? Белоглазый? Им мою цепь?! Сила? Еще кто?! Молчу. Молчу. Я не знаю Закона, но это не спасет майорат, ошибись я.

— Я спрашиваю еще раз — есть ли в Мире друг, подданный, родич или жена, кто мог бы поднять эту Цепь и вернуть ее тебе, герцог Дорога? — в вопросе фомора есть ответ. Я успею найти его! «Друг, подданный, родич или жена» — это ответ? Какой? Ясно одно — неважно, где, лишь бы на Кромке. Друг? У меня нет друзей. Я не дам Цепь в лапы Шингхо. Просто не дам. Подданный? Цепи герцога не дают в низкие руки. Родич? Здесь у меня нет родичей. Жена?

— Я в третий раз спрашиваю тебя, герцог майората Вейа — есть ли у тебя друг, подданный, родич или жена, здесь, в этом Мире, которые могли бы подхватить твою Цепь и передать тебе? — Хелла уже торжествует. Рано. Сейчас небо упадет на твой шлем, дурачок.

— Есть, — это говорю я. — Есть.

— Кто это? Ты можешь объявить кого угодно и кем угодно — кому ты можешь поверить.

— Жена, — так бы и сразу — сказал бы про то, что я волен в выборе. Теперь легче.

— Кто она? — Белоглазый удивлен, я чую это. Хелла поражен. Шингхо просто молчит, но я давно знаю его, давно, он просто ошеломлен.

— Стражница Кромки. Ягая из Синелесья.

— Ты уверен, герцог Дорога?

— Да.

— Что здесь может представить ее?

— Вот это, — и браслет, подаренный Ягой, вспыхивает в последних лучах заходящего Солнца. Змеи, казалось, торжествующе шипели — так пульсировал на моем запястье подарок Пограничницы.

— Я признаю право Дороги объявить жену. Он волен в выборе, и выбор его верен. Государыня Дорога здесь. Возьми Цепь.

Далеко-далеко, в днях пути, под синими лапами елей, Стражница Кромки, Ягая, жестокая преграда на пути, последняя встреча любого, кто недостоин перехода, жестокость и сила, черная ночь и смотрящая ее глазами ледяная прорубь — она, она, она... Подняла руки к голове, потом опустила к сердцу, закинула лицо к небу и расхохоталась — сидбродяга все же смог удивить ее.

Рукой, на которой был браслет Ягой, я поднял свою Цепь и, сжав лопнувшее звено, одел ее на шею. А потом я...

Большая Сова, Шингхо, был потрясен, погребен под хлынувшими мыслями, где особенно ярко искрилась одна: «Теперь будет вообще все как по маслу. Дини Ши и Ягая. Семейка».

Хелла втянул воздух ртом — с шумом, яростно выдохнул и вновь поднял палицу — двумя руками. Бешенство охватило его. А Дорога... А государь майората Вейа, герцог Дорога, вдруг воткнул меч острием в землю и, оттолкнувшись от него, как от шеста, кошкой прыгнул на грудь герцогу Хелла. Тот устоял — сила гиганта была огромна, выпустил палицу и схватил Дорогу в железный обруч своих рук — он просто должен был раздавить Вейа. В миг, когда тиски его рук прижали Дорогу к его груди, локоть Вейа, облитый кольчугой, движением снизу вверх, в которое Дорога вложил всю ненависть рода Вейа к чужим, ударил Хелла в нос, огромный, горбатый нос и вбил его прямо в мозг великана. Раздался хруст — казалось, он эхом отдался в скалах — так тихо было вокруг после прыжка Дороги, хлынула кровь из ноздрей Хелла, и он повалился на спину, как деревянная мачта — прямой и могучий, так и не разжав последних объятий. Дорога разорвал объятия Хелла и встал, дернул чужую Цепь и негромко спросил — ребра его были сломаны, он дышал мелко и часто, как собака в жару: «Кто ваш государь?» — глядя на воинов Хелла. «Ты, герцог Вейа!» — хор голосов разорвал тишину и в ответ торжествующе взвыли воины Дороги.

Я поднял руку. Тихо. Я хотел тишины, и она настала. Боль в поломанных боках валила меня, хотелось лечь, опуститься на траву и замолчать... Но было еще кое-что. И это кое-что требовалось сделать. И немедленно. Собрав все, что было «я», я громко сказал: «Убивайте их. Убейте их всех. Всех оборотней Северных Топей. Сорвите потом десять шкур и доставьте их в Замок Совы. Убейте их сейчас». И латники Хелла — вернее, мои латники, легкая пехота — опять же моя, тяжелая конница, тяжелая пехота с двух сторон обрушились на ратников Радмарта — потерянных, преданных, брошенных. Битвы не было. Была резня — оборотни бились отчаянно, смертно, в тоске — жуткая смесь, напиток поражения. И они, вкусив его, они, те, кто еще остался, бросились бежать. К проходу. Без надежды. И ни один из них не ушел, но нам не досталось ни одной целой шкуры. Ни одной — из тех десяти, что принесли в Замок Совы потом. Ни одной — потому, что ни одной целой шкуры не осталось на яростных оборотнях Северных Топей.

А я стоял, опираясь на выдернутый из земли меч Рори Осенняя Ночь. Стоял, пока последний оборотень не лег у скал, пронзенный стрелами. Стоял, глотая кровь, бегущую из

глотки в рот. Видимо, одно из ребер пробило легкое. А потом я упал. Я не умирал. Это было бы слишком глупо — за вечер вдвое увеличить свои земли, стать герцогом Двух Цепей, жениться и умереть — глупо. Я просто лежал на земле, ко мне бежали люди — из замка, я слышал их топот, но первым ко мне подоспел Шингхо, стоявший рядом.

— Что скажешь, Дорога? — спросил он меня.

— Я неправильно использовал меч Рори, — сказал я. Шингхо насторожился. — Так... Было нельзя... Зато... Я кое-что понял, Шингхо... Что значат эти слова...

— Какие? — быстро спросила Большая Сова.

— На единорогах не пашут, — проглотив кровь, ответил я ему. И улыбнулся.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Глоссарий

Аблам — скатная постройка на стенах города или замка. По ним спускали на врагов деревянные скаты.

Арнис — традиционный арнис учит самозащите, метод которой сводится к тому, что сначала поражают палкой суставы вооруженной руки противника, а затем наносят несколько ударов ему в голову или корпус.

Аршин — (тюрк.), мера длины в ряде стран, равная 16 вершкам (71,12 см).

Банник — суровый банный дух. Если его не задобрить, может запарить, убить человека.

Баньши — сиды с длинными распущенными волосами, в сером плаще поверх зелёного платья и с красными от слёз глазами. Баньши опекают старинные человеческие роды, издают душераздирающие вопли, оплакивая смерть кого-либо из членов семьи. Когда несколько баньши собираются вместе, это предвещает смерть кого-то из великих людей. Увидеть баньши воочию — к скорой смерти. Порой баньши принимает облик уродливой старухи, порой становится бледнокожей красавицей, а иногда является в образе рано умершей невинной девы из числа членов рода.

Бастон, мутон — палки из пальмового дерева либо из бамбука. Их длина находится в пределах 70–80 см, диаметр 2,5–3 см, концы тупые. Оружие, применяемое в арнисе.

Берегиня — речной дух в женском облики. В противоположность Русалке чаще добрый, оберегающий.

Блазень — тень домового или усопшего родича, являющаяся по ночам. Первоначальное название приведения.

Блудячий (бродячий) огонек — неприкаянная душа, другие утверждают, что это совершенно самостоятельный сид. Чаще всего бродячий огонёк является запоздалым путникам, сбивает их с дороги и заводит в болото или к обрыву. Но может указать и местонахождение клада или привести к интересным приключениям. Ещё говорят, будто бродячие огоньки указывают границу Волшебной Страны, а носят их сиды, которых не пускают домой. У славян **Б.о.** сам по себе не опасен, но человек, которого они коснулись, теряет зрение и память, ходит в пустоте и темноте, сам постепенно становится **Б.о.** Если ему удастся перекинуть свою слепоту на человека (прикоснуться), он гаснет и уходит за кромку. Если нет — мечется долгие годы, обреченный на бессмертие. Здесь оба варианта.

Большак — дух дома, старший над всеми остальными домашними духами.

Брамица — чаще кольчужная сетка, спускающаяся со шлема и закрывающая шею от ударов.

Ведогон — у южных славян незримый дух, сопутствующий людям от рождения и до смерти. Во время сна исходят из человека и охраняют его имущество от воров, а его жизнь от неприятелей или чужих, недобрых ведогонов. Смерть ведогона означает для человека его скорую смерть.

Вершок — русская мера длины, равная 4,45 см. Первоначально равнялась длине фаланги указательного пальца. 4 вершка = 1 пяди.

Видок — очевидец, свидетель.

Влазня — вход, прихожая.

Волколак — человек, по своей или чужой воле обратившийся зверем, чаще — волком. Здесь применено по отношению к оборотню вообще.

Волхв (волховка) — кудесник, волшебник, т. е. человек, наделенный некоторой магической силой.

Голбечник — Домовой, живущий под голбцем — пристройкой к печи, огородкой возле печи.

Дасу — жители темного царства, демоны.

Дворовый — дух дома и двора. Больше присматривает за скотиной и двором, чем за домом.

Дини Ши — когда-то эринские Дини Ши были богами, потом стали витязями, не знавшими поражения в битвах, а потом превратились в сидов. Дини Ши — типичные героические сиды: они ведут образ жизни странствующих рыцарей. Эти сиды могут по желанию менять облик: от старика до ребёнка. Как правило, они тоскуют по былым временам, очень печальны и могут заразить своей печалью смертного, да так, что он тоже уйдёт странствовать и искать некую призрачную недостижимую цель.

Донжон — главная башня в замке.

Заговоренное мочало — средство для смены облика человеком. Например, волколак — не оборотень от рождения, а становящийся волком по своей или чужой воле, нуждается в специальных средствах. В том числе и заговоренном мочале.

Исподница — длинная женская нижняя одежда, рубашка.

Клевец, чекан — боевые, остроносые молотки.

Кайт Ши — громадный чёрный кот ростом с овчарку, на груди у него белое пятно, спина выгнута дугой, а усы стоят торчком. Самый крупный из кайт ши появляется во время таргейма: это зловещее заклинание, которое состоит в том, чтобы на протяжении четырёх суток поджаривать заживо кошек, пока не появится главный кайт ши по прозвищу Большие Уши и не выполнит желание мучителя. Кайт ши лучше не дразнить, и тем более не сердить. Иначе не избежать неприятностей.

Клуракан — старичок, обитающий в винном погребе. Он следит за сохранностью вина и пива, но и сам не прочь промочить горло, особенно, если найдёт среди смертных собутыльника. Клуракану нравится пугать людей. Обычно клураканы расхаживают в красных курточках. Если подружиться с клураканом, он может показать, где зарыт клад. Пьяные клураканы забавляются тем, что катаются на овцах, подбрасывают в воздух шляпы и вопят от радости.

Корриган — Дева ручья, хранительница родника. Когда наступает полнолуние, корриганы принимаются расчёсывать свои длинные волосы золотыми гребнями, медленно и неторопливо, словно в такт течению воды, которая в такие ночи приобретает целительные свойства. Причесавшись, они купаются, танцуют, поют. Если смертный мужчина услышит пение корриган, он обречён — либо он женится на корриган в течение трёх дней, либо умрёт. Каждую весну у них бывает праздник, на котором они по очереди пьют из хрустального кубка, приобщаясь к тайнам поэзии и мудрости. Корриганы носят белые одежды и могут по желанию менять обличье: становятся пауками, угрями или змеями. Ночью они невыразимо прекрасны, а днём уродливы.

Коса — здесь оружие — напоминает обычную косу, только укороченную, с укрепленным почти параллельно древку лезвием.

Кромка (кромешники) — на Руси место обитания духов и существ любого толка, «вне, кроме» — за пределами внешнего мира.

Кутиха — дух дома, обитающий в куте (углу) избы.

Ланон Ши — «Чудесная возлюбленная» — кровожадный дух в женском обличи. Обычно она является какому-либо мужчине в образе писаной красавицы, для всех остальных незримой. Её чудесный голос и музыка, которую она наигрывает, вдохновляет певцов и поэтов. Они жертвуют жизнью, ради того, чтобы на краткий миг испытать прилив вдохновения и познать славу.

Лепрекон — маленький башмачник, постоянно тачает один тот же башмак. Лепреконы не прочь выпить, ещё они обожают табак и не выпускают изо рта трубки. Лепреконы стерегут запрятанные сокровища, местонахождение которых можно выведать, если поймать лепрекона и подробно у него всё выспросить. Но ещё никому не удавалось перехитрить лепрекона: он всегда найдёт способ вывернуться и удрать. Вид у лепрекона весьма экзотический — ярко красный нос, треуголка, зелёные штаны и жилет с громадными блестящими пуговицами, кожаный фартук.

Лесной Старец — старик, дух леса, похищающий и уводящий на Кромку детей.

Летник — женская верхняя одежда, носившаяся поверх длинной рубахи и по виду похожая на рубаху.

Локоть — древнерусская мера длины (XI–XVI вв.), равная 38–46 см (длина локтевой кости человека).

Ман — в широком понимании — те, кто «манит», т. е. обманывает, мерещится.

Медуша — низ дома, используемый чаще всего для хранения меда. Предшественница погреба.

Мнилко — духи, живущие в малонаселенных, безлюдных местах. Они «мнятся», мерещатся и могут принимать различные облики. Чаще — духи невинно убитых родичами людей.

Морена — богиня холода, бесплодной дряхлости и смерти.

Наворопник — разведчик, лазутчик.

Нежити — духи-хозяева определенных территорий, строго требующие уважения к себе и установленным ими законам. (водяные, лешие, банники и т. д.)

Незнати — нечистая сила неопределенного рода, а также невидимые люди.

Обаянник — колдун, обладающий умением «обаять», обворожить человека своей речью.

Облакопрогонник — могучий колдун, повелевающий погодой, в частности — облаками.

Обмень — колдун или ведьма, превращающиеся в зверей, камни, кусты.

Овинник — дух-хозяин овина.

Омутник — дух-хозяин омута.

Пастень — дух, призрак, тень Домового, появляющаяся ночью на стене дома.

Пернач, шестопер — оружие, класс ударно-раздробляющих, род булавы, палицы — различаются формой навершия, которым и наносится удар.

Пишог — наваждение, морок, мара. Насылается тем, кто умеет это делать.

Пока — покой зовётся валлийский и эринский родичи английского пака. Он обладает способностью к оборотничеству, охотно помогает людям, но не прочь и пошалить. Любят

сбивать с дороги путников. Поки не терпят неверных влюблённых. Поку можно прогнать, предложив ему в дар новую одежду. У эринского поки козлиные рога и копыта. Он может перекидываться в осла, лошадь, летучую мышь, козла и орла. Способен ради шутки похитить человека, подняться в небеса и сбросить на землю. Может притворяться бродячим огоньком.

Полок — лавка, приделанная одной стороной к стене дома.

Пядь — древнерусская мера длины. 1 пядь = 4 вершкам = 1 четверти, обычно 1 пядь = 17,78 см.

Росомаха — дух поля и леса в облике женщины с длинными, распущенными волосами, ворующий детей. Считалось, что Росомахи пожирают украденных младенцев.

Русалка — противоположность берегини — дух рек и озер в женском обличи.

Сажень — русская мера длины. 1 сажень = 3 аршинам = 2,1336 м. Известны маховая сажень (1,76 м), косая сажень (2,48 м).

Сид, сйда, сиды — в фольклоре германских и кельтских народов, прежде всего — ирландцев, шотландцев и валлийцев, общее наименование сверхъестественных существ. Сидов можно разделить на несколько родов. Бывают сиды добрые и злые, героические, бродячие. Сиды — героические фейри. Сиды (самоназвание «ши») — аристократы Волшебной Страны. Они ведут свой род от Туата Де Даннан — расы богов. Несмотря на то, что свою божественную силу сиды практически растеряли, люди боятся их, уважают и преклоняются перед ними. Сиды в незапамятные времена сошли с небес на землю и принесли с собой многие умения и искусства. Сиды высоки ростом и красивы настолько, что людям опасно на них смотреть.

Скат — тяжелая воинская деревянная снасть, скатываемая на противника с абламов осажденного города или замка.

Стрела-срезень — стрела с очень широким, «срезающим», наконечником, как правило, в форме полумесяца.

Тенгу — (яп.) горные лешие, хранители гор.

Уводна — существа, которые «уводят», запутывают, заманивают людей. К ним относятся почти все лесные духи, манны, русалки и т. д.

Филиды — или «поэты». Их занятия включали в себя немалую часть функций, перечисленных Цезарем: история и генеалогия (которые представляли по сути одну и ту же дисциплину, которая занималась составлением генеалогии правящего царя, уходящей как можно дальше вглубь веков), литература (чтение наизусть мифологических и эпических легенд и поэм), предсказания и сатира (которые являлись для царя и друида средствами управления или давления на царскую власть), правосудие (свершаемое царем, но возвещаемое друидом, который обычно был законником: царь-судья — это исключение), обучение (организованное до самых глубин доктрины, подобно обучению у индийских гуру, первые уровни которого, однако, были доступны для любого), дипломатия (разнообразные посольства и переговоры, заключение договоров о дружбе и союзе), музыка (арфа, струнный инструмент, но отнюдь не духовые и ударные инструменты), медицина (ее три аспекта: заклинания, хирургия и лечение травами), распределение напитков (виночерпий: он разделял доли сотрапезников, но разливала напитки в кубки царица), информация (друид-привратник, опрашивающий гостей), архитектура (строительство домов или крепостей).

Фир Дарриг — крошечный сид с голубым носом. Они ходят в красных куртках. За глоток виски позволяют смертным, попавшим в плен к сидам, бежать из Волшебной Страны,

а также учат заклинаниям против чар и дают амулеты. Впрочем, особо доверять им не следует, ибо они не прочь созорничать, а шутки их порой граничат с жестокостью. Фир Дарриг великие искусники насылать наваждение (пишог), своими чарами они могут превратить день в ночь, мужчину в женщину, пищу в пыль и так далее.

Чинкуэда — итальянский прямой короткий меч с обоюдоострым клинком, очень широким у рукояти.

Шифра. — Крошечные бродячие сиды. Они носят шапки, напоминающие по форме цветы наперстянки. Чаще всего о шифрах рассказывают, что они похищают молодых девушек и детей, вместо которых оставляют подменшей.

Эскрима — (исп. бой, схватка) филиппинская техника владения палкой, см. арнис.

Ямамба — (яп.) горная ведьма, хранительница местности.

notes

Примечания к повествованию, сделанные лепреконом Роном Зеркало

Подробнее смотри в «Хрониках Эльфийского Нагорья», период Бегущей Воды, свиток 777 «О появлении на Эльфийском Нагорье человека, по имени Рори, впоследствии — Рори Осенняя Ночь, за авторством л-на (здесь и далее — «л-н» означает сокращенное «лепрекон») Рона Зеркало.

Подробнее смотри в «Хрониках Эльфийского Нагорья», эра Бегущей Воды, свиток 775 «О последнем сражении вольного кельтского клана при содействии и помощи датских викингов с Рори Осенняя Ночь на берегах Вратной реки», за авторством л-на Рона Зеркало.

Этим Рори Осенняя Ночь очень честно дает понять, что его образование носит очень сумбурный характер и невысокого уровня (прим. л-на Рона Зеркало).

У некоторых бардов, как я погляжу, слишком длинные языки! (прим. л-на Рона Зеркало)

Рори Осенняя Ночь явно имеет в виду заклятие «Спор с душой», за что малолетним несмышленышам следовало бы изрядно намылить холку — окажись тяга Рори Осенняя Ночь к смерти сильнее — и его отлетающая душа вполне могла бы прихватить с собою и кого-нибудь из них! Впрочем, воспитание детей у эльфов никогда не стояло на должном уровне (прим. л-на Рона Зеркало).

В семи (прим. л-на Рона Зеркало)

Внучатый племянник Старого Рори О'Рула, лишь по недогляду за это не выпоротый
(прим. л-на Рона Зеркало)

Втрое. Можно подумать, что все остальные выходки людского племени прямо-таки воплощенный здравый смысл и упорядоченность (прим. л-на Рона Зеркало)

Как бы не так... (прим. л-на Рона Зеркало)

Надо же! (прим. л-на Рона Зеркало)

Это кто там кого ведет, что оба, в конце концов, падают, кажется, в яму? (прим. л-на Рона Зеркало)

Тонко. И всьма. (прим. л-на Рона Зеркало)

Нет, хорошо все-таки, что Рори Осенняя Ночь не бард! За такие изысканные образы, он бы и обглоданной кости не получил! (прим. л-на Рона Зеркало)

Такого рода неожиданные переходы от изложения от первого лица к изложению другого автора, вызваны тем, что рассказчики меняются, в зависимости от требований момента (прим. л-на Рона Зеркало)

Вот ведь далась тебе эта площадь! (из архивов Белоглазого, частично переданных им луну Рону Зеркало)

Гм... (точная цитата из архивов Белоглазого, частично переданных им л-ну Рону Зеркало)

Но-но! (прим. л-на Рона Зеркало)

Сложно уже сказать, что имел в виду косноязычный Белоглазый. То ли то, что нет приметы хуже, чем когда при встрече Двоих из глаз девушки потекут слезы, но стократ опаснее, когда две слезинки вытекут из одного. Или же он имел в виду, что Хельга просто пыталась утвердиться на грани Двух Миров, потому-то все и произошло только с одним глазом... Хотя вряд ли. И Хельге было это ни к чему. Да и Белоглазый... (прим. л-на Рона Зеркало)

Одна из многих особенностей Белоглазого, которые заставляют задуматься, над тем, к кому же его, все-таки, отнести? Вот, к примеру — его глаза. Он может пользоваться каждым из них так, как пожелает, хоть направить их одновременно в разные стороны, не будучи косым (прим. л-на Рона Зеркало)

Какой слог! Да, медведя тоже можно обучить танцам... А вот можно ли обучить осла петь? (прим. л-на Рона Зеркало)

И никому, само собою, в голову бы не пришло во чтобы то ни стало околачиваться тут, ожидая ореховой зрелости и пытаясь не попасться Ланон Ши. Нет, если кто и ходил туда, то только лишь юнцы, горячие и глупые... И глупость и горячность у эльфов длится много дольше, нежели, к примеру, у нас. Про людей я вовсе умолчу (прим. л-на Рона Зеркало)

Скажите, пожалуйста! Он, видите ли, уже знал про «Хроники». Да, знал. Он уже умел читать, поразительно быстро освоив эту науку. Хотя, при таком наставнике, как некий л-н... (прим. л-на Рона Зеркало)

Когда б еще Люди интересовались подобными мелочами... (прим. л-на Рона Зеркало)

Уверен, что это обработка Белоглазого, из тех его архивов, которые он мне подсунул.
Рори, который говорит ТАК? (прим. л-на Рона Зеркало)

Нельзя же многого требовать... (прим. л-на Рона Зеркало)

Это ж надо, чтобы так везло! Ну, раз, ну два — но Рори словно задался целью повидать все, что смертным удастся видеть крайне редко... То Нагорье... (тут кусок просто оторван! Нет, конечно, я не могу ждать от колдуна приличного обращения с текстами... Но на сей раз он, точно говорю, выдрал его не по безалаберности своей! (прим. л-на Рона Зеркало, сделанное прямо поверх строки в архиве Белоглазого, частично тем переданного)

Или есть смысл прекратить попытки сделать окоlesiцу Рори, хотя бы, удобочитаемой?
(прим. л-на Рона Зеркало)

Эльфы считают неприличным рано находить себе пару в жизни. И поэтому двадцать, двадцать пять лет у них — самый лучший для молодой женщин, возраст... Можно подумать, что этот возраст — тоже не непростительно мал! (прим. л-на Рона Зеркало)

А вот тут Рори Осенняя Ночь явно себя переоценил — такие заявления если кто и способен делать, то уж никак не человек... (прим. л-на Рона Зеркало)

Что ж, общение с Народом Холмов, в целом, неплохо отразилось на Рори. (прим. л-на Рона Зеркало)

Да. Глубоко. Понурая свинка глубже корень роет. Нет, действительно... (архив Белоглазого, часть не переданная Рону Зеркало)

История, в целом, верна, за исключением детали о волынках. Неясно, отчего Рори решил, что они изобретены шотландцами. Это наши волынки! (прим. л-на Рона Зеркало)

Касательно же возмущения, которое легко предвидеть, я скажу лишь одно — с кем веками соседствуют сиды? С кем поведешься... (прим. л-на Рона Зеркало)

Кажется ему... (прим. л-на Рона Зеркало)

По-моему, им обоим только и оставалось, что подергать короля за бороду! (прим. л-на Рона Зеркало)

И слышимого плохо! (прим. л-на Рона Зеркало)

«Багрянец на воде» — хорошая вещь и к месту примененная. Что до сапфиров... То полуослепшие глаза стоят все-таки, несколько больше той трухи, которая наутро окажется в кармане этого глупца. (прим. л-на Рона Зеркало)

Браво! Не ожидал! (из архивов Белоглазого, не переданных л-ну Рону Зеркало)

Что за скверная привычка говорить самому с собой! (прим. л-на Рона Зеркало)

Это смотря, чего ожидать. Могло бы оказаться не хуже, во всяком случае. Хот я склоняюсь к тому, что и было бы лучше. Увы! (прим. л-на Рона Зеркало)

Можно подумать, что до этого он слушал деда краем уха! (прим. л-на Рона Зеркало)

На это стоит посмотреть! Тем более, что в этой части света никто более не владеет тайной такой быстрой и меткой стрельбы. (прим. л-на Рона Зеркало.)

Гениально! А о том, насколько такое брюхо может быть твердым от постоянного влачения такой туши по земле, кто будет думать? Уж явно не наш фомор! (прим. л-на Рона Зеркало)

Он действительно не знал? (прим. л-на Рона Зеркало)

Кто же мог знать, что люди знают это заклятье «Дневного Ключа»?! (прим. л-на Рона Зеркало)

И это тоже пришлось записать! (прим л-на Рона Зеркало)